Л. И. КУЛАКОВА
В. А. ЗАПАДОВ

А. Н. Радищев „Путешествие из Петербурга в Москву"

КОММЕНТАРИЙ

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Ленинград
Издательство „Просвещение"
Ленинградское отделение
1974

СОДЕРЖАНИЕ

Кулакова Л. И., Западов В. А.

К00 «А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий». Пособие для учителя. Л., «Просвещение», 1974.

256 с.

Комментарий к роману А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» представляет собой последовательное, построчное разъяснение текста романа. В книге охвачен огромный круг вопросов и проблем самого различного характера: философского, политического, исторического, историко-литературного, экономического, этнографического, эстетического и т. д.

Во введении дается краткая биография А. Н. Радищева. В специальной главе рассматривается творческая история «Путешествия из Петербурга в Москву».

Комментарий окажет большую помощь учителю-словеснику в его работе над одним из самых сложных произведений русской литературы XVIII века.

К $\frac{60501-033}{103(03)-74}$ 97—73

ВВЕДЕНИЕ

В статье «О национальной гордости великороссов» (1914) В. И. Ленин писал: «Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика» [1].

Большая часть жизни Александра Николаевича Радищева (1749—1802), чьим именем открывается история русского революционного движения, приходится на годы царствования императрицы Екатерины II (1762—1796), много сделавшей для укрепления российского самодержавия. В это время неизмеримо возросло угнетение крепостного крестьянства, за счет которого жила главная опора трона — дворянство, окончательно превратившееся при Екатерине из служилого сословия в привилегированное.

Сын богатейшего помещика, владельца десятков имений с тысячами крепостных «душ», находящихся во многих губерниях центральной России, потомок древнего дворянского рода, Александр Радищев в юности, в 1762—1766 годах, паж Екатерины II. Как один из лучших учащихся Пажеского корпуса, лично известный русской государыне блестящими способностями, проявившимися уже во время пребывания юноши при дворе, Радищев был направлен для получения юридического образования в Лейпцигский университет (1767—1771). По возвращении он получил должность протоколиста в Сенате, затем стал обер-аудитором (юридическим советником) в Финляндской дивизии (1773—1775). После подавления восстания Пугачева он вышел в отставку,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.

а с 1777 по 1790 год служил в Коммерц-коллегии, занимавшейся вопросами торговли, руководил крупнейшей в России Петербургской таможней, выполнял многочисленные поручения своего начальника графа А. Р. Воронцова. А по интересам и склонностям этот видный чиновник — политический мыслитель, писатель, поэт, теоретик литературы и стихосложения, экономист, историк, философ.

Радищев увидел коренные противоречия екатерининской России и стал на сторону угнетенного народа. Как зачинатель русской революционной поэзии он выступил в оде «Вольность», как мыслитель-революционер он предстает и в «Житии Федора Васильевича Ушакова» (1789), и в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске» (1782, напечатано в 1790 году), и в других сочинениях. Однако с наибольшей силой ненависть писателя к самодержавию и крепостничеству выразилась в «Путешествии из Петербурга в Москву» — произведении, которое раз и навсегда определило место Радищева в истории русского революционного движения и в истории русской литературы. «Путешествие» вобрало в себя весь разнообразный жизненный опыт писателя, отразило поистине энциклопедический характер его знаний и интересов, подытожило тридцатилетние наблюдения и размышления над самыми разными сторонами российской действительности, событиями мировой и русской истории.

Радищев был пажом, когда Екатерина II громогласно противопоставила себя, просвещенную государыню, монархам-деспотам, свое правление как просвещенную монархию — деспотическим государствам. В эти годы началась подготовка к выборам в Комиссию по составлению нового Уложения (свода законов). Она начала работу, когда Радищев был уже в Германии, но по немецким газетам и рассказам проезжавших через Лейпциг русских будущий автор «Путешествия» знал о горячих дебатах, развернувшихся в Комиссии по крестьянскому вопросу, о полемике между сатирическим журналом Н. И. Новикова «Трутень» и официозным органом «Всякая всячина». Вернувшись, Радищев как протоколист Сената и обер-аудитор воочию столкнулся с фактическим бесправием народа. Он был свидетелем Крестьянской войны под водительством Пугачева, на-

ступившей за этим реакции, видел меры, принятые для укрепления дворянской государственности. Внимательно следил Радищев за ходом освободительной войны народа Америки, приветствовал в оде «Вольность» создание независимой, свободной, как казалось в начале 80-х годов, республики США и проклял ее в «Путешествии» («Хотилов», «Вышний Волочок»), поняв, что богатство и свобода белых рабовладельцев базируются на нищете и бесправии народных масс. Он сочувственно отнесся к Французской революции 1789 года, сложные повороты которой заставили его позднее задуматься о ходе мировой истории («Песнь историческая», «Осьмнадцатое столетие» и т. д.).

Число спорных вопросов в связи с изучением жизни и деятельности Радищева вообще, «Путешествия» в частности, огромно[1]. Остановимся на главных, методологически важных проблемах.

Едва анонимно изданное «Путешествие из Петербурга в Москву» поступило в продажу, начались поиски автора крамольной книги. Радищева приговорили к смертной казни, замененной по «высочайшему матернему милосердию» десятилетней ссылкой в далекий Илимский острог. Под угрозой сурового наказания запрещалось печатать и даже читать книгу, «наполненную самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, наконец, оскорбительными и неистовыми изражениями противу сана и власти царской»[2].

На протяжении более чем ста лет, до революции 1905 года, царизм старательно уничтожал память о «Путешествии». Либерально-буржуазные ученые пытались добиться издания книги, но пробовали превратить писателя в своего союзника, приписывая ему либеральные убеждения. Для Екатерины II Радищев —

---

[1] Сведения о научных разногласиях по тому или иному вопросу в Комментарий как правило не включены, и авторы излагают свою точку зрения позитивно, не вступая в конкретную полемику. О спорах вокруг «Путешествия» в тексте Комментария сообщается лишь в исключительных случаях.

[2] Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 211.

«бунтовщик хуже Пугачева», П. Н. Милюков же утверждал, что «Путешествие» — всего лишь обращение к «философу на троне»[1], Н. П. Павлов-Сильванский говорил о Радищеве как ученике Екатерины II, а расправу с писателем объяснял изменением взглядов императрицы в конце царствования[2]. Не будем перечислять аналогичные или похожие суждения, когда бы они ни были высказаны. В. И. Ленин ясно и недвусмысленно установил место и роль Радищева в истории России как первого революционера.

Сложнее точно и кратко определить соотношение Радищева с последующими этапами освободительного движения, о чем немало спорили и спорят исследователи. Хронологически Радищев — предшественник первого этапа освободительного движения. Прямой предшественник дворянских революционеров-декабристов он и по многим пунктам своей программы. Однако представление, что освобождение народа явится результатом не милости «великих отчинников», а произойдет «от самой тяжести порабощения», т. е. будет итогом восстания угнетенных, отличает Радищева от декабристов и сближает с революционными демократами. Видя в крестьянстве основную силу, но силу стихийную, писатель не хотел простого повторения Пугачевского восстания, ибо видел его бесперспективность. Подлинное «сотрясение уз» — сознательное восстание, направленное против неразрывно связанных между собой самодержавия и крепостничества, — народная революция. Кто объяснит это крестьянам, кто внушит им мысль о необходимости сознательной борьбы? Показав, что к идее народной революции приходят лучшие люди из дворян, Радищев твердо верил в освобождение народа, но понимал отдаленность претворения идеи в жизнь. «Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие» («Городня»).

Неоднократно спорили о связи Радищева с просветительской мыслью Запада. В дореволюционных и не-

---

[1] П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. III, вып. II. СПб., 1904, стр. 131.

[2] См.: Путешествие из Петербурга в Москву. Под ред. Н. П. Сильванского и П. Е. Щеголева. СПб., 1905, стр. XXX.

которых советских работах он представал в роли компилятора идей европейских философов. Реакцией на такую трактовку явилось полное отрицание идейной связи Радищева с европейской философией и литературой, что также неверно. «Путешествие из Петербурга в Москву» порождено русской действительностью, но в «Житии Ушакова» Радищев указал, что он и его товарищи по книге великого просветителя-материалиста Гельвеция «Об уме» «мыслить научалися»; еще в 1773 году Радищев перевел «Размышления о греческой истории» французского просветителя-социалиста Мабли. Радищев отлично знал сочинения Вольтера, Руссо, Рейналя и других французских просветителей, немецких и английских писателей, публицистов, историков, философов, соглашался или спорил с ними, но не был ни компилятором чужих идей, ни отгородившимся от мира провинциалом. Перед нами европейски образованный выдающийся русский мыслитель, философ-материалист XVIII века. Время многое определяет, и забывать об этом нельзя. В решении проблем общественного развития, объяснении причин исторического процесса Радищев, как и другие философы-просветители, был идеалистом. Полагая, что «мнения правят миром», он чрезвычайно большое значение придавал слову — прежде всего революционному слову.

Иногда неоправданно усложняется вопрос об отношении Радищева к масонам и масонству. Многие масоны были честными людьми, правдоискателями, и писатель дружил или поддерживал хорошие отношения с некоторыми из них — А. М. Кутузовым, А. К. Рубановским, А. Р. Воронцовым, А. А. Ржевским и др. Однако отношение к масонству в целом определяется полностью материализмом и революционностью Радищева. В 1774 году в поисках истины он побывал на одном или двух заседаниях петербургской ложи «Урания», которая представляла собой нечто вроде клуба, участники коего вели беседы на нравоучительные темы, совмещая их с музыкой, вином и картами. Такой характер общения не удовлетворил Радищева, и он прекратил посещения ложи. Усиление мистических настроений в масонстве 80-х годов, активизация пропаганды реакционно-политических взглядов, борьба с просветительской

идеологией и философским материализмом, особенно обострившаяся во второй половине 80-х годов, — все это вызвало резко отрицательное отношение Радищева к масонам, что выразилось в ряде глав «Путешествия» (см. «А. М. К.», «Подберезье», «Торжок»).

С давних пор исследователи разделились на две группы в вопросе об авторстве «Отрывка путешествия в*** И*** Т***», напечатанного в журнале Н. И. Новикова «Живописец» в 1772 году. Одни считают автором этого произведения Новикова (Г. П. Макогоненко[1], Л. В. Крестова[2], Ю. Д. Иванов[3] и др.). Но В. П. Семенников[4], Я. Л. Барсков[5], Г. А. Гуковский[6], П. Н. Берков[7], С. Ф. Елеонский[8], В. И. Федоров[9] и многие другие, в том числе авторы Комментария, полагают, что прямое свидетельство П. А. Радищева об авторстве отца, отмеченная Н. А. Добролюбовым идейная близость «Отрывка» к «Путешествию», явное сходство содержания «Отрывка» с такими главами, как «Любани» и «Пешки», связь философского подтекста «Отрывка» с учением Гельвеция (абсолютно неприемлемым для Новикова) говорят о принадлежности его Радищеву. Доказательство же, что Радищев вообще не видал деревни, ибо не бывал в отпуске до 1775 года (Л. В. Крестова) или до 1772 года (Г. П. Макогоненко), основано на недоразумении: учащиеся Пажеского корпуса отпусками пользовались. Впрочем, для знакомства с крепостной деревней Радищеву не надо было ездить в Саратовскую губернию, а деревень, расположенных в «низких и болотных местах», о которых идет речь

[1] См., например: Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. М., 1956, стр. 164—179.

[2] «Исторические записки», 1953, т. 44, стр. 253—287.

[3] «Вопросы литературы», 1966, № 2, стр. 163—171.

[4] В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М. — Пг., 1923, стр. 319—364.

[5] См.: Материалы для изучения «Путешествия из Петербурга в Москву». М., «Academia», 1935, стр. 130

[6] См. его примечания в кн.: А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 2. М. — Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 414—420.

[7] См. его примечания в кн.: Сатирические журналы Н. И. Новикова М. — Л., Изд. АН СССР, 1951, стр. 560—564.

[8] С. Ф. Елеонский. Изучение творческой истории художественных произведений. М., 1962, стр. 6—66.

[9] О. В. Орлов, В. И. Федоров. Русская литература XVIII века. М., 1973, стр. 159—160.

в «Отрывке», в Петербургской губернии имелось куда больше, чем в Саратовской или Пензенской. Такою, в частности, была и деревня в Ямбургском уезде, принадлежавшая брату приятеля Радищева, будущему его тестю В. К. Рубановскому.

Вопрос об «Отрывке» важен потому, что ряд ученых (например В. П. Семенников) считает это произведение первоначальным наброском «Путешествия». Следует, однако, заметить, что когда бы ни возник у Радищева замысел книги, «Путешествие из Петербурга в Москву» полностью определяется общественно-политической, философской, эстетической, социальной борьбой второй половины 80-х годов.

Писатель Г. Шторм начиная с 1964 года утверждает, что Радищев стал дописывать «Путешествие» после возвращения из ссылки [1]. Проверка фактов показала полную несостоятельность версии, и об этом сказали многие ученые, в том числе авторы настоящего Комментария [2]. Дополнительную ясность в этот вопрос вносит раздел «Творческая история...» данного Комментария.

Не затихают споры о композиции «Путешествия» и соотношении образа Путешественника и автора. О великой книге, создание которой было подвигом, писали как о подражании «Сентиментальному путешествию» Л. Стерна, «объединении» не связанных между собой путевых впечатлений. Собрание «пестрых глав» видел в «Путешествии» и крупнейший советский исследователь Радищева Я. Л. Барсков; он сосредоточил внимание и на автобиографичности образа Путешественника: «Путешествие» — «прежде всего это — автобиография или исповедь индивидуалиста в духе Руссо» [3].

Г. П. Макогоненко сделал очень важный для понимания книги шаг, поставив вопрос о единстве ее идейного замысла и отказавшись от представления о «Путешествии» как «хаосе мыслей и чувств». Вместе с тем исследователь резко выступил против отождествления образа Путешественника с Радищевым. По его мнению,

---

[1] Г. Шторм. Потаенный Радищев. — «Новый мир», 1964, № 11, стр. 115—161. Отдельные издания — М., «Советский писатель», 1965 и 1968.

[2] «Русская литература», 1966, № 1, стр. 244—257.

[3] Я. Л Барсков. А. Н. Радищев. Жизнь и личность. — В кн.: Материалы к изучению «Путешествия...», стр. 130.

«единым сюжетом «Путешествия» является история человека, познавшего свои политические заблуждения и открывшего правду жизни, новые идеалы, ради которых стоило жить и бороться». Если же сближать Радищева с Путешественником, то «Радищев оказывается не революционером, а политическим недорослем»[1].

С этой концепцией большинство исследователей не согласилось. В свое время, полемизируя с Г. П. Макогоненко, превосходно писал Г. А. Гуковский: «Путешествие из Петербурга в Москву» — это книга о крепостнической России. Ее герой не отдельный человек, и ее построение не зиждется на частном событии. Ее герой — родина, величественная, но угнетенная, и повествуется в ней о жизни всей страны и всего народа». И далее: «Каждая глава-тема — это одна из сторон единого процесса жизни родины»[2].

Л. Б. Светлов[3] и А. И. Старцев возразили против резкого разграничения позиций Путешественника и Радищева: «Йутешественник близок Радищеву в той мере, в какой это возможно для литературного персонажа»[4].

Заново вдумываясь в содержание книги, мы понимаем: о драматизме русской жизни, национальном характере, решающей роли народа в будущем России Путешественник думал еще до поездки (см. «София»). Дорожные впечатления укрепили и его ненависть к произволу, и его веру в силы народные. Со многим он сталкивается сам, многое узнает из рассказов встреченных людей, найденных бумаг. Полные драматизма реалистические картины русской жизни, философские рассуждения, исповедь, политические декларации, теоретические трактаты, стихи и проза, юмор, ирония, гнев, сатира, порою доходящая до гротеска, — все слито воедино в этой неповторимой книге, наглядно рисующей

---

[1] Г. П. Макогоненко. О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. — «XVIII век», сб. 2, М. — Л., Изд. АН СССР, 1940, стр. 36; Радищев и его время, стр. 437—438. См. также: Александр Николаевич Радищев. Биография писателя. М. — Л., 1965, стр. 77—109; От Фонвизина до Пушкина. М., 1969, стр. 454—461 и другие работы.

[2] Г. А. Гуковский. Радищев. — В кн.: История русской литературы, т. IV. М. — Л., Изд. АН СССР, 1947, стр. 534.

[3] Л. Б. Светлов. А. Н. Радищев. М., 1958, стр. 62.

[4] А. Старцев. Радищев в годы «Путешествия». М., 1960, стр. 144—145.

контраст двух Россий. Они неотделимы друг от друга: держащая сегодня в своих руках власть Россия угнетателей и нищая порабощенная Россия, которой принадлежит будущее. Смешно хвастовство «древней породой» («Тосна»), смешны мелкие взяточники. Положение народа вызывает гнев. Виновны не только «злонравные» помещики и неправедные судьи, которых высмеивали Сумароков, Новиков, Фонвизин. Государственная система утвердила бесправие крепостных («Любани»), породила бездушие, казнокрадство, неправосудие на всех ступенях чиновничьего аппарата («Чудово», «Спасская Полесть»). Где искать помощи? Беспристрастным и справедливым в единодержавном государстве вроде бы должен быть монарх.

Сон в «Спасской Полести», где Путешественник видит себя в роли монарха, важен не только как памфлет на правление Екатерины II. Он разбивает веру просветителей в возможность появления государя, единоличное правление которого было бы благотворным. Нет большой разницы между восточными деспотами (шахом, ханом и пр.) и просвещенным европейским государем. Безудержная лесть придворных позволяет царю уверовать в собственную непогрешимость, всемогущество, в благоденствие подданных и их любовь к монарху. И только после того как Истина снимает бельма с глаз государя, он перестает ощущать «зыби тщеславия и надутлость высокомерия». Теперь он увидел: его блестящие одежды «замараны кровию и омочены слезами». Льстецы-вельможи злобны, коварны, лицемерны, завистливы. Казна расточается, милосердие стало предметом торговли, каждый сильный ищет личной выгоды, народ страдает.

В аллегорическом «сне» нет либеральных иллюзий, как пишут порою. Это кульминация темы самодержавия. Дальнейшие главы показывают его пагубное влияние на все области жизни и углубляют тему нарастающего протеста, кульминацией которой, в свою очередь, будет ода «Вольность». Самодержавие держит народ в невежестве («Подберезье); оно узаконило неправосудие, рабство, обрекло миллионы на нищету («Зайцово», «Вышний Волочок», «Медное», «Городня», «Пешки», «Черная грязь»), превратило в захудалую провинцию когда-то могущественный город-республику

Новгород. Оно сеет разврат, убивает мысль, тормозит развитие науки, литературы, искусства.

Что делать? В отличие от многих современников (в частности, Н. И. Новикова и своего друга А. М. Кутузова), Радищев считает бесполезными и, более того, вредными религиозно-мистические масонские теории: они возвращают мысль вспять, к средневековью («Подберезье»). Многое может сделать воспитание («Крестьцы»). Однако иногда гражданское мужество беспомощно перед лицом силы («Зайцово»), а хорошее воспитание оказывается слабее влияния среды («Городня»). Полемизируя с лучшими людьми своей эпохи, Радищев показывает, что ни честный судья Крестьянкин, ни единичные добрые баре не изменят судьбы крепостных.

Решит судьбу России народ: бурлак, крестьянин. Решать будет в «споре, битве» («София»). А пока что отдельные крестьянские бунты подавляются силой («Зайцово»). Подавлено было и охватившее значительную часть страны восстание под водительством Е. И. Пугачева. Признавая правомерность народного гнева, Радищев, как и его герои — Путешественник и автор «проектов» («Хотилов»), не хочет точного повторения подобного восстания: «Крестьяне паче искали веселие мщения, нежели пользу сотрясения уз». Кто поможет крестьянам? Кто приведет их к действительному «сотрясению уз»? Тот же автор «проекта в будущем» приходит к выводу: «А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения» («Медное»).

Надежды на «великих отчинников» нет. И все-таки Радищев полагал, что народная революция неизбежна, о чем прямо сказал в оде «Вольность». Как ни сложна история, наступит час, когда «человечество возревет в оковах и, направляемое надеждою свободы и неистребимым правом природы, двинется, и власть будет приведена в трепет. Тогда всех сил сложенье, тогда тяжелая власть

Развеется в одно мгновенье.
О день, избраннейший всех дней!» («Тверь»).

Значит ли это, что в настоящем можно сложа руки ждать наступления «избраннейшего дня»?

Считая крестьянство основной силой народной революции, Радищев не случайно заставляет Путешественника встретиться с рядом других людей, в той или иной мере не принимающих современной действительности. Образы их расположены в строгой последовательности, и последовательность эта определяется не мнимой фабулой, посвященной «перевоспитанию» сентиментального мечтателя в зрелого мыслителя, а железной логикой писателя-революционера — автора произведения открыто агитационного, призванного воспитывать «сочувственников» и вербовать единомышленников, о чем ясно сказано в посвящении «А. М. К.».

Ч. усомнился в справедливости существующих порядков тогда, когда жизнь ударила его самого. Семинарист возлагает надежды на просвещение. Крестьянкин уже деятельно борется за спасение «невинных убийц» асессора. Крестицкий дворянин воспитывает истинных сыновей отечества, способных стоять за правду, не боясь ни гонений, ни смерти. От надежд на реформы свыше к мысли о неизбежности (и необходимости) восстания народа приходит автор утерянных бумаг («Хотилов», «Выдропуск», «Медное»). За свободу слова борется противник цензуры, бросающий резкие упреки в адрес царей («Торжок»). Подлинно революционно настроен поэт — автор «Вольности» и «Слова о Ломоносове».

Если прибавить к ним человеколюбивого барина, воспитавшего Ванюшу («Городня»), и «чувствительного друга», о котором говорится в «Вышнем Волочке», то оказывается, что Путешественник со своими страстными проклятиями рабству вовсе не одинок. Десять честных людей — не рабов и не мучителей, а граждан, сыновей отечества, — это не так мало. К ним можно прибавить одиннадцатого: как бы ни относился реальный А. М. Кутузов к идеям Радищева, но А. М. К., которому посвящено «Путешествие», — друг и «сочувственник» и Путешественника и автора, черты которых часто сливаются.

Главы, написанные от имени других людей, близки думам Путешественника, и поэтому они едины по тональности. Взволнованные реплики, небольшие лирические монологи разных лиц вливаются в поток раздумий и негодующих тирад Путешественника. Сходство

положительных персонажей порой приводит исследователей к ошибкам, и они не замечают, что рассказ о продаже крестьян принадлежит автору «проектов», а «Слово о Ломоносове» — поэту, написавшему «Вольность», что автор «проектов», чужестранец в «Медном» и друг Путешественника в «Вышнем Волочке» — три разных персонажа, а не один, что рассказчик в «Медном» и автор повествования о цензуре («Торжок») — также разные лица, и т. п.

Каждый из этих людей идет своим путем. А. М. К. только пассивно сочувствует страданию других. Разгневанные Ч. и Крестьянкин, выразив протест однажды, отказываются от дальнейшей борьбы (может быть, временно, особенно Крестьянкин), другие мечтают о реформах, совершают добрые поступки, борются силой печатного слова, третьи зовут к революции. Объединив своих героев состраданием к народу (а порою и передоверяя им свои чувства и думы), Радищев показал, что Путешественник не мечтатель-одиночка, что угнетение не только вызывает стихийный отпор со стороны крестьян, но и воспитывает своих врагов в той среде, подавляющее большинство которой составляют ненавистные автору рабы-мучители. Зоркость и правоту Радищева подтвердило через тридцать пять лет восстание декабристов.

Но сложность положения состоит в том, что сочувствующие крестьянам люди находят с трудом или вовсе не находят с ними общего языка. «Небось, в мою кожу не захочешь, барин», — говорит Путешественнику любанский пахарь в начале пути. «Не слезы ли ты своих крестьян пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы», — гневно спрашивает крестьянка на подмосковной станции. И если в Любанях Путешественник говорил: «У меня, мой друг, мужиков нет», то в Пешках он молчит, подавленный болью за крестьян и стыдом за сословие, к которому принадлежит.

Вскрытый Радищевым разрыв между крестьянами и сочувствующими им дворянами — дополнительное свидетельство глубокой правды его книги. Однако писатель не теряет надежды: о возможности взаимопонимания говорит встреча Путешественника с крепостным интеллигентом в Городне. А ведь именно из среды таких людей выйдут «великие мужи для заступления избитого племени» дворян в процессе будущей революции.

В созданных писателем картинах крестьянской жизни нет преувеличения, более того, Радищев не изображает ничего, что выходило бы за границы обычного отношения крепостников к крестьянам. Он вообще не говорит об извергах, подобных Салтычихе, фон Эттингер, княгине Козловской — изуверам, которые морозили крепостных, рвали раскаленными щипцами живое тело, десятками и сотнями морили крестьян. Таких все-таки судили, но ни один из помещиков, изображенных в «Путешествии», суду не подлежит. «Крестьянин в законе мертв». «Закон запрещает отъяти у него жизнь. — Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно». Писатель сам судит и отдает на суд читателя систему, которая допускает ежедневное, постепенное и ненаказуемое убийство. Подчеркнутая типичность изображаемого создает реалистическую картину.

В развитии русского реализма особую роль играет решение проблемы формирования характера под влиянием среды и обстоятельств. В «Житии Ушакова» Радищев показал постепенное формирование человека. В «Путешествии», по большей части, представлены социальные характеры в уже сложившемся виде. Только асессор в «Зайцове» и молодой барин в «Городне» предстают с относительно развернутой биографией. В «Любанях», «Вышнем Волочке», «Медном», «Пешках», «Черной грязи» Радищев не пишет об индивидуальных отличиях и склонностях помещиков. Они равно преступны и безнравственны в своем отношении к крестьянам, что определяется их положением, охраняемым законом. Вместе с тем, когда это нужно, Радищев умеет немногими чертами обрисовать индивидуальный характер. Он создает первые в русской литературе реалистические портреты персонажей, зорко улавливая в них и типические, и индивидуальные черты (Ч., семинарист, семейка Карпа Дементьича и др.).

Дошедшие до нас рукописи и списки «особого состава» (см. о них в разделе «Творческая история...») показывают, что Радищев многократно переделывал рукопись — и не только потому, что жизнь давала новый материал. В процессе работы над книгой созревал мыслитель и писатель. Вбирая наблюдения, думы и чувства автора, книга, в свою очередь, обостряла его зрение, усиливала эмоции, требовала дополнительной

аргументации, рождала новых персонажей. С ними входили иные интонации, становилась разнообразнее манера повествования. Сарказм сатирика, слезы человека, воспринимающего чужую боль как свою собственную, оттенялись бытописью, обличительный пафос — повседневным говорком, издевкой, юмором. Проповедь переплеталась с полной драматизма исповедью, жанровыми сценками, шуточными признаниями. Наряду с этим возрастала вера писателя в силы народные и в силу печатного слова. Отчетливее и громче зазвучали оптимистические предвидения.

Первоначально книга была трагичнее. Она начиналась прощанием с друзьями, ощущением затерянности человека в пустынном мире («Выезд»), а заканчивалась встречей с человеком, кончавшим жизнь самоубийством, и фразой «Въезд мой в Москву был скорбен».

Уже после цензуры, на последнем этапе работы над текстом «Путешествия», эпизод встречи с самоубийцей был заменен «Словом о Ломоносове» и написано новое начало — посвящение «А. М. К». Тональность книги изменилась. Теперь не разлукой с друзьями, а в первую очередь страданиями человечества уязвлена душа писателя, и это чувство смягчается мыслью о возможности «всякому быть соучастником во благодействии себе подобных», утверждением активной силы печатного слова. Как показатель изменившейся тональности произведения крайне характерна последняя по времени крупная вставка, сделанная Радищевым в тексте «Путешествия», — заключительные абзацы «Едрова», в которых предстает единственный во всей книге образ веселого крестьянина — ямщика, т. е. крестьянина не крепостного.

Завершающий книгу образ Ломоносова говорил о колоссальных возможностях, скрытых в народе, о том, что воля и настойчивость побеждают препятствия, о воздействии разума и великой души на разум и души современников или потомков, о признательности последующих поколений по отношению к тем, кто стоит в начале пути. Сняв пессимистическую концовку, Радищев заключил всю книгу, как и многие главы, шуткой. Писатель звал читателя за собой [1].

[1] Подробнее см.: Л. И Кулакова. Композиция «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Л., 1972.

* * *

Сложность содержания, многообразие литературных связей, архаичность языка значительно затрудняют в наше время восприятие «Путешествия из Петербурга в Москву». Это произведение таит в себе немалые трудности для читателя — и не только массового, но и специалиста-словесника.

Необходимость комментирования книги Радищева осознавалась давно. Очень много сделал в этом отношении Я. Л. Барсков, автор первого научного и весьма обстоятельного комментария к «Путешествию», изданного в 1935 году. Но этот труд ныне стал библиографической редкостью, а кое в чем примечания Барскова устарели в связи с общим развитием советской науки о литературе XVIII века. Немалые усилия для того, чтобы приблизить «Путешествие» к современному читателю, приложили редакторы массовых изданий (Г. А. Гуковский, Л. И. Кулакова, Г. П. Макогоненко, Л. Б. Светлов и др.), однако примечания в этих изданиях были слишком краткими.

Ряд отдельных проблем идейно-философского и реального комментария был решен в специальных трудах литературоведов. Особенно богаты фактическим материалом статьи и книги того же Я. Л. Барскова, А. И. Старцева, А. Г. Татаринцева, Л. В. Крестовой.

Авторы предлагаемого Комментария опираются в работе как на труды своих предшественников, так и на собственные разыскания. В соответствии с принципами серии библиографические указания введены в текст, в ряде случаев — в сокращенном виде (в конце книги приложен список условных сокращений, использованных в ссылках).

Авторы стремились в тому, чтобы дать читателям в книге:

1) необходимый минимум сведений по русской и всемирной истории, истории русской и европейской общественно-политической, философской, экономической, правовой, эстетической, педагогической мысли, истории законодательства, торговли и т. п.;

2) материалы реально-бытового и исторического характера, помогающие понять условия, в которых живут и действуют персонажи «Путешествия», уяснить проб-

лемы, над которыми они размышляют; сведения об известных и предполагаемых прототипах персонажей; конкретные факты, подтверждающие типичность того или иного изображенного Радищевым явления и способствующие осмыслению радищевского метода воспроизведения действительности, особенностей типизации и индивидуализации;

3) историко-литературный комментарий, помогающий соотнести «Путешествие» с явлениями предшествующей (а отчасти и последующей) литературы, проясняющий композицию книги в целом и роль отдельных эпизодов в реализации художественного замысла писателя;

4) текстологический комментарий, иллюстрирующий авторскую работу над «Путешествием» в целом, а отчасти и над отдельными эпизодами, образами, языком и т. д.;

5) в самых необходимых случаях — пояснения непонятных слов и архаических оборотов (слова, которые часто повторяются и могут быть объяснены вне контекста, вынесены в словарь).

Основной принцип расположения материала и построения книги — постраничное и построчное комментирование.

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ». ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

«Радищев, рабства враг, цензуры избежал»,— писал А. С. Пушкин, имея в виду необычную историю распространения в читательской среде «Путешествия из Петербурга в Москву».

Как известно из материалов процесса Радищева, основная часть тиража книги была уничтожена самим автором накануне ареста, а несколько отобранных полицией экземпляров сожжено рукой палача. Однако немногие уцелевшие экземпляры «Путешествия» бережно хранились, переходя из рук в руки. Сам писатель успел до ареста надежно спрятать черновики разных редакций произведения, за исключением одной рукописи — той, которую он представлял в цензуру. Начиная с 1790 года на протяжении ста лет с сохранившихся от уничтожения экземпляров печатного издания (до нашего времени их дошло около 15—20) и рукописей Радищева изготовлялись списки, с которых, в свою очередь, делались новые копии. По этим-то спискам, распространявшимся нелегально, и мог знакомиться с первой русской революционной книгой демократический читатель. Только после революции 1905 года, когда с «Путешествия» был снят цензурный запрет и появились многочисленные переиздания, списки утратили свою роль.

После Великой Октябрьской социалистической революции началось сосредоточение списков в государственных архивах и систематическое изучение творческого наследия Радищева. Выявление рукописных копий не закончено и по сей день. Если в 1935 году было учтено 28 списков «Путешествия», то к 1956 году — уже 65, а в настоящее время число выявленных списков приближается к 80.

Исследование этих списков важно не только для выяснения степени распространенности «Путешествия» в читательской среде, но и потому, что об истории создания произведения, о работе Радищева над текстом книги до последнего времени, в сущности, было известно чрезвычайно мало, да и сейчас не все ясно до конца.

До недавнего времени вопрос о творческой истории «Путешествия из Петербурга в Москву» вообще не мог быть решен сколько-нибудь полно, так как в распоряжении науки находился весьма ограниченный материал: цензурная рукопись, в которой не хватает многих листов (она сохранилась в следственном деле Радищева и была описана П. Е. Щеголевым в 1905 году[1]), печатный текст издания 1790 года и так называемый «лонгиновский» список особого состава, включающий в себя полный текст оды «Вольность» и песнословие «Творение мира»[2]. Кроме того, было известно о существовании еще одного, «анучинского» списка «Путешествия», содержавшего ряд разночтений с печатным текстом[3], но этот список после 1918 года исчез из поля зрения литературоведов.

Положение коренным образом изменилось за последние 20 лет. В 1952 году Л. И. Кулакова обнаружила и затем описала второй список особого состава «Путешествия»[4]. В 1964 году сообщил о находке «третьего списка особого состава» «Путешествия» Г. П. Шторм[5]. В 1968 году М. Г. Альтшуллер вновь открыл и подробно описал анучинский список[6].

---

[1] П. Е. Щеголев. Рукопись «Путешествия». — В кн.: «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. СПб., 1905, стр. LXXI—LXXXX.

[2] Впервые описан в кн.: В. П. Семенников. Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву». М., 1922.

[3] Кратко охарактеризован в кн.: Д. Н. Анучин. Судьба первого издания «Путешествия» Радищева. М., 1918.

[4] Л. И. Кулакова. 1) А. Н. Радищев и вопросы художественного творчества в русской литературе XVIII века. (Из истории русской эстетической мысли). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1954, стр. 29—30; 2) К вопросу о тексте оды А. Н. Радищева «Вольность». — «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка, 1956, вып. 2, стр. 150—158; 3) Из истории создания и судьбы великой книги. (Новые материалы о Радищеве). — «Ученые записки ЛГПИ», 1956, т. XVIII, вып. 5, стр. 5—25.

[5] См.: «Новый мир», 1964, № 11, стр. 139.

[6] М. Г. Альтшуллер. Вновь найденный список «Путешествия из Петербурга в Москву». — «Русская литература», 1969, № 2, стр. 125—128. — В рукописи Д три слоя. Начальный текст списка восходит к какому-то варианту печатной редакции «Путешествия». Затем текст был выправлен и дополнен по списку редакции типа БВ (так возник второй слой Д). Наконец, этот новый текст правился по тексту издания 1790 года.

Новый материал требовал осмысления, и о своих соображениях сообщили читателю Г. П. Шторм и Д. С. Бабкин. Рассматривая один и тот же вопрос о соотношении печатного текста «Путешествия» со списками, писатель и литературовед пришли к диаметрально противоположным выводам, причем в равной мере ошибочным, поскольку оба они не учли необходимейшее звено — цензурную рукопись, оба не разобрались в творческой истории «Путешествия» до момента выхода книги в свет.

По мнению Г. П. Шторма, Радищев в 1799—1800 годах усилил и расширил текст произведения, конечным результатом чего явились списки особого состава. Однако при их изготовлении каждый из переписчиков будто бы располагал печатным текстом книги и рядом рукописей — различными ранними и поздними редакциями — и комбинировал элементы разных редакций по «своему вкусу и произволу по части отбора и совмещения текста» [1].

По мнению Д. С. Бабкина, Радищев к спискам особого состава вообще отношения не имел, ибо они появились в результате сотворчества «посторонних переписчиков», которые в текст издания 1790 года якобы вставляли свои мысли и суждения, — и данные «глоссы и интерполяции ...как бы срослись графически с радищевским печатным текстом» [2].

Всячески подчеркивая решающую роль переписчиков «Путешествия», Г. П. Шторм и Д. С. Бабкин почему-то забыли о самом авторе — А. Н. Радищеве — и даже не поставили главного вопроса: как складывался текст книги до ее напечатания. А только решение этой проблемы могло дать научно обоснованный ответ на вопрос о соотношении разных списков особого состава, цензурной рукописи и печатного текста.

Поэтому в процессе работы над данным Комментарием было проведено специальное текстологическое исследование списков «Путешествия». Печатный текст издания 1790 года был детально сопоставлен с текстом рукописи, представленной в цензуру (в научной лите-

---

[1] Г. Шторм. Потаенный Радищев. М., 1968, стр. 271.

[2] Д. С. Бабкин. Проблемы радищевской текстологии. — «Русская литература», 1969, № 3, стр. 95—97.

ратуре он условно обозначается как текст Ан, а текст этой же рукописи со всеми добавлениями и поправками Радищева именуется рукопись А), списками лонгиновским (список Б), найденными Л. И. Кулаковой (В), Г. П. Штормом (Г), М. Г. Альтшуллером (Д)[1], и некоторыми другими. Исследование показало, что текст списков Б, В, Г, Д безусловно принадлежит Радищеву (а не переписчикам) и отражает разные стадии работы над «Путешествием» до выхода книги из печати (а не доработки в 1799—1800 годах).

Различие в составе эпизодов, композиционные изменения, анализ разночтений и вариантов текста свидетельствуют о том, что списки должны рассматриваться в определенной последовательности: Г — Ан — БВДА — издание 1790 года[2]. В соединении с известными по материалам процесса Радищева хронологическими данными списки дают возможность восстановить творческую историю книги. При этом надо иметь в виду, что сейчас точно может быть определен сам ход работы писателя, последовательность произведенных им изменений текста (дополнения, изъятия, вставки, крупная стилистическая правка и т. п.), но датировка этих изменений указывается с большей или меньшей степенью приблизительности.

Пока по-прежнему неясно, когда Радищев задумал «Путешествие» как единую цельную книгу, однако отдельные самостоятельные произведения, вошедшие потом в состав «Путешествия» на разных этапах его творческой истории, писались задолго до 1788—1790 годов. Приблизительно в 1779—1780 годах Радищев работал над «Творением мира» (см. «Тверь»), в 1780 году приступил к «Слову о Ломоносове», около 1783 года создал оду «Вольность», в 1785—1786 годах начал «по-

[1] Здесь говорится лишь о втором слое — правке, внесенной поверх начального текста; она имеет общее происхождение с текстом списков Б и В.

[2] Подробнее см.: В. А. Западов. Работа А. Н. Радищева над «Путешествием». — «Русская литература», 1970, № 2, стр. 161—172. Поскольку текстологический анализ, составляющий основу этого исследования, имеет сугубо специальный литературоведческий характер, постольку здесь вкратце излагаются лишь итоги изучения, без аргументации.

весть о проданных с публичного торга» («Медное»), рассказ о происшествии на Финском заливе («Чудово»), рассуждение о цензуре («Торжок»).

По-видимому, в 1787 или самом начале 1788 года Радищев начал писать уже само «Путешествие» и во второй половине 1788 года завершил работу над первой, начальной редакцией книги. Значительная часть этой редакции известна нам по списку Г, а общий вид не сохранившихся здесь глав может быть восстановлен при помощи текста Ан.

По сравнению с печатным текстом 1790 года начальная редакция «Путешествия» имела следующие отличия:

1. Книга начиналась с «Выезда» (посвящения «А. М. К.» не было).

2. В главе «Чудово» отсутствовало примечание из Рейналя.

3. Глава «Спасская Полесть» состояла лишь из одного эпизода — встречи с «несчастным».

4. Соответственно «Подберезье» начиналось словами «Повесть сопутника моего тронула меня несказанно», и, таким образом, содержание данной главы составлял сон Путешественника.

5 Глава «Новгород» имела публицистический характер и завершалась рассуждением о расправе царя Ивана Васильевича с новгородцами.

6. «Зайцово» кончалось словами: «И поехали всяк в свою сторону»; не было встречи с приятелем и письма о свадьбе Дурындина.

7. В «Едрове» не было двух последних абзацев.

8. В конце «Хотилова» изложение проектов «гражданина будущих времен» было гораздо более сжатым, отсутствовало ироническое заключение Путешественника.

9. Главы «Вышний Волочок» вообще не было.

10. «Торжок» не имел примечания о Дикинсоне и «Краткого повествования о происхождении ценсуры» с предваряющим его абзацем.

11. В главе «Медное» на месте первого абзаца стояла лишь одна фраза: «Между бумагами моего приятеля нашел я следующее».

12. В главу «Тверь» входило 28 строф «Вольности» и песнословие «Творение мира».

13. Если начальная редакция в последних главах (от «Городни» до «Черной грязи») совпадала с цензурной, то в ней иначе начиналось «Завидово».

14. Вся книга кончалась смертью самоубийцы в «Черной грязи».

Произведя в тексте начальной редакции небольшую стилистическую правку, писатель отдал рукопись таможенному досмотрщику А. А. Царевскому (он был домашним учителем детей Радищева), который переписал весь текст набело для представления в цензуру. Тем временем Радищев создал главу «Вышний Волочок», которую Царевский также переписал и вставил между «Хотиловом» и «Выдропуском» (так возникла цензурная редакция «Путешествия» — текст Ан). Другой сотрудник таможни, бывший книгопродавец Мейснер, отнес книгу в цензуру. Спустя полгода, 22 июля 1789 года рукопись была подписана к печати петербургским оберполицеймейстером Н. И. Рылеевым, по всей видимости, не читавшим ее (в то время цензура светских книг осуществлялась управами благочиния, т. е. полицией).

Пока «Путешествие» находилось в цензуре, Радищев занимался организацией собственной типографии. Воспользовавшись указом 1783 года (см. «Торжок»), он приобрел в долг у типографщика И. Шнора печатный станок и нужное количество шрифта. Одновременно он продолжал работать над другим списком, сделанным с черновой рукописи начальной редакции (он пока не обнаружен). Писатель создал два новых эпизода, составивших первую часть «Спасской Полести» и вторую половину «Новгорода», окончил «Слово о Ломоносове».

Этот этап был завершен скорее всего в августе 1789 года, поскольку разрешение на печатание «Слова» Радищев получил 25 сентября. Затем он произвел ряд новых изменений в рукописи: расширил концовку «Хотилова» и начало «Медного», сократил начало «Завидова» — и снова отдал ее в переписку. Так появилась рукопись, условно называемая исследователями «протограф БВ» (поскольку именно она, будучи доработанной, послужила оригиналом, с которого были сделаны списки Б и В). В ней Радищев начал было править текст, но сплошь выправил только первые главы, до «Чудова». Не закончив правку старого текста, писатель стал создавать новые эпизоды. На этом этапе в протограф БВ

(и, видимо, одновременно в рукопись А) был вложен новый текст главы «Подберезье» (соответственно «сон» стал третьей частью «Спасской Полести»). Кроме того, заново был создан конец «Зайцова», дописан основной текст «Торжка» и к нему присоединено «Краткое повествование о происхождении цензуры». Тогда же писатель вынул из протографа БВ листы с рассказом о самоубийце, приложил к рукописи «Слово о Ломоносове» (уже в переделанном — сравнительно с редакцией, утвержденной цензором, — виде, с изъятием нескольких абзацев) и завершающий книгу шутливый абзац.

В таком лишь частично выправленном, но зато значительно дополненном виде протограф БВ был снова отдан переписчику, и в результате переписки появилась наборная рукопись «Путешествия». Именно в ней Радищев производил дальнейшую стилистическую правку — и поэтому протограф БВ в большей части глав остался невыправленным. На этой же стадии, во время работы с наборной рукописью, Радищев принял окончательное решение относительно «Вольности», изъял из текста «Творение мира», ввел новую концовку «Едрова» и вычеркнул из разных глав «Путешествия» несколько фраз. Так возникла композиция последней, печатной редакции книги. Однако работа еще не была завершена.

Некоторые листы наборной рукописи (а возможно, и всю рукопись) после правки приходилось переписывать заново. Окончательно обработанный текст по частям, в виде «тетрадей, писанных в пол-листа», попадал в руки наборщика Е. Богомолова, который приступил к набору «Путешествия» в январе 1790 года. Корректура книги вновь правилась Радищевым. Во многих случаях ему приходилось восстанавливать текст, испорченный переписчиками или наборщиком, но нередко он вносил в книгу новый текст, вводил отдельные дополнения и эпизоды. Так, не раньше февраля 1790 года он мог внести в главу «Торжок» абзацы, посвященные французской цензуре, не раньше середины апреля — примечание об австрийской цензуре на последней странице той же главы. Прежде чем ввести новый текст в наборную рукопись или в корректуру книги, писатель предварительно отрабатывал его в последней по времени составления рукописи, остававшейся у него (ведь наборная

рукопись была у Богомолова), — протографе БВ. Таким-то образом и получилось, что в этой рукописи есть, с одной стороны, куски, изъятые писателем из книги, а с другой — введенные буквально в последний момент перед выходом ее из печати (поэтому текст, содержащийся в списках Б, В и втором слое Д, получил название «сводной редакции» «Путешествия») [1].

По-видимому, значительная часть книги была уже набрана, когда писатель решил предварить ее посвящением «А. М. К.» и ввел его в текст.

В конце мая — первых числах июня 1790 года наборщик Богомолов и печатник Пугин при помощи слуг Радищева закончили печатание всего тиража книги (около 650 экземпляров). 26 экземпляров Радищев отдал купцу Герасиму Зотову для продажи, причем договорился, что имя автора анонимно изданной книги будет скрыто от покупателей. В течение приблизительно двух недель «Путешествие» продавалось в лавке Зотова в Гостином дворе, сам же Радищев взялся за приведение в порядок цензурной рукописи: ведь печатный текст во многих местах отличался от того, который был подписан к печати Рылеевым, а созданные заново и вставленные в рукопись эпизоды нарушали нумерацию страниц. Писатель и попытался изменить пагинацию рукописи и внести поправки, приблизившие бы текст цензурной редакции и позднейших вставок к печатному. И то и другое оказалось невозможным: слишком велики были расхождения в пагинации, слишком много было разночтений, дополнений и сокращений — и Радищев не довел ни правку, ни изменение пагинации до конца. Поэтому он поступил проще: изъял из рукописи те листы, текст которых в наибольшей степени отличался от печатного, причем изымались в равной мере листы и из цензурной редакции, переписанные Царевским, и из позднейших вставок в эту рукопись, сделанных рукой других лиц. Рассчитывая, по-видимому, подменить эту рукопись (А) другой, гораздо более близкой к изданному тексту, Радищев передал Царевскому корректуру

---

[1] Подробную аргументацию см. в указанной выше статье В. А. Западова. Выводы этой работы, вкратце изложенные здесь, подтверждены статьей А. Г. Татаринцева «Неизвестная редакция «Путешествия из Петербурга в Москву». — «Русская литература», 1970, № 4, стр. 80—94.

книги для изготовления нового списка, который он мог бы представить в случае необходимости полиции[1]. Однако Царевский изготовить новый список не успел, ибо события развернулись с чрезвычайной быстротой.

«Путешествие» возбудило в городе значительный интерес, какие-то слухи дошли до управы благочиния. Один из полицейских чиновников купил два экземпляра книги для Н. И. Рылеева. Полиция сразу же обратила внимание на отсутствие на титульном листе цензурного разрешения (см. «Черная грязь»), по характерным признакам полицейские быстро распознали шрифты типографии Шнора, и уже 23 июня Рылеев из «объяснения» Шнора узнал, что к книге имел отношение Радищев.

А дня через два «Путешествие» попало в руки Екатерины II. 26 июня, прочитав первые тридцать страниц, она начала выяснять у придворных, кто написал книгу, и, не получив ответа, послала за Рылеевым. Рылеев прибыл, повинился в промахе и доложил, что напечатана книга, по имеющимся у него данным, в домовой типографии Радищева. На следующий день императрица приказала своему статс-секретарю графу А. А. Безбородко написать графу А. Р. Воронцову (начальнику и покровителю Радищева), чтобы Воронцов выяснил, действительно ли Радищев — автор или один из соавторов книги. Безбородко одно за другим отправил Воронцову два письма. В первом из них содержалось требование, чтобы Радищев назвал единомышленников, Воронцову же рекомендовалось «внушить» писателю, «что чистосердечное его признание есть единое средство к облегчению жребия его». Во втором письме Безбородко предупредил, что «дело сие весьма в дурном положении». Между тем императрице стало известно, что Рылеев еще накануне велел арестовать Зотова. Екатерина сразу же приказала Безбородко, чтобы Воронцов ни о чем не спрашивал Радищева, так как дело уже пошло «формальным следствием». Безбородко отправил Воронцову третье письмо за этот день.

---

[1] Когда корректура «Путешествия» с «многими письменными приписками и приправками» была отобрана у Царевского, то он показал, что взял ее в доме Радищева сам, без ведома хозяина, «для чтения», но «еще оную книгу всю не прочитал». Верить этому показанию, разумеется, нельзя, — хотя бы потому, что Царевский был переписчиком Ан.

Однако Радищев узнал обо всем от Воронцова, а затем и от зотовского приказчика и успел приготовиться к аресту. Какая судьба ждет книгу, писателю было ясно, и, чтобы ее не касались руки полицейских, он приказал сжечь большую часть тиража «Путешествия». Все рукописи, кроме цензурной, были тщательно укрыты [1].

29 июня Зотов на новом допросе назвал имя Радищева. На следующий день автор «Путешествия» был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость. «Внушил» ли Радищеву Воронцов, или сам он понял, что необходимо сыграть роль раскаявшегося человека, но во время следствия Радищев сыграл эту роль. Он признал себя автором книги, каялся в «дерзновенных выражениях» и в том, что издал «Путешествие» не в том виде, как его подписал Рылеев. Однако самого главного, чего требовала императрица, он не сделал: не назвал никого из своих единомышленников. Приняв всю вину на себя одного, Радищев прикидывался наивным человеком, заявляя, что он не понимал написанного им, что сочинял он только из желания разбогатеть и прослыть остроумным писателем и т. д.

Во время следствия и суда Екатерина энергично руководила делом, держала в руках все его нити, от нее исходили все распоряжения, по ее настоянию производилось оно с необычайной для того времени быстротой. 8—11 июля был произведен обстоятельный допрос, причем начальник Тайной экспедиции С. И. Шешковский руководствовался собственноручными замечаниями императрицы, которые она писала, читая «Путешествие», с 26 июня по 7 июля. 13 июля последовал указ о предании Радищева суду и об изъятии «зловредной книги», «дабы она нигде в продаже и напечатании здесь не была под наказанием, преступлению сему соразмерным». 15 июля начинается слушание дела в петербургской Палате уголовного суда, 24 июля Палата выносит Радищеву смертный приговор. 7 августа Сенат фактически отменяет смертную казнь. Приговор Сената гласил: так как Радищеву по вине его мало смертной казни, то на-

---

[1] Хотя сами рукописи Радищева не найдены и доныне, о том, что они существовали в конце XVIII — начале XIX вв., свидетельствуют сделанные с них копии — списки Г, Б, В и др.

казать его еще и кнутом; но поскольку Радищева, как дворянина, телесному наказанию подвергнуть нельзя, то и сослать его до исполнения наказания в Нерчинск. Иначе говоря, не решившись прямо противоречить многочисленным законам, по которым писатель подлежал смертной казни, сенаторы прибегли к «судейскому крючкотворству», с помощью которого приговор сохранял Радищеву жизнь. Екатерина так и поняла решение Сената и обиделась. Выслушав 11 августа доклад «с приметною чувствительностию», она приказала прибавить к длинному перечню «вин» Радищева нарушение присяги и напомнила о каре за «оскорбление величества». Дело было передано на рассмотрение Государственного совета, который на заседании 19 августа, прибавив слова о нарушении «присяги и должности», также вынес уклончивый приговор, не уточнив, какого именно наказания заслуживает смелый писатель.

Почти три недели после этого широкие круги Петербурга напряженно ожидали решения императрицы. Сам Радищев, наглухо изолированный от внешнего мира и еще 25 июля написавший завещание, со дня на день ждал смертной казни. Только 4 сентября Екатерина подписала указ, которым смертная казнь заменялась Радищеву десятилетней ссылкой в Илимский острог. Мотивировано смягчение приговора было заключением мира со Швецией. 8 сентября 1790 года, в день торжественного празднества в честь мира, Радищеву объявили указ императрицы, после чего писатель сразу же был отправлен в Сибирь.

Вспоминая об этих тяжелых днях через два года, Радищев писал, что его «покаяние» было вынужденным. Искренне он мог бы признать ошибочными свои мнения только при том условии, если бы его убеждали доводами «лучше тех, которые в сем случае употреблены были. А на таковые я в возражение, как автор, другого сказать не умел, как что сказал, помню, что Галилей отрекся от доказательств своих о неподвижности солнца и, следуя глаголу инквизиции, воскликнул вопреки здравого рассудка: солнце коловращается» (т. е. вращается вокруг земли. — См.: Соч., т. II, стр. 5).

Ни от революционных убеждений, ни от «Путешествия» Радищев не отказался. Имеются смутные сведения о том, что уже по возвращении из ссылки писатель по-

пытался снова издать свою книгу, но эта попытка не удалась. После смерти писателя в журнале «Северный вестник» (1805, январь, стр. 61—67) была перепечатана глава «Клин» под заглавием «Чувствительное путешествие, или Отрывок из бумаг одного россиянина», но без имени автора.

Второе издание «Путешествия» вышло только в 1858 году в Лондоне, подготовил его к печати (не по изданию 1790 года, а по одному из ходивших по рукам списков с большими исправлениями и искажениями) и сопроводил предисловием А. И. Герцен. А в самой России «Путешествие» фактически находилось под запретом на протяжении всего XIX столетия. Отдельным издателям, правда, удавалось перепечатать книгу Радищева, но либо с колоссальными купюрами (таково, например, издание 1868 года, выпущенное купцом Н. А. Шигиным), либо крайне малыми тиражами (так, в 1888 году А. С. Суворин напечатал «Путешествие» в количестве 100 экз.).

Только революция 1905 года сняла запрет с первой русской революционной книги. Первое полное и научное издание «Путешествия из Петербурга в Москву» было подготовлено Н. П. Павловым-Сильванским и П. Е. Щеголевым (СПб., 1905); здесь впервые были опубликованы варианты из цензурной рукописи. В 1906 году книга Радищева вышла одновременно в пяти изданиях, в 1907 году появилось еще три.

После Великой Октябрьской социалистической революции «Путешествие» десятки раз выходило отдельными изданиями и в составе избранных сочинений Радищева, включалось в различные антологии. Наибольшую научную ценность из советских изданий представляют два.

В 1935 году издательство «Academia» посвятило Радищеву два тома. Первый представляет собой фотолитографское воспроизведение «Путешествия» издания 1790 года. Во втором томе («Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева»), помимо статей Я. Л. Барскова и М. В. Жижки, дано обстоятельное описание рукописей и печатных изданий «Путешествия», подробный комментарий к тексту, ода «Вольность» и песнословие «Творение мира» (автор описания и комментария — Я. Л. Барсков); осо-

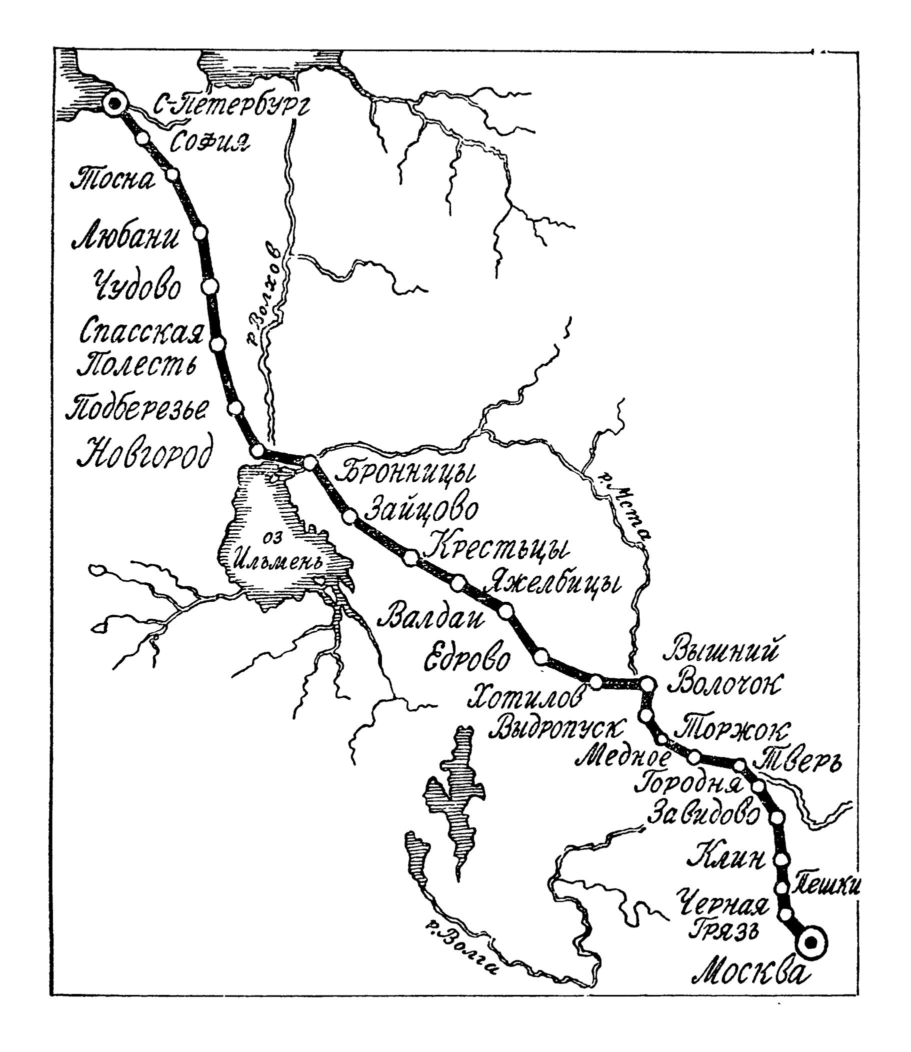
бую ценность представляют варианты, извлеченные Я. Л. Барсковым из рукописей А и Б.

В 1938 году «Путешествие» напечатано в первом томе Полного собрания сочинений А. Н. Радищева, изданного Академией наук СССР. В конце тома даны обстоятельные примечания и варианты по рукописям А и Б. Редакция ставила своей целью по возможности освободить текст издания 1790 года от опечаток и ошибок, не замеченных Радищевым, а поэтому в печатный текст 1790 года внесены исправления по рукописям.

Выявление новых радищевских списков — В, Г, Д и других — поставило перед наукой новую задачу: издать «Путешествие» с полным сводом вариантов и продолжить работу по уточнению текста.

Тракт от С.-Петербурга до Москвы

во второй половине XVIII века

Комментарий

Путешествие из Петербурга в Москву. В цензуру книга была сдана под заглавием «Путешествие». На каком этапе Радищев дал ей окончательное название — неясно. Встречаются списки с заглавиями двойными и измененными (по всей вероятности, не принадлежащими автору): «Проницающий гражданин, или Путешествие из Петербурга в Москву», «Обозревающий гражданин, или...», «Путешествие в Москву», «Поездка из С. Петербурга в Москву» и т. д. Жанр путешествия, известный в мировой литературе с античности, в русской — с средневековья, приобрел особую популярность в XVII—XVIII столетиях. В форме путешествия написаны многие научные трактаты, романы приключенческие, сатирические, просветительские. Среди последних особое место занимает «Путешествие по Франции и Италии» (1766) английского писателя Т. Д. Смоллетта, который рассказывает о бесправии, угнетении и нищете французского народа, об успехах французской философии, показывает, что французский абсолютизм стоит на краю гибели. Огромным успехом в Европе и России пользовалось «Сентиментальное путешествие» (1768) Л. Стерна, которое отчасти было пародией на «Путешествие» Смоллетта. Стерн не принимает апологетики Разума, характерной для просветителей. Отказываясь от логически последовательного рассказа об увиденном, от изображения широкой панорамы действительности, Стерн сосредоточивает внимание на воспроизведении мимолетных индивидуальных переживаний, причуд, «заблуждений сердца», возникающих в связи с той или иной ситуацией. Некоторые исследователи усматривали связь между «Путешествием» Радищева и книгой Стерна, главным образом видя ее «в форме совершенной свободы и несвязанности в наполнении очередного текста» (А. П. Скафтымов. О реализме и сентиментализме в «Путешествии из Петербурга в Москву». «Ученые записки Саратовского университета», 1929, т. VII, стр. 173). Возражая против этого, Г. П. Макогоненко выдвинул мысль, что в «Путешествии» есть единый сюжет — превращение Путешественника под влиянием встреч и впечатлений из политического недоросля, сентиментального мечтателя в

революционера. Эта точка зрения вызвала возражения Д. Д. Благого, Н. И. Громова, Л. Б. Светлова, Л. И. Кулаковой, А. И. Старцева и др. Ошибочна, однако, и точка зрения, сводящая «Путешествие» к сумме не связанных между собой глав. В книге Радищева нет фабулы, условно скрепляющей главы, но она композиционно очень слаженна, очень продуманна, как слаженна и продуманна великая эпопея Н. А. Некрасова, который воспроизвел жизнь России, отправив крестьян искать, «кому живется весело, вольготно на Руси» (см. «Введение», а также: Л. И. Кулакова. Композиция «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Л., 1972).

„Чудище обло, озорно, огромно, стозевно, и лаяй". Тилемахида и т. д. Обло — круглое, толстое, тучное; лаяй — лающее. Эпиграф взят из XVIII песни поэмы В. К. Тредиаковского (1703—1769) «Тилемахида» (1766) — стихотворной переделки романа французского писателя Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1699), задуманного автором как «урок царям». Телемак, сын Одиссея, в течение многих лет повсюду ищет отца. В XVIII песне описывается ад, где Телемак видит мучения злых царей. В качестве одного из наказаний им преподносят два зеркала. В зеркале Лести они видят себя такими, какими их изображали при жизни: чем хуже царь, тем прекраснее, ибо «злых паче боятся» и сами они «желают бесстыдно подлых ласкательств». Зеркало Истины отражает их подлинный облик, более страшный, чем самые ужасные чудовища, в том числе стоглавая Лернейская гидра и охраняющий ад пес Кервер (Цербер) — «Чудище обло, озорно, огромно, с тризевной и лаей» (т. е. с тремя пастями и глоткой). Радищевское «стозевно» объединило оба чудовища в одно. Имя его — русское самодержавие и крепостничество, нераздельно связанные друг с другом, — раскрыто в книге. Метод «двух зеркал» наиболее прямолинейно использован в «Спасской Полести». В других главах противопоставление внешности действительному облику человека, сущности явления становится основой творческого метода писателя (подробнее см.: Л. И. Кулакова. О некоторых особенностях творческого метода Радищева. «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1961, т. 219, стр. 3—21).

А. М. К.

А. М. К. Посвящение адресовано Алексею Михайловичу Кутузову, ближайшему другу молодости Радищева. Оба они родились в 1749 году и в 1762 году зачислены в Пажеский корпус; с 1766 года Радищев и Кутузов учились в Лейпциге, а по возвращении в Россию, 9 декабря 1771 года назначены протоколистами в Сенат. Почти одновременно, в мае 1773 года, Радищев, Кутузов и их товарищ по Пажескому корпусу, Лейпцигу, сенатской службе А. К. Рубановский перешли на службу в армию. В 1775 году Радищев женился на племяннице Рубановского Анне Васильевне, и, по мнению Кутузова, это разделило друзей (см.: Барсков, Переписка, стр. 65). Второй причиной охлаждения отношений было сближение в 1773—1775 годах Кутузова с масонами (см. «Подберезье»). Тогда же он попытался вовлечь в масонскую ложу «Урания» Радищева и П. И. Челищева (см. «Чудово»), но Радищев, приглядевшись к занятиям масонских «братьев» в ложе (см. о них подробнее: Вернадский, стр. 21—28) и не будучи склонным к религиозно-мистическим исканиям, резко отрицательно оценил масонство в целом, а особенно ту его отрасль, к которой принадлежал Кутузов уже в 1780-е годы, — розенкрейцерство (или, как это направление называли в XVIII веке, мартинизм). Поэтому и позднейшая попытка Кутузова внушить Радищеву розенкрейцерские идеи также окончилась неудачей. В свою очередь и Радищев пытался воздействовать на друга, напоминая ему о юношеском увлечении просветительскими идеями в опубликованной в 1789 году повести «Житие Федора Васильевича Ушакова», которая, как и «Путешествие», была посвящена Кутузову. Однако последний, прочитав повесть Радищева, отметил: «Большую часть его положений касательно религии и государственного правления нашел (я) совершенно противоположною моей системе» (Барсков, Переписка, стр. 65). С масонскими идеями вообще, с Кутузовым в частности, Радищев явно или скрыто полемизирует в ряде глав «Путешествия»: «Подберезье», «Бронницы», «Зайцово», «Крестьцы», «Торжок» и других, и прежде всего — в тексте посвящения. Во время окончания работы Радищева над книгой Кутузов находился за границей. Выйдя в отставку в 1783 году, он всецело отдался масонским интересам, а в 1787 году

был отправлен в Берлин для постижения высших сокровенных «тайн» масонского учения, для совершенствования в алхимии и для осуществления связи между русскими розенкрейцерами и их руководством в Пруссии. Поэтому, отпечатав «Путешествие», Радищев отправил Кутузову в Берлин экземпляр книги, но его перехватила полиция (Процесс, стр. 187, 204). До Кутузова дошло только известие об аресте друга и слухи, о которых он писал И. В. Лопухину 12 ноября 1790 года: «Я слышал, что меня подозревают соучастником сочинения Радищева, которого, правду сказать, я совершенно не знаю, и что сие простирается так далеко, что уже обо мне справлялись из полиции» (Барсков, Переписка, стр. 22). По пути в ссылку Радищев 6 декабря 1791 года послал другу письмо, переправленное из Иркутска по неофициальным каналам (см.: Соч., III, стр. 408). В ответном письме от 7 апреля 1792 года Кутузов вновь пытался обратить Радищева в свою веру и призывал его отказаться от прежних «заблуждений» (Барсков, Переписка, стр. 194—196). Вероятно, это письмо было последним звеном в цепи отношений между друзьями. Когда вслед за арестом Н. И. Новикова 23 апреля 1792 года последовал полный разгром московских розенкрейцеров, Кутузова было приказано арестовать, как только он пересечет границу. Узнав об этом, Кутузов остался в Берлине и, не получая из России денег, вошел в долги, за которые был посажен в тюрьму. После воцарения Павла I Кутузов просил у него разрешения вернуться в Россию, а у масонов — присылки денег для расплаты с долгами. Разрешение царя он получил, но деньги от бывших друзей не пришли, и после семидневной горячки А. М. Кутузов скончался в Берлине 27 ноября 1797 года (Фурсенко, стр. 323—333).

Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно — и ты мой друг. То же писал и Кутузов: «Мы спорили, но тем более друг друга любили, ибо оба видели ясно, что разность находилась в наших головах, а не в сердце» (Барсков, Переписка, стр. 65).

Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы и т. д. Как просветитель-материалист, Радищев полагает, что человек зависит от внешних условий и обстоя-

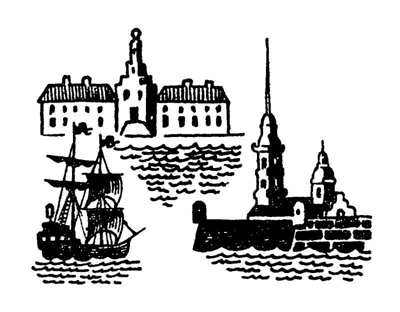
тельств. Помочь людям познать истину, научить их «взирать прямо» на «окружающие предметы», т. е. действительные причины зла, — долг писателя и цель книги Радищева. Эти мысли полемичны по отношению к взглядам Кутузова, который считал, что причиной зла, царящего в мире, является эгоистическая природа человеческого характера, а не общественное устройство, не внешние обстоятельства. «Всякое внешнее зло не есть причина несчастия нашего, но следствие зла, внутри его (человека. — *Авт.*) самого обитающего» («Магазин свободно-каменщический», 1784, т. 1, ч. 2, стр. 29). «Внешние предметы нимало не виноваты в наших проступках, но истинные причины оных лежат в самом человеке» (Фурсенко, стр. 319).

Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженства николи? Именно это утверждали розенкрейцеры (с той разницей, что, в отличие от Радищева, они говорили о боге, а не о природе), например, А. М. Кутузов: «Хотя бы творец наш поместил нас в раю, блаженства исполненном, то и тогда несчастными мы пребыли: свирепствовал бы ад в сердцах наших, наипрекраснейшие предметы, нас окружающие, напоил бы ядом» («Утренний свет», 1778, ч. III, стр. 305).

Веселие неизреченное! — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодействии себе подобных. Мысль о том, что человек может обрести счастье в борьбе за благо других людей, имеет революционный смысл и является новым словом в русской этике. Эта мысль полемична по отношению к идеологии масонства вообще, а в частности философии Кутузова, который утверждал: «Чувства и внешние предметы... суть орудия, которыми действует на нас зло, и действует весьма сильно, так что человек сам собою не может противустать им... Они могут быть вратами истинныя сладости, ежели токмо воля, управляемая нами, обратится к творцу и в нем едином будет искать своего спасения... ежели все наше здание будем основывать в вере, любви и надежде» (Фурсенко, стр. 322).

Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь... не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда? Радищев открыто заявляет об агитационной, пропагандистской задаче, которую преследует его книга: привлекать не только «сочувственников», но и единомышленников.

Выезд

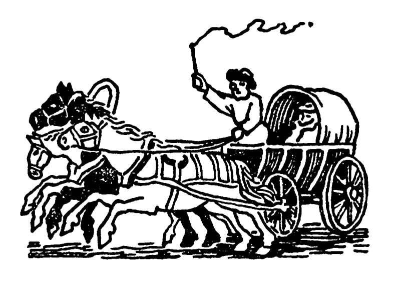
Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта? — *По счастию моему случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила.* Подобные контрастные столкновения, «стыки» патетического и бытового, трагического и комического, «высокого» и «низменного» — особенность художественной манеры Радищева не только в «Путешествии», но и в «Житии Ушакова».

Дом в три жилья — в три этажа или яруса.

Почтовый двор... и между тем выпрягал лошадей. В конце XVIII — начале XIX веков было три главных способа передвижения в дальних поездках. Самый дешевый способ — в своем экипаже, со своим кучером и на собственных лошадях, с частыми и длительными остановками для отдыха и кормления лошадей (отсюда название этого вида езды — «на долгих», или «на своих»). Самый дорогой способ — езда «на вольных», когда путешественник нанимал (меняя на каждой станции) лошадей и ямщика по договорной цене (так в главе «Спасская Полесть» едет «несчастный»). Несколько дешевле стоила езда «на почтовых», или «на перекладных», но она требовала предварительного оформления в полиции особого документа — «подорожной», в которой указывался маршрут поездки, фамилия путешественника, его чин и звание, а в зависимости от них — установленное число почтовых или курьерских лошадей (нижние чины, мелкие чиновники имели право получить пару лошадей; купцы, «разного нижнего звания люди», обер-офицеры — не больше тройки; штаб-офицеры, генералы и т. д. и лица соответствующих гражданских чинов — 4, 8, 15 или 20). Уплатив определенный поверстный сбор, путешественник в месте выезда получал ямщика (с определенным количеством лошадей), который вез его до первой почтовой станции, или почто-

вого двора, стана, «яма». Здесь лошадей выпрягали (после отдыха они везли в обратном направлении другого проезжающего). Предъявив начальнику станции («почтовому комиссару») подорожную и заплатив по установленной таксе «прогонные деньги» («прогоны»), путешественник получал нового ямщика и свежих лошадей, которые везли его до следующей станции, и т. д. Таким способом и едет Путешественник Радищева. Подобный способ передвижения на лошадях, равно как и произвол станционных смотрителей, сохранялся еще в XX столетии (см.: «Новый мир», 1970, № 6, стр. 207). На некоторых станциях тракта Петербург — Москва были выстроены особые «императорские путевые дворцы», имелись специальные почтовые дворы с гостиницей — трактиром для проезжающих (такие дворы упоминаются в главах «София», «Тверь»). Однако во многих ямах станции располагались в обывательских домах и дворах (см., например, «Спасскую Полесть»). Все последующие главы «Путешествия» носят названия почтовых станций на дороге, в основном совпадающей с нынешним шоссе Ленинград — Москва.

София

София — уездный город в 22 верстах от Петербурга, заложен в 1785 году рядом с Царским селом; название получил от расположенного здесь собора святой Софии. (Ныне — часть города Пушкина.) До 1785 года дорога на Москву проходила севернее, через Ижору, где располагался первый от Петербурга почтовый стан.

Сбор сей хотя не законный, но охотно всякий его платит, дабы не ехать по указу. Изданными в 1782 году указами были регламентированы выдача подорожных, взимание и размеры сбора на устройство и содержание дорог и мостов, поверстных прогонов, определены порядок и очередность получения лошадей на станциях и т. п. На деле,

однако, едущий «по указу» рядовой путешественник оказывался в полной зависимости от почтового комиссара и ямщиков, которые, в свою очередь, могли оказаться жертвой какой-нибудь чиновной особы (см. «Завидово»).

Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей... Я вознамерился узнать, правду ли г. комиссар говорил. По закону все выданные проезжающим лошади (то есть находящиеся «в разгоне») должны были быть записаны в особую книгу. На практике это положение выполнялось чрезвычайно редко. В 1789—1790 годах на почтовой станции в Софии содержалось 45 лошадей, в Тосне — 37, на следующих станциях — до 35 (Туманский, л. 136). Ср. «Завидово», где вопреки закону и реальной возможности «превосходительству» требуется 50 лошадей.

Ты обык так обходиться с прежними ямщиками. Их бивали палками; но ныне не прежняя пора. От 60-х годов в архивах сохранилось множество жалоб ямщиков на причиненные им побои и даже грабежи со стороны седоков — особенно гвардейских чинов. Так, 19 мая 1765 года ямщик Крестецкого яма Григорий Серый подал жалобу о нанесении ему побоев гвардии унтер-офицером Киселевым. В 1767 году специальный военный суд рассматривал дела «разных чинов, от которых по санктпетербургской дороге на станциях непорядки учинены». Семеновского полка подпоручик Андрей Салманов обвинялся в избиении ямщиков и в «отнятии» у них четырех рублей прогонных денег. Капитан-поручик Преображенского полка Петр Лутовинов и брат его Алексей (предки И. С. Тургенева) силой отбирали у ямщиков лошадей, самих ямщиков избивали и ограбили на 30 рублей и т. д. Расследовавшие эти дела начальники обычно оправдывали обвиняемых либо обосновывали необходимость помилования высокородных хулиганов и грабителей. Все же повторяемость подобных случаев заставила Екатерину вмешаться и указать: «Непорядки ни в какой команде не должны быть терпимы, еще менее от такого корпуса, как нашей лейб-гвардии».

Двадцать медных копеек. В последней трети XVIII в. были в употреблении разные деньги, имевшие различную стоимость. Медные деньги приравнивались к бумажным (ассигнациям), и курс их по сравнению с серебряными и золотыми деньгами неуклонно падал: в 1787 году ассигнационный рубль стоил 97 копеек серебром, в 1790 — 87 копеек.

Извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. На музыкальность и любовь русских к пению неоднократно обращали внимание современники Радищева, соотечественники и иностранцы (М. Д. Чулков, Н. А. Львов, Г. Р. Державин, В. В. Капнист, английский историк и путешественник Кокс, итальянцы-композиторы Паизиелло и Сарти и др.).

Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. Голоса — мотивы, напевы; мягкий тон — минорный, грустный. В начале главы «Медное» Радищев отмечает веселый характер русской плясовой песни. С этими наблюдениями Радищева совпадают выводы поэта, композитора, собирателя и пропагандиста народного творчества Н. А. Львова. Разделяя народные песни на плясовые и протяжные, Львов пишет: «Плясовые песни у нас по большей части веселого содержания, в тоне Magiore (мажорном. — *Авт.*) и поются скоро. Протяжные же почти все в Minore (минорном. — *Авт.*) и поются тихо или умеренно» (О русском народном пении. Предисловие к книге «Собрание народных русских песен с их голосами». Спб., 1790, стр. 3).

В них найдешь образование души нашего народа. О минорных протяжных старинных русских песнях как о «характеристическом народном пении» писал и Н. А. Львов (О русском народном пении, стр. 5). Рассматривая фольклор как выражение национального характера, и Радищев, и Львов исходили из идей немецкого просветителя, собирателя народных песен И. Г. Гердера, внесшего в понимание культуры историческую точку зрения. Согласно Гердеру, различные народы имеют свой, неповторимый и своеобразный идеал, обусловленный природой, климатом, историей, особым психологическим складом той или другой национальности; наконец, искусство разных эпох — порождение определенных общественных и культурно-исторических условий.

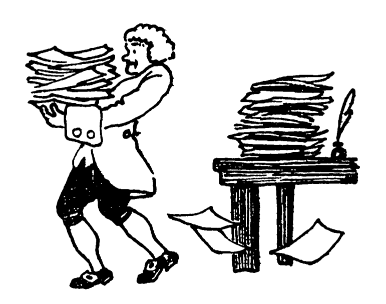
Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива... В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Сварливый — здесь склонный к спорам, дракам. В 80-х годах вопрос о русском национальном характере стоял очень остро. В 1783 году на страницах журнала «Собеседник любителей российского слова» на вопрос Д. И. Фонвизина: «В чем состоит наш национальный характер?» — Екатерина II ответила: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добро-

детелей, от творца человеку данных» (т. е. в религиозности). Продиктованная с высоты престола точка зрения на русский характер не удовлетворила ни реакционное дворянство, ни прогрессивные круги общества. Князь М. М. Щербатов, представитель реакционно настроенной аристократии, иронически напомнил о Крестьянской войне 1773—1775 годов (см.: М. М. Щербатов. Неизданные сочинения. (М.), 1935, стр. 127). Выдающийся драматург Я. Б. Княжнин в конце того же года написал трагедию «Росслав», первое представление которой 8 февраля 1784 года ознаменовалось необычайным успехом. Главный герой трагедии полководец Росслав явился воплощением лучших черт национального характера, среди которых Княжнин на первый план выдвинул мужество, патриотизм, тираноборческую настроенность, независимость, включающую в себя право не подчиняться государю. Радищев в «Путешествии» выдвигает свою трактовку русского национального характера, причем предварительная формулировка, данная в «Софии», далее неоднократно конкретизируется и расширяется (особенно в главах «Зайцово», «Едрово», «Медное» и в «Слове о Ломоносове»).

Бурлак, идущий в кабак... многое может решить, доселе гадательное в истории российской. Вопрос о роли народа в истории также был предметом острейших социально-философских споров последней четверти XVIII в. В «Записках касательно российской истории», первоначально печатавшихся в «Собеседнике любителей российского слова» в 1783—1784 годах, Екатерина II доказывала, что решающую роль в истории России играли самодержцы — князья и цари, от которых зависело и будет зависеть благоденствие государства. Радищев тогда же написал оду «Вольность», в которой решающую роль отвел народу (см. «Тверь»).

Отче всеблагий... Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю, на земли она стала уже бесполезна. Размышляя под унылый напев ямщика о сне и бодрствовании, о жизни и смерти, Путешественник высказывает характерную для просветительской философии XVIII в. мысль о праве на самоубийство человека, убедившегося в бесполезности своего существования. Радищев подробнее развивал этот тезис в «Житии Ушакова» (см. Соч., I, стр. 183—185, 196—197). См. также «Крестьцы».

Тосна

Тосна — Тосненская слобода Софийского уезда, почтовая станция в 36 верстах от Софии.

Таковою ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. В 1787 г. Екатерина II совершила путешествие на Украину и в Крым. Одной из целей этой поездки было убедить в богатстве и могуществе России европейские государства, чтобы обеспечить их поддержку или нейтралитет во время предстоящей войны с Турцией (она началась в том же 1787 году). Поэтому императрицу сопровождали иностранные послы, польский король, австрийский император, которым усиленно демонстрировались процветание и благополучие городов и деревень, сила только что созданного черноморского флота и т. д. В связи с поездкой императрицы были приведены в порядок дороги.

Земля... сделала ее непроходимою... В ранних редакциях «Путешествия» за этими словами следовало: «Если бы г. наместники товар не лицом только продать хотели и для всякого гражданина, по большой дороге проезжающего, поступали бы с исправниками земскими по-капральски, как то они с нами поступают, то дороги наши в рассуждении короткого времени, в которое они портятся, были бы наилучшие в свете. Но в самодержавном правлении государь подобен солнцу в естестве. Где оно греет, там есть и жизнь, где его нет, там все умирает. Самодержавный государь один в государстве своем имеет право следовать рассудку, все другие обязаны следовать повелениям, всегда следовать тому, как другой мыслит, а не так, как самому хочется. Скучно, и от того дорога, по которой я ехал, была дурна... Но клячи почтовые, с помощию всесильного кнута, до почтового стану меня дотащили». Это остро обличительное рассуждение Радищев в печатной ре-

дакции снял, руководствуясь, скорей всего, композиционными соображениями (тема высших властей — наместников и государя — развивается дальше, начиная со «Спасской Полести»). А кроме того, в конце 80-х годов начались работы по благоустройству этой части дороги: «Большая Московская (дорога) на 60 верст, от Петербурга до Тосны и пределов Новогородского наместничества... ныне мостится камнями», — отметил Радищев в описании Санктпетербургской губернии (Соч., III, стр. 127).

Стряпчий — здесь: чиновник, канцелярист.

Разрядный архив образован в 1711 году, когда в него перешли дела упраздненного Разрядного приказа; в 1763 году Разрядный архив был слит с московским сенатским архивом и получил название Сенатского разрядного архива. Здесь хранились дела о военной службе бояр, дворян, казаков и солдат, список служилых людей со сведениями о их службе за XVI—XVII века. Дела о текущей службе дворян, ведение родословной книги, внесение в дворянские списки лиц, дослужившихся до обер-офицерского чина, и их детей, родившихся «в обер-офицерстве», входили в обязанности Герольдмейстерской конторы. Данные о службе членов того или иного рода в прошлом Герольдмейстерская контора получала из Сенатского разрядного архива.

Родословная книга, или роспись,— генеалогия, систематический список в нисходящем порядке (т. е. перечень от предков к потомкам, а внутри одного поколения — сначала старших, затем младших сыновей) дворянских родов (одной или нескольких фамилий), устанавливающий степени родства и происхождение.

Владимир Мономах (1053—1125) — древнерусский князь, полководец и писатель; в 1113—1125 годах — киевский великий князь. Считался потомком Рюрика.

Рюрик — полулегендарный предводитель варяжской дружины, захвативший в 862 году княжескую власть в Новгороде. От него вели свое происхождение древнерусские княжеские династии.

Но с дозволения вашего высокородия, благородия или высокоблагородия, не ведаю, как честь ваша. Лиц, имеющих определенные чины, следовало именовать установленным почетным титулованием («честью») в соединении с местоимениями «ваше», «его», «ее» и т. д. «Благородие» относилось к лицам, имеющим чины до капитана и

титулярного советника включительно; «высокоблагородие» — майора, подполковника и полковника в военной службе, коллежского асессора, надворного и коллежского советника в гражданской; «высокородие» — бригадира в военной, статского советника в гражданской службе и т. д.

Федор Алексеевич (1661—1682) — царь Московский в 1676—1682 годах, старший брат Петра I (Великого).

Местничество в Московской Руси XV—XVII веков — распределение должностей между отдельными лицами в зависимости от происхождения, степени родовитости. В 1682 году состоялось определение об уничтожении местничества, чем было уменьшено принципиальное различие между отдельными дворянскими и боярскими родами в отношении к службе. Тем не менее радищевское осмеяние местничества было весьма актуальным, так как во второй половине XVIII века идеологи родовитой аристократии выступали с защитой прав «породы» и апологией местничества. Особенно активно отстаивал права родовитой аристократии князь М. М. Щербатов.

Сие строгое законодательство поставило многие честные княжеские и царские роды наравне с новогородским дворянством. В Московской Руси наиболее знатными считались княжеские роды, происходившие от Рюрика («рюриковичи» — Одоевские, Вяземские, Волконские, Щербатовы и др.), литовских великих князей («гедиминовичи» — Голицыны, Куракины, Трубецкие и др.), татарских ханов и мурз (Мещерские, Урусовы, Юсуповы и др.), боярские фамилии, многие из которых были в родстве с царствовавшим домом Романовых. Среди дворян наивысшее положежение занимали члены семейств, внесенных в московский дворянский список; значительно ниже московских считались дворяне «городовые», т. е. включенные в дворянские списки других городов. Между городовыми дворянами также была определенная иерархия, в которой новгородское дворянство занимало одно из низших мест.

Табель о рангах — закон о прохождении государственной службы, изданный 24 января 1722 года Петром I. Основная часть закона состояла из таблицы вводимых в России гражданских, военных, морских и придворных чинов, получение каждого из которых первоначально было связано с исполнением определенной должности. Все чины были разделены на XIV классов:

Табель о рангах

Класс	Чины гражданские	Соответствующие чины		
		Военные	Морские	Придворные
I	Канцлер	Генерал-фельдмаршал	Генерал-адмирал	
II	Действительный тайный советник	Генерал-аншеф	Адмирал	Обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-шталмейстер, обер-егермейстер, обер-гофмейстер, обер-шенк, обер-церемониймейстер
III	Тайный советник	Генерал-поручик	Вице-адмирал	Гофмаршал, шталмейстер, егермейстер, гофмейстер
IV	Действительный статский советник, обер-прокурор, герольдмейстер	Генерал-майор	Контр-адмирал	
V	Статский советник	Бригадир	Капитан-командор	Церемониймейстер
VI	Коллежский советник	Полковник	Капитан I ранга	
VII	Надворный советник	Подполковник	Капитан II ранга	
VIII	Коллежский асессор	Майор	Капитан-лейтенант	
IX	Титулярный советник	Капитан, ротмистр	Лейтенант	

Продолжение

X	Коллежский секретарь	Поручик	Артиллерии лейтенант	
XI	Сенатский секретарь, корабельный секретарь			
XII	Губернский секретарь	Подпоручик	Мичман	
XIII	Провинциальный секретарь, сенатский регистратор, синодский регистратор, кабинетский регистратор	Прапорщик, корнет	Констапель	
XIV	Коллежский регистратор[1]			

С получением соответствующих чинов было связано приобретение дворянства для лиц «низкого» происхождения: чины XIV—IX классов в гражданской службе давали право на получение личного дворянства (само лицо, получившее чин, становилось дворянином, дети же оставались в том сословии, из которого происходил отец); это распространялось на лиц, получавших чины в придворной службе. Чины VIII класса в гражданской и придворной, первый обер-офицерский чин (XIII, затем XII класса) в военной службе давали право на дворянство потомственное: получившие эти чины лица, «хотя б они и низкой породы были», а также их законные дети и потомки приравнивались к «лучшему старшему дворянству». Потомственные дворяне могли приобретать имения, владеть крепостными и т. д. Выгоды, связанные с получением дворянства (особенно потомственного), приводили к погоне

[1] После 1722 года «Табель о рангах» неоднократно менялась, одни чины в нее вносились, другие исключались. Придворные чины II, III и V классов до 1801 года в «Табель» вообще не входили, хотя соответствующие должности в придворной службе были.

за чинами. Петровская «Табель о рангах», окончательно ликвидировав служебные преимущества старой аристократии, узаконила путь получения дворянства «чрез выслугу», способствовала формированию «новой знати» — могущественной чиновничьей бюрократии XVIII в. Тем не менее древняя знать в течение долгого времени надеялась на восстановление былых привилегий.

Древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех. «Жалованная грамота дворянству», изданная Екатериной II 21 апреля 1785 года, сохраняя «права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», даровала дворянам новые привилегии. «Грамотой» предписывалось по каждой губернии составить дворянскую родословную книгу, которая должна была состоять из шести частей. В первую часть записывались роды, возведенные в дворянское достоинство после 1685 года; во вторую — пятую — роды, получившие дворянство через военную службу, через гражданскую службу и награждение орденом, дворянские роды иностранного происхождения, титулованные роды (князья, графы, бароны); в шестую — «древние благородные дворянские роды, то есть коих доказательства дворянского достоинства за 100 лет и выше восходят, благородное же их начало покрыто неизвестностию». В «Грамоте» были перечислены 15 пунктов «неопровержимых доказательств благородства», дававших право на включение в дворянскую книгу. Поэтому и после издания «Грамоты», и до ее опубликования, в процессе подготовки, многие претенденты на дворянское звание «заблаговременно запасались нужными бумагами. Так, два заседателя переяславских судов И. и Я. Гулак в рапорте от 20 апреля 1784 года в Киевское наместное правление просили «нижайше позволить отлучитись на двадцать девять дней» для доказательства о своем дворянском достоинстве» (Т а т а р и н ц е в, Сатирическое воззвание, стр. 48).

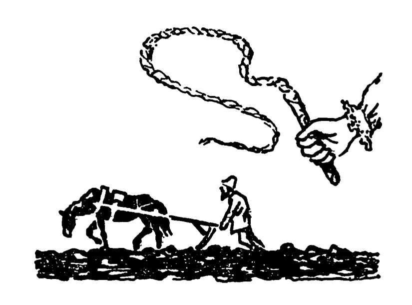
Приложится титло маркиза или другое знатное. Западноевропейский титул маркиза в России не употреблялся; Радищев насмехается над пристрастием дворян к иноземным титулам. До XVIII века на Руси существовал только исконно русский княжеский титул. При Петре I появились князья и графы Священной Римской империи, бароны, затем и русские самодержцы стали жаловать

графским и баронским титулами. Екатерина II особенно щедро жаловала графским титулом, который получили П. И. Панин, П. В. Завадовский, А. С. Строганов, А. А. Безбородко и др. Австрийский император в угоду Екатерине пожаловал титул князя Священной Римской империи Г. Г. Орлову и Г. А. Потемкину.

В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков и т. д. Для большего сатирического эффекта Радищев устами стряпчего «старого покрою» переиначивает факты: как раз в Москве спрос на родословные книги после издания «Жалованной грамоты дворянству» был особенно велик. В 1787 году по материалам Разрядного архива, собранным престарелым историком Г. Ф. Миллером, в связи с общим интересом к истории, Н. И. Новиков напечатал две части «Родословной книги князей и дворян российских и выезжих... изданной по самовернейшим спискам» (ср. у Радищева: «родословную, на ясных доводах утвержденную»). Книга разошлась мгновенно, и в том же году Новиков перепечатал ее вторым изданием; в 1789 году он издал «Поколенную роспись, или Родословную благородных дворян Воейковых» Ю. Воейкова. Уже после выхода в свет «Путешествия» появилось в продаже «Известие о дворянах российских» Г. Ф. Миллера (Спб., 1790) и т. д. Кроме того, Радищев знал о колоссальной работе по составлению «Родословного российского словаря», которую во второй половине 80-х годов предпринял под руководством М. М. Щербатова его зять М. Г. Спиридов — товарищ Радищева по Пажескому корпусу (в свет вышли только две первые части этого словаря. М., 1793—1794).

Он причиною будет возрождению истребленного в России зла — хвастовства древния породы. Радищев иронизирует, ибо это «зло» отнюдь не было истреблено и на протяжении всего столетия с ним вели борьбу прогрессивные силы страны, о чем свидетельствуют многие сатирические произведения А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова, Ф. А. Эмина, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Я. Б. Княжнина и др. Из писателей — современников Радищева — наиболее рьяно отстаивал преимущества «породы» князь М. М. Щербатов (в него в первую очередь и метил Радищев).

Любани

Любани — станция в Новгородской губернии, в 26 верстах от Тосны.

Летом. Следующие далее в тексте конкретные указания (пашущий крестьянин, «время было жаркое», «возим оставшее в лесу сено» и др.) в сопоставлении с календарными выкладками в экономических работах Радищева (см.: Соч., III, стр. 125) позволяют уточнить время, когда развертывается действие «Путешествия», — конец июля — начало августа.

Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока. Английский историк Уильям Кокс, путешествовавший по России в 1778 году, подробно описал свои впечатления: «Дорога была устлана бревнами, уложенными поперек и скрепленными по середине и по бокам длинными жердями... Когда бревна подгниют или вдавятся в землю... то образуются многочисленные ухабы, и легче себе представить, нежели описать, какие толчки получает экипаж» («Русская старина», 1907, кн. VII—IX, стр. 29).

Оброк. По способу отбывания крепостной повинности по отношению к помещику крестьяне делились на три группы: оброчных, барщинных и дворовых. Оброчные крестьяне «обыкновенно пользуются всею землею, к селению принадлежащею» (Соч., III, стр. 130), за что они должны платить помещику сумму, назначенную им по своему усмотрению («оброк»). По свидетельству современника, «с оброчных помещики получают от 3 до 5 рублей с души, а в некоторых провинциях, лежащих поблизости столиц и судоходных рек, и по 10 руб.» (И. Н. Болтин. Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка, т. II. Спб., 1788, стр. 218). Барщинные крестьяне должны были обрабатывать помещичьи поля, а сверх того платить и различные натуральные подати,

поставляя господину сено, овес, дрова, баранов, птицу, масло и т. д. За это помещик выделял крестьянам часть земли и позволял какое-то время работать на ней. «Во многих местах России... ввелося обыкновение, чтобы крестьянин три дня в неделе работал на себя и три дня на господина; но сие обыкновение, по несчастию, не повсеместно: в С.-Петербургской губернии редко где оному следуют. В самом деле, если господин властен дать крестьянину столько земли, сколько хочет, если властен заставить его работать сколько хочет, то с чем сравнить такого земледельца? Одно его спасение от конечного истощения и смерти есть корыстолюбие помещика. Вот его защита!» (Соч., III, 131). Действительно, закон не определял пределов власти помещика над крестьянами. Правда, в 1699 году при Петре I князь Оболенский был посажен в тюрьму за то, что принуждал крестьян работать в воскресенье, но и в 1762 году крепостные помещика Зорина (Ростовский уезд) жаловались на то, что барин заставляет их трудиться на себя по воскресеньям. На то же жаловались крестьяне генеральши Толстой и других землевладельцев. Поэтому Н. И. Панин советовал Екатерине II издать секретный указ, запрещающий помещикам вынуждать крепостных работать на барщине больше четырех дней в неделю. Но только по вступлении на престол Павла I указом от 5 апреля 1797 года было запрещено «в воскресные дни принуждать крестьян к работам» и формально установлена трехдневная барщина (на деле этот закон не исполнялся).

Пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который оброку с него не берет... Нива, конечно, не господская. Следует обратить особое внимание на то, что Путешественник делает эти выводы до разговора с крестьянином, только наблюдая за его работой, и они полностью подтверждаются во время беседы. Следовательно, перед читателем отнюдь не «барин, не знающий жизни», который «совершенно не представляет себе положение крестьян». Это человек, отлично знакомый с положением и особенностями жизни разных групп крестьянства.

Соху поворачивает с удивительною легкостию. Радищев отмечал, что из-за малой глубины плодородного слоя земли в Петербургской и соседних губерниях крестьяне вынуждены употреблять самую легкую соху, а бороны

делать из сучьев (Соч., III, стр. 129—130). Именно легкость сохи и то, что она имела единственную точку опоры в передней части — там, где ее рожки (подобно лемеху плуга) пахали (вернее, ковыряли) землю, — заставляло крестьянина изо всех сил налегать на рукоятки и делало пахоту чрезвычайно тяжелой физически. Поэтому замечание Путешественника об «удивительной легкости» движений пахаря свидетельствует как о его хорошем знакомстве с особенностями крестьянского труда, так и о физической силе земледельца.

Бог в помощь. В начальной редакции Радищев употребил «простонародную» форму «помочь», но затем заменил ее литературным вариантом, так же как и в некоторых других местах, где было «спасиба», «крещуся», «первинькому-та», «вить», т. е. «ведь», и т. д. Подобные транскрибированные формы, воспроизводящие фонетические особенности произношения, в XVIII веке часто употреблялись для создания речевых характеристик бытовых персонажей (особенно крестьян) в комических операх и комедиях. Радищев создает изумительный по простоте и точности диалог с крестьянином, тщательно отбирая характерные лексические формы (так, он ставит вместо «литературного» оборота «или на работу» более типичное для крестьянской речи «ни в работу», «не проклянет» заменяет разговорным «не клянет» и т. п.); но избегает фонетической транскрипции, которая в восприятии его современников была связана с комическими ситуациями.

Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям. Раскол — религиозно-общественное движение, которое началось в середине XVII века, когда патриарх Никон и его сторонники предприняли исправление старых церковных книг и обрядов в соответствии с греческими образцами, против чего возражали сторонники «древлего благочестия». С одной стороны, раскол стал идеологией реакционной боярской и стрелецкой оппозиции; с другой — распространение раскола было связано с ростом протеста народных масс против усиления крепостнического гнета; наконец, раскол широко использовался купечеством в целях духовного подчинения эксплуатируемых, укрепления «круговой поруки» богачей и бедняков, будто бы равно страдающих от притеснений правительства и официальной «никонианской» церкви. И в XVIII веке раскольники продолжали вести догматические споры, например, о том,

следует ли соблюдать праздники, поддерживающиеся церковью (в частности, воскресенье). См. также «Торжок».

Сложенные три перста. Крестьянин крестится прямым, т. е. правильным крестом, складывая вместе три пальца. Раскольники же признавали двоеперстие, т. е. указательный и средний держали прямо, а большой складывали с безымянным и мизинцем.

Барин подушных не заплатит. Кроме оброка или барщинной отработки помещику, крестьяне должны были платить особые подати государству. Главная из них была вычислена делением необходимой на содержание войска суммы на число «душ» мужского пола, подлежащих обложению податью (отсюда название этой подати «подушная»). При установлении этой подати в 1722 году размер ее был определен в 80 копеек с «души», в 1724 году снижен до 74, в 1725 году — до 70 копеек, и эта сумма оставалась неизменной при Екатерине до 1794 года, когда размер подати был повышен по разным губерниям до 85 копеек — 1 рубля. Подушная подать была весьма обременительна для крестьян, и сумма недоимок по России в целом была громадной.

Голый наемник дерет с мужиков кожу. Наемник — арендатор; обязавшись платить юридическому владельцу крестьян определенную сумму, он получал фактическое право беспощадной эксплуатации крепостных в целях собственного обогащения. Действительность давала Радищеву много фактов для подобного утверждения. Бесспорно он знал о случае, происшедшем в белорусском имении его дальнего родственника — драматурга Д. И. Фонвизина. Перед отъездом в Италию в 1784 году Фонвизин сдал имение в аренду барону Медему. Найдя порядки в имении слишком мягкими, Медем увеличил подати и стал притеснять крестьян так, что они взбунтовались.

Зимою не пускает в извоз, ни в работу в город. После окончания полевых работ крестьянин мог, получив за определенную сумму временный паспорт, наняться со своей лошадью на перевозку товаров («извоз») или подрядиться на какую-либо работу в городе. Эта возможность дополнительного заработка для крестьян была весьма существенна из-за продолжительности зимы и скудости урожаев, особенно в северных и северо-западных губерниях России. «Земли в губерниях, лежащих по ту сторону Москвы, несравненно плодороднее и лучше возде-

ланы, нежели те, которые ближе к Петербургу; хлебопашество вблизи нашей северной столицы есть почти насилие, делаемое природе», — писал уже в следующем столетии Михайловский-Данилевский («Русский вестник», 1820, октябрь, стр. 80). «Почва вообще в Смоленской губернии неплодородна... — свидетельствовал И. Д. Якушкин. — Обыкновенные урожаи были очень скудны, так что собираемого хлеба едва доставало крестьянам на продовольствие и посев. Единственные их промыслы были зимою — извоз и добывание извести» (Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, стр. 26—27). «Продолжительная зима... оставляет половину почти года крестьян без упражнения, — писал Радищев. — В сие время они оставляют свои домы и переселяются в городы, особливо в столицы, где работою своею не токмо собирают деньги, но сберегают в закроме своем то количество хлеба, которое бы употребили себе в пищу. Иногда не токмо одни оставляют домы, но берут с собою своих лошадей, и тем сугубое делают приобретение своею и скота сего работою, нанимаяся в извоз... сугубое делают дома сбережение в хлебе и корме лошадином» (Соч., III, 104—105).

На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому? Снимая имение, арендатор фактически становился временным владельцем крестьян, помещиком. Сенатским же указом 22 августа 1767 года крестьянам строжайше было запрещено подавать жалобы на своих помещиков под страхом наказания кнутом и бессрочной ссылки на каторжные работы в Нерчинск. На приказчика, управляющего имением, крестьяне могли пожаловаться владельцу, но в подавляющем большинстве случаев помещики, стремясь оградить авторитет своих ближайших помощников, объявляли крестьянские жалобы «ложными доносами». Так, например, в 1780 году два конюха Никитинской вотчины графа Н. П. Панина Кирилл Михайлов и Дмитрий Михеев подали на управляющего имением Кина жалобу. Рассмотрев челобитную, граф нашел ее «не только не сходною с какою вероятностью правды», но вымышленной. «Дабы впредь удержались здешние дворовые от таковых несправедливых просьб», граф приказал: «1. Кузьму Власова, яко сочинителя ложных доносов и начальника (т. е. зачинщика. — *Авт.*) всех последних возмущений, высечь плетьми при собрании всех дворовых, а потом отдать в рекруты. 2. Анкудина Калинова за

ложный донос и обман своего господина высечь также плетьми и отдать в рекруты. 3. Кирилла Михайлова за те же пороки равным образом высечь плетьми и отдать в рекруты. 4. Дмитрия Михеева за согласие с вышепоименованными плутами высечь плетьми, потом освободить от рекрутства, простить за то, что открыл правду. Если кто из определенных в рекруты паче чаяния не принят будет, того скованным содержать до приказу моего» (см.: А. И. Парусов. К истории сельского хозяйства России в конце XVIII — первой четверти XIX столетия. «Ученые записки Горьковского государственного университета», 1963, серия историко-филологическая, выпуск 58, стр. 13).

Мучить людей законы запрещают. — Мучить? Правда. В течение XVIII века правительство неоднократно выступало с декларациями, осуждающими жестоких помещиков, но конкретных мер по существу не принимало. Сама Екатерина II в 1767 году писала: «Петр Первый узаконил в 1722 году, чтобы безумные и подданных своих мучащие были под смотрением опекунов. По первой статье сего указа чинится исполнение; а последняя для чего без действа осталася, не известно» («Наказ», § 256). Осенью 1775 года Екатерина направила крайне резкий рескрипт генерал-прокурору Сената князю А. А. Вяземскому, в котором, в частности, писала: «Положение помещичьих крестьян таково критическое, что, окроме тишиной и человеколюбивыми учреждениями, ничем избегнуть («бунта всех крепостных деревень». — *Авт.*) не можно... Не имев обороны в законе и нигде, следовательно, всякая малость может их привести в отчаяние... Если мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то... и против нашей воли сами оную (т. е. волю. — *Авт.*) возьмут рано или поздно». Впрочем, чтобы предупредить могущее возникнуть беспокойство крепостников за незыблемость их прав, императрица тут же решительно заявила, что освобождения крестьян от «несносного и жестокого ига не воспоследует» (Осьмнадцатый век. Книга 3-я. М., 1869, стр. 390—391). Однако то, о чем рассказывает крестьянин Путешественнику, в глазах правительства вовсе не являлось ни жестокостью, ни мучительством, потому крестьянин и соглашается со словами Путешественника, добавляя при этом: «Но небось, барин, не захочешь в мою кожу».

Одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Помимо подушной подати и почтового сбора (в размерах, общих для всех крестьян), казенные крестьяне должны были платить трехрублевую «оброчную» подать, обеспечивать в установленных размерах деньгами или работниками содержание дорог, солдатский постой и т. д. Размеры же оброка в пользу владельца с помещичьих крестьян, равно как и работа на барщине, поставки «натурой» и т. п., законом не регламентировались. «Тягость или льготу налогов поселян, живущих на нивах помещичьих или, как называют их, крепостных, исчислить не можно. Оклад крестьянина есть прихоть помещика, а мера оного его корыстолюбие и бескорыстность», — писал Радищев (Соч., III, 118).

Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. «Учреждением о губерниях» 1775 года суд был разделен по сословиям. В предназначенные для казенных крестьян низшие и средние судебные инстанции («нижняя» и «верхняя расправа») вводились выборные заседатели; высшие — палаты гражданского и уголовного суда — составлялись только из чиновников. Крепостные крестьяне подлежали вотчинному суду владельца, причем полностью находились в его власти (кроме тех случаев, когда крестьянин совершал крупное уголовное преступление, например, убийство). Гражданских же прав крестьяне постепенно были вообще лишены. Указ 21 июля 1726 года лишал крестьян права свободно уходить на промыслы; в 1730 году им было запрещено приобретать недвижимое имущество, в 1731 году — вступать в откупа и брать подряды, в 1761 году — давать векселя, а заемные письма позволено писать лишь с разрешения владельца. В 1741 году крепостные лишены права приносить присягу на верность государю. Указами 1760 года помещикам предоставлено право ссылать крепостных в Сибирь, 1765 года — отправлять на каторжные работы, 1775 года — в смирительные дома. Указом 19 января 1765 года подача челобитной на имя императрицы была приравнена к уголовному преступлению, а 22 августа 1767 года крепостным вообще запрещено жаловаться на владельца в какую бы то ни было инстанцию. «Крестьянин в законе мертв» — одна из основных формул «Путешествия», и чрезвычайно важно, что Путешественник произносит ее уже в самом начале своего пути.

Первенственное уложение — т. е. главный закон. Так Радищев называет здесь «естественный закон», более подробное обоснование которого дано в «Опыте о законодавстве»: «Человек, происходя на свет, есть равен во всем другому. Немощен, наг, алчущ, жаждущ; первое откуда его стремление или естественная есть обязанность искати своего пропитания и сохранения; первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков. Сие данное нам природою право никогда истребиться не может, потому что основано на необходимой нужде» (Соч., III, 10). Из идеи «естественного равенства» людей и «естественной обязанности» «искати своего сохранения» следует вывод, сделанный Путешественником: «Если я кого ударю, тот и меня ударить может» (см. также «Зайцово», «Хотилов», «Тверь»).

А кто дал тебе власть над ним? — Закон. — Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Эта патетическая тирада вовсе не является доказательством «либеральных» заблуждений Путешественника, ибо он отказывается дать «священное имя» естественного закона, «закона природы» (см. «Зайцово»), гражданским узаконениям, на которых зиждется крепостное право.

Чудово

Чудово — село и почтовая станция с императорским путевым дворцом в 32 верстах от Любани.

Приятель мой Ч... «Происшествие, в Чудове описанное, было в самом деле», — утверждал во время следствия Радищев (Процесс, стр. 169). По указанию сына писателя, это «происшествие... случилось с Челищевым» (Биография А. Н. Радищева, стр. 54). Петр Иванович Челищев

(1745/47—1811) — товарищ Радищева по Пажескому корпусу с 1762 года; с 1766 года они вместе учились в Лейпцигском университете. Подобно Ч., Челищев был «человек нраву крутого» (что в «Путешествии», помимо прямой оценки, подчеркнуто и ходом повествования, и ответами на увещевания Путешественника). Вспыльчивый правдолюбец, Челищев резко восставал против самовластия сопровождавшего русских студентов в Лейпциг гофмейстера Бокума (об отношениях с Бокумом Радищев рассказал в «Житии Ф. В. Ушакова»). Во время студенческого «бунта» против Бокума, согласно свидетельским показаниям, «главным же образом и особенно буйно» вел себя «господин Челищев». Екатерина II считала его одним из главных зачинщиков волнений, и по ее приказу Челищев был возвращен в Россию раньше других студентов, в сентябре 1770 года (документы о пребывании и «бунте» русских студентов в Лейпциге см.: Старцев, Университетские годы). По возвращении Челищев недолгое время служил при статс-секретаре императрицы А. В. Олсуфьеве, затем на военной службе и вышел в отставку в чине секунд-майора. Бывая наездами в Петербурге, Челищев встречался с Радищевым; был он в городе и в январе 1790 года, когда началась работа по печатанию «Путешествия» (Татаринцев, Вокруг Радищева, стр. 138). Начав читать книгу и дойдя до главы «Чудово», Екатерина II заподозрила Челищева в соавторстве «Путешествия». Затем, уже точно зная имя автора книги и прочтя «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» Радищева, императрица назвала его «первым подвизателем» Французской революции в России и добавила: «Я думаю, Челищев едва ли не второй» (Процесс, стр. 151, 164). Во время следствия Челищева в Петербурге не было, что, по-видимому, спасло его от допроса (так же, как и решительное отрицание Радищевым знакомства его друга с «Путешествием»). Однако в 1791 году Челищев предпринял поездку в Архангельск, где служил Моисей Николаевич Радищев. Когда в 1797 году писатель возвращался из Сибири, Моисей встретился с ним в Муроме, и вскоре после этого начали появляться списки допечатных редакций «Путешествия». Если сопоставить эти факты, можно предположить, что Челищев ездил специально для встречи с любимым братом своего друга, чтобы решить вопрос о

сбережении каких-то рукописей «Путешествия». Во время поездки Челищев вел дневниковые записи, озаглавленные «Подробный журнал путешествия моего. 1791 г.» (издан Л. Н. Майковым под названием «Путешествие по северу России в 1791 году». СПб., 1886). Проблема крепостного права не занимает в дневнике Челищева такого места, как в книге Радищева, возможно, потому, что большая часть путешествия проходила по северным губерниям, где крепостных деревень почти не было (в Олонецкой губернии крепостные составляли всего 6 процентов от общего числа крестьян, в Архангельской их не было совсем). Зато, говоря о екатерининской администрации, чиновниках, церковниках, Челищев, подобно Радищеву, перемежает изложение конкретных фактов со страстными публицистическими обличениями, исполненными пафоса отрицания: «Скажите мне, раскормленные питомцы роскошью и праздностью, как можете вы пышными знаками почестей украшаться монархов ваших... когда под игом вашего нерачения загнанная истина молчит, невинность стонет, все степени страждут, никто не находит своего права, а вы, величаясь, напрасно просыпаете ненадобный век в вредном вашем для всех изобилии» («Путешествие по северу России», стр. 271). В конце жизни Челищев, когда-то наследник значительных имений, незаконно захваченных другими помещиками, вел длительную тяжбу. Сохранилось прошение 1806 года на имя Александра I, в котором Челищев просит императора, решив дело в пользу законного наследника, купить имения Челищева в казну (то есть превратить крепостных крестьян в казенных; в 1802 году с аналогичной просьбой обращался к Александру Радищев). Полученные же от продажи имений деньги Челищев «не на прожиток и не на прихоти употребить обещает», а на развитие «государственного пчеловодства». «Челищев возобновляет убедительные свои прошения, да всемогущим монаршим словом пресечется мучительная его нищета, бесконечное ожидание и удручительная ненадобность, под которою он всего более страждет. Да не скажут по нем над его гробницею: здесь лежит усердный верноподданный и сын отечества, которого 60 лет не допускали гордость, клевета и мщение посвятить все свое благо на славу обожаемого им монарха и на пользу возлюбленного отечества и который при всем своем рвении послужил только

на удобрение неприметной земной точки, к стыду человечества» (Н. А. Челищев. Сборник материалов для истории рода Челищевых. СПб., 1893, стр. 245—246). Умер Челищев в 1811 году в бедности; похоронен в Александро-Невской лавре.

Ты был уже готов к отъезду, как я отправился в Петергоф. Тут я препроводил праздники столь весело, сколько в шуму и чаду веселиться можно. Петергоф, как и Царское село, — резиденция Екатерины II и одно из любимых мест отдыха императорского двора. Поскольку Путешественник выезжает «летом» (см. примеч. к главе «Любани»), речь идет о торжествах, связанных с празднованием дня восшествия на престол Екатерины II, который ежегодно отмечался 28 июня.

Вознамерился съездить в Кронштадт и на Систербек, где, сказывали мне, в последнее время сделаны великие перемены и т. д. Кронштадт — крепость на острове Котлин, основанная в 1703 году Петром I (первоначальное название «Кроншлот», т. е. «коронный замок»); во второй половине XVIII в. — крупный военный и торговый порт с таможней, подчиненной петербургской (где по делам службы часто бывал Радищев), обладавший первоклассной верфью и заводами. После пожара петербургского Адмиралтейства в мае 1783 года в Кронштадт был переведен канатный двор, началось строительство шести новых доков, строился чугунолитейный завод (пущен в мае 1789 года) и т. д., что потребовало основательной перепланировки города. Систербек — Сестрорецк; в 1721—1723 годах на реке Сестре, севернее Петербурга, был заложен казенный оружейный завод, вскоре ставший одной из крупнейших мануфактур Петербурга. При Екатерине Сестрорецкий завод находился в упадке, здесь производился лишь ремонт холодного оружия, а также выполнялись некоторые заказы для флота и гражданского строительства.

Насыщаяся зрением множества иностранных кораблей. Большинство иностранных кораблей разгружалось в Кронштадте, откуда товары перевозились более мелкими по осадке судами в Петербургский порт, при котором находились биржа и таможня. Через Петербург — Кронштадт велась основная часть внешней торговли России, и в 1786 году в эти порты пришло 883 корабля (в том числе

российских — 46, английских — 406, датских — 108, любских — 40, ростокских — 43, шведских — 72, голландских — 66, прусских — 43, португальских — 10, американских — 10, французских — 9, а также венецианские, гамбургские и пр.); в 1787 году — 803, 1788 — 990 кораблей (Туманский, л. 146 об. — 148).

Пафос и Амафонт — древние финикийские колонии на западном и южном берегу острова Кипр; здесь находились знаменитые храмы, посвященные богине любви и красоты Афродите, которая, согласно древнегреческому преданию, родилась из морской пены недалеко от Пафоса.

Вернет — Клод-Жозеф Верне (1714—1789) — французский художник-маринист. Существует предание, что он велел привязать себя к корабельной мачте, чтобы лучше изобразить бурю на полотне.

В последний час, когда свет от нас преходить начинает и отверзается вечность, ниспадают тогда все степени, мнением между человеков воздвигнутые. Философ-просветитель XVIII века, Радищев говорит о природном равенстве людей, о котором их заставляют забывать сословные и имущественные различия. В данном случае смертельная опасность воскрешает естественные чувства, объединив людей общим желанием спасти жизнь.

Судна нашего правитель — т. е. рулевой.

В разных морских сражениях в прошедшую турецкую войну в Архипелаге. В русско-турецкую войну 1768—1774 годов русский флот под общим командованием А. Г. Орлова вел активные военные действия с турками и одержал блестящие победы на море (в Хиосском проливе — 24 июня, в Чесменской бухте — 26 июня 1770 года, в Лепантском заливе — 26 — 28 октября 1772 года и др.), овладел рядом крепостей и двадцатью островами Ионического и Эгейского морей.

Последний из сих подражателей Моисея в прохождении без чуда морския пучины своими стопами. В Библии рассказывается, что вождь иудеев пророк Моисей, спасая евреев, сотворил чудо: он рассек жезлом Чермное (Красное) море и провел свой народ между двумя стенами вод, которые потом сомкнулись и поглотили преследователей.

Я прилежно молился богу. Прототип Ч., П. И. Челищев отличался искренней набожностью, которую он унаследовал от отца.

Я, оставя вас в предстоящей опасности, и т. д. Переживания Павла, который подверг свою жизнь опасности и терпел оскорбления ради спасения гребцов и пассажиров лодки, противопоставлены бездушию начальника систербекской команды. «Если бы вы утонули, то и я бы бросился за вами в воду», — говорит Павел, обливаясь слезами.

У тамошнего начальника. В 1786—1788 годах начальником Сестрорецкого оружейного завода был «2-го канонерского полку артиллерии полковник Христофор Леонтьевич Эйлер, ордена князя Владимира 4 степени кавалер». Это третий сын великого математика и физика Леонарда Эйлера — Кристоф Эйлер (1743—1812), бывший сначала поручиком артиллерии в Пруссии, а в России дослужившийся до чина генерал-лейтенанта.

Совершив мою молитву, ярость вступила в мое сердце — т. е. после того, как я совершил молитву.

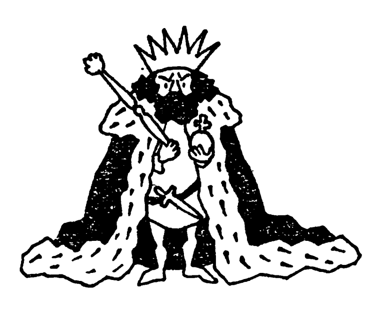
Я воспомянул о заключенных агличанах в темнице бенгальского субаба и т. д. Слово «субаб» Радищев употребляет вместо «субадар» — начальник провинции («субы») в Индии. В начальной редакции «Путешествия» после слов «в темнице» вместо примечания из Рейналя и фразы «Воздохнул я во глубине души» было: «Чем же мы можем преимуществовать пред непросвещенными Азийскими правлениями?» В окончательной редакции риторическое восклицание Ч. приобретает особо острый характер в связи с введенной Радищевым большой ссылкой на «Историю обеих Индий» («Философская и политическая история о заведении и коммерции европейцев в обеих Индиях», 6 тт., 1770) радикального французского публициста Гийома Рейналя (1713—1796); второе расширенное издание книги Рейналя было в 1781 году уничтожено по приговору парижского парламента. По Рейналю, из 146 англичан от отсутствия воздуха погибло 126, потому что никто не решился разбудить субаба. А в Сестрорецке-Систербеке едва не погибли двадцать человек потому, что сержант не захотел будить начальника. Почему? Потому что подчиненные вышколены, а систербекский начальник не чувствует себя виновным. «Не моя то должность», — отвечает он на упреки. Понимая бесполезность индивидуальной мести, Ч. едет в Петербург, рассказывает о происшедшем, ищет способа наказать жестокосердного

чиновника, ему сочувствуют. «Но в должности ему не предписано вас спасать», — сказал некто». Эти слова (видимо, высокой персоны) страшнее самого бесчеловечия систербекского начальника. Они говорят о бездушии законов, убивающих в чиновнике естественное для нормального человека желание помочь другому, то желание, которое руководило Павлом, спасшим утопающих, и его товарищем, без сил просидевшим семь часов на камне среди волн. Сопоставление систербекского начальника с бенгальским субабом весьма рассердило Екатерину II, которая в своих замечаниях написала: «Ситации (т. е. цитаты. — *Авт.*)... доказывают жестоко устремленные мысли сочинителя» — и не приняла сравнения лица, подчиненного ей, просвещенной монархине, с одним из служителей восточной деспотии: «Агличане задохнулись от духоты каликутского жара, а рыбачие лодки можно нанимать и без командира скорее, нежели по его приказанию, да и спящего человека нельзя обвинить за то, что его не разбудили» (Процесс, стр. 157). Прочтя этот эпизод, казалось бы, направленный против частного случая, Екатерина верно поняла обобщающее значение главы. Во время чтения «Чудова» она и послала за обер-полицеймейстером Н. И. Рылеевым для выяснения имени автора книги, после чего началось официальное следствие.

Ораниенбаум — ныне г. Ломоносов Ленинградской области. В XVIII веке Кронштадтская дорога от Петербурга шла через «Стреляную мызу» (Стрельну) до Ораниенбаума, а далее 7 верст морем. Вернуться в Петербург сухим путем Ч. без экипажа не мог, поскольку ближайшая станция — деревня Белоостровская — находилась довольно далеко от Систербека.

Теперь я прощусь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров и т. д. Подобное отношение к городу характерно для Руссо и в особенности для его последователей. В композиции «Путешествия» образ Ч. играет чрезвычайно большую роль как первый в ряду «сочувственников» Путешественника. Будущее Ч. неясно, но для композиции книги важно, что действительность екатерининской России возбуждает к себе неприязнь людей, по своему положению относящихся к правящему сословию.

Спасская Полесть

Спасская Полесть — правильнее Спасская Полисть, так как речь идет о станции в 24 верстах от Чудова (с деревянным путевым дворцом), которая стояла на берегу реки Полисти.

Малые и частные неустройства в обществе связи его не разрушат, как дробинка, падая в пространство моря, не может возмутить поверхности воды, — говорит Путешественник, на что Ч. гневно отвечает: «...когда бы я, малая дробинка, пошел на дно, то бы, конечно, на Финском заливе бури не сделалось...» В окончательной редакции «Путешествия» глава «Спасская Полесть» и объясняет связь между частными неустройствами и сутью государственной системы; однако эту роль в композиции книги глава приобрела в результате длительной работы. В ранних редакциях глава состояла лишь из одного эпизода — встречи с «несчастным» и его рассказа. Включив в «Спасскую Полесть» новый эпизод и передвинув в нее из «Подберезья» «сон», Радищев внес цельность в изображение системы самодержавно-крепостнического государства, сделал эту главу вершинной в развитии темы беззакония, которая объединяет все предшествующие главы. В «Софии» законный порядок («указ») нарушают все: и городской повозчик, получающий на водку (бытовую взятку), и софийские ямщики, запрягающие лошадей без приказа начальника, и сам Путешественник, «охотно» платящий «незаконный сбор», и почтовый комиссар, не желающий тревожить себя для выполнения своих определенных законом обязанностей. Готов помочь обойти закон при помощи фальшивой родословной любому дворянину подьячий в «Тосне». Беззаконие царит на всех ступенях общества: вопреки законам, по прихоти действуют суд, наместник, ближайшие помощники государя, сам самодержец («Спасская

Полесть»). Более того, существующие российские законы не обеспечивают прав, присущих человеку «от природы» (см.: Соч., III, 12—13): «личной сохранности», «личной вольности», «собственности» — и даже способствуют отъятию жизни и собственности («Любани», «Чудово», эпизод с «несчастным»). Почему? Потому что такова «связь общества» в самодержавном государстве, которую «не нарушат» ни частные бедствия отдельных людей, ни хорошие намерения «просвещенного монарха», изображенного в «сне». Такова система — значит, ее надо изменить, — к этому общему выводу подводит читателя Радищев к концу главы. Начинается она с подчеркнуто сниженных бытовых сцен.

Полкан, Бова — персонажи переводного романа, превратившегося в начале XVIII века в популярную сказку «Про храброго витязя Бову-королевича». Впоследствии Радищев написал поэму «Бова», от которой до нас дошли только план, вступление и начало первой песни (главы).

Они тебе скажут, что он Соловьем назван красноречия своего ради. Подобное объяснение Радищев нашел в книге В. Н. Татищева «История российская с самых древнейших времен» (книга I, ч. I. М., 1768, стр. 39). Здесь приведено сообщение из не дошедшей до нас так называемой «Иоакимовой летописи»: «Когда в Новгород пришел Добрыня крестить, то там был вышний над жрецы славен Богомил, сладкоречия ради наречен Соловей». Выписки из труда Татищева сохранились в бумагах Радищева (см.: Соч., III, 34).

И так, жил был где-то государев наместник. Согласно «Учреждению о губерниях», принятому в 1775 году, Россия была разделена на 40 губерний (к 1796 году число их увеличилось до 51), во главе которых стояли губернаторы. Две-три-пять губерний объединялись в наместничество, возглавляемое наместником (в XIX веке соответствующее лицо именовалось генерал-губернатором). Границы наместничеств иногда сдвигались, и в России было то 20, то 12, то 15 наместников. Они обладали на местах всей полнотой власти, представляя особу государя.

В правление посылает приказ. При наместнике имелось правление, при помощи которого он осуществлял руководство наместничеством.

Господину Корзинкину, почтенному лавошнику, в С.-Петербурге, в Большой Морской. Андрей Федорович Кор-

зинкин — петербургский купец. Торговал в лавке на Большой Морской (ныне ул. Герцена) у Синего моста в доме купца Попова, а затем приобрел дом на той же улице (участок дома № 28). Вторая жена его, дочь крепостного графа П. Б. Шереметева, Пелагея Николаевна («Пелагея Николаева дочь») числилась владелицей двух собственных каменных домов в 3-й Адмиралтейской части.

И ну ну ну... по всем по трем. Курьер как исполнитель важного поручения скачет на тройке лошадей.

Вот устерсы — теперь лишь с биржи. Устрицы ввозились из-за границы и потому поступали к торговцам с биржи. О появлении нового товара Корзинкин помещал объявления в газете, например: «В Большой Морской у Синего моста, в доме купца Попова под № 154 в лавке санктпетербургского купца Андрея Корзинкина продаются новополученные чрез Ревель свежие устерсы сходной ценой» («Санктпетербургские ведомости», 1790, 8 января).

Два крючка сивухи — две чарки водки. В кабаках имелась особая чарка с ручкой крючком, которой посетители сами черпали водку.

Едва у городских ворот услышали звон почтового колокольчика, караульный офицер бежит уже к наместнику... Быстрота, с которой караульный извещает о показавшейся вдали кибитке, контрастна по отношению к рассказу в «Чудове», когда начальника (неизмеримо более мелкого, чем наместник) не решаются обеспокоить, хотя из-за промедления могут погибнуть люди.

Право, человек достойный и т. д. Повышение сержанта в следующий чин (прапорщика), равно как и оформление поездки будто бы «с наинужнейшими донесениями» за счет «екстраординарной суммы» (то есть суммы, предназначенной на непредвиденные расходы), показывает легкость, с какою тратятся государственные средства на прихоти, и как умело обходятся законы; потому и проверка не страшна: «Книга казначейская пошла на ревизию, но устерсами не пахнет». Эпизод характеризует фактическое казнокрадство и достаточно типичен. Типичен и образ наместника. Желанием немедленно удовлетворить прихоть он похож на Г. А. Потемкина, с которым его обычно и сравнивают. Современники рассказывали, что Потемкин отправлял «нарочных» с юга России «в Варшаву за картами, солеными огурцами, или за стерляжею ухою» (см.: Татаринцев, Сатирическое воззвание,

стр. 54). О Потемкине заставляет вспомнить и фамилия купца Корзинкина, чья жена была, по слухам, одной из любовниц светлейшего князя. С другой стороны, Потемкин не «таскался по чужим землям» в молодости, а учился в Московском университете, откуда был исключен «за леность и нехождение в классы»; заморским яствам он предпочитал кислую капусту, соленые огурцы, репу, то есть чисто русскую еду. Скорей всего, Радищев создал типический образ наместника, используя черты реальных лиц: что-то он взял от Потемкина, что-то от наместника Псковского, Новгородского и Тверского Я. Е. Сиверса, от известного своей любовью к пышности «хозяина» пяти губерний М. Н. Кречетникова, от Т. И. Тутолмина, в руках которого сосредоточился север России (Олонецкая и Архангельская губернии) и которого современники называли «самым пышным» генерал-губернатором. Показывая неограниченность произвола и казнокрадства в среде самых крупных вельмож, Радищев метил в правящую верхушку: когда он писал «Путешествие», в России было 15—17 наместников.

Царь жалует, а псарь не жалует... Не житье, а масленица — беседа, начавшаяся со сказочного зачина, пересыпана пословицами и поговорками.

Другой раз... отсылают в уголовную палату — вторично отдают под суд. Уголовная палата — губернский судебный орган по уголовным делам.

Когда бы я с ним был заодно и т. д. Пример самовластия и разворовывания казенных средств, показанный наместником, ободряет подчиненных. Сравнительно мелкие чиновники — казначей и его подчиненный, рассказчик этого эпизода, также занимаются темными делами.

Знаешь ли, за что он тебя не любит? За то, что ты промен берешь со всех, а с ним не делишься. В конце 80-х годов в обращении были деньги золотые (империалы — в 10 рублей, полуимпериалы — в 5 рублей); серебряные рубли, полтинники, двадцатипятикопеечники, гривенники, пятикопеечники; медные — пятикопеечники, грошевики, копейки, денежки (полукопейки); бумажные ассигнации по 100, 50, 25, 10 и 5 рублей (Туманский, л. 145). Медные и бумажные деньги ценились дешевле, и при обмене их на серебро и золото полагалась приплата — промен, или лаж. Так как курс бумажных и медных денег менялся по мере увеличения числа ассигнаций, промен пре-

доставлял большие возможности для жуликов, о чем свидетельствует и реплика жены ретивого обличителя. В 80—90-е годы выпускалось большое количество ассигнаций с целью увеличения государственного дохода. Это привело к падению стоимости ассигнаций. Если в 1787 году они шли по курсу 97 копеек серебром за рубль, то в конце столетия бумажный рубль стоил лишь 64 копейки. Автор «Опыта повествования о деяниях, положении и разделении Санктпетербургской губернии» Ф. О. Туманский винил в падении курса денег корыстолюбие купечества и страсть к ввозу из-за границы «для России ненужных вещей» (Туманский, л. 145 об.). Радищев же в «Записке о податях С.-Петербургской губернии» решительно осуждал правительство за дополнительный выпуск бумажных денег: «Государь, который деньги делает, есть вор общественный, если не вор, то насильствователь. Доход государственный да будет участок из прибытков земных... Первые ассигнации были представление ходячей монеты, а нынешние излишни» (Соч., т. III, 113).

Присяжный — чиновник. При вступлении на государственную службу чиновники приводились к присяге.

Я дам по четыре копейки за версту. Обычно при езде на «вольных» (см. примеч. к главе «Выезд») платили по две копейки. Человек, закутанный в епанчу и закрывающий лицо широкими полями шляпы, вынужден ехать без подорожной, ибо бежит от неправедных гонений, о которых рассказывает далее.

Ах, государь мой, не могу себе представить, что я несчастлив и т. д. Дальнейший рассказ говорит об устарелости законов, путанице в них, явных беззакониях, совершаемых лицами и властями, призванными соблюдать законы. «Несчастный» был ранее купцом, участвовал в откупе и поручился за компаньона, который оказался мошенником-банкротом и сбежал. С «несчастного», как с поручителя, потребовали не часть, а весь долг (хотя фактически его доля была незначительной). Сложность положения усугублялась тем, что рассказчик уже после того, как на бывшее у него «имение», т. е. имущество, послано «запрещение» (наложен арест), купил дом и выгодно его перепродал. Кроме того, пока тянулось дело, изменилось социальное и правовое положение рассказчика: получив по службе соответствующий чин, он стал дворянином. Таким образом, Радищев отмечает, что по отношению к «не-

счастному» допущены вопиющие беззакония: во-первых, его обвиняют в продаже той части имущества, на которую не мог быть наложен арест и которой он имеет право свободно распоряжаться; во-вторых, нельзя было налагать арест на имущество рассказчика постольку, поскольку он сам соглашался удовлетворить казенные требования, продав соответствующую часть имения; в-третьих, «несчастного» заведомо ложно обвиняют в обмане казенной палаты за то, что он при продаже дома назвался дворянином (кем он в действительности уже и был), а не купцом, к сословию которых принадлежал в момент покупки дома, и т. д. Не вникнув в существо обвинений, суд незаконно постановил аннулировать сделку о продаже дома, а самого рассказчика за мнимый обман (которого на самом деле не было) приговорил к лишению чинов и дворянства и взятию под стражу. Услышав об этом, беременная жена «несчастного» преждевременно родила; умерли и она, и ребенок.

Пуская капитал мой в обращение, стал участником в частном откупу. Откуп, откупная система — особая система взимания косвенных налогов, широко распространенная в России XVIII в. Обязавшись уплатить казне договорную сумму, частное лицо или группа лиц получали исключительное право торговать в данном уезде или губернии водкой («вином»), игральными картами и т. п. Разница между договорной суммой и суммой, фактически вырученной с потребителей, составляла прибыль откупщиков; она нередко достигала трехсот процентов и более.

От откупу отрешен — т. е. отставлен.

Остался в лицах — остался налицо.

Выправки — здесь — справки, выкладки, подсчеты.

Случай допустил меня перейти из купеческого звания в звание дворянское, получа чин — см. «Тосна».

Стряпчий казенных дел — советник прокурора, истец по казенным делам.

Все сие было отринуто — то есть все доводы рассказчика были отвергнуты.

Бабка — повивальная бабка, акушерка.

Повесть сопутника моего тронула меня несказанно. «Прототипом «несчастного»... был сослуживец Радищева и его давнишний знакомый — досмотрщик портовой таможни Степан Андреев. В 1780-е годы имя Андреева неоднократно фигурирует в делах Петербургской палаты уго-

ловного суда в связи с совершавшимися в таможне хищениями, его участием в «откупу» и поручительством за позже обанкротившегося компаньона, сделанными им покупками (дом и дача), убийством, случившимся в его доме. Будучи назван преступником, Степан Андреев был приговорен к лишению чинов и дворянства, выплате «казенной недоимки» за счет продажи дома с публичных торгов и ссылке на каторгу. Следствие проводилось с грубейшими нарушениями элементарных норм судопроизводства. Виновность Андреева фактически доказана не была, что подтверждается особым делом 1790 г., обвинявшим членов уголовной палаты и пристава Московской части (где жили Андреев и Радищев) в несоблюдении правил проведения следствия... Документы свидетельствуют, что между председателем, членами уголовной палаты и Радищевым отношения были весьма натянутыми и что необоснованное обвинение Андреева было одной из причин их резкого обострения. Безуспешность «жалобницы» Андреева в Сенат и попытки добиться пересмотра его дела в 1789 — феврале 1790 г. (предпринятой, по всей видимости, Радищевым) и побудила автора «Путешествия» обнародовать его, печатным словом изобличить законы, неправый суд, правительство, смело вступиться за попранную «невинность» (А. Г. Татаринцев. Из истории борьбы А. Н. Радищева против судебного произвола. — «XXIV Герценовские чтения. Филологические науки». Л., 1971, стр. 52—53.). Об убийстве, происшедшем в доме Андреева, о процессе над ним и несогласии Радищева с остальными членами суда рассказал в биографии отца П. А. Радищев, который сообщил и о дальнейшей судьбе Андреева: «Чрез несколько лет после этого происшествия, когда Радищев был уже в Сибири, перед восшествием на престол императора Павла I, губернский секретарь, квартировавший у Степана Андреева, учинил в Казани смертоубийство и, быв приговорен к каторге, признался в других преступлениях, между прочим — в убийстве богатого купца в доме Степана Андреева. Степан Андреев был возвращен (с каторги. — *Авт.*) и, когда Радищев опять служил в С.-Петербурге... явился к нему и благодарил за заступничество, хотя и бесполезное» (Биография А. Н. Радищева, стр. 60). При сопоставлении истории Степана Андреева с историей «несчастного» можно видеть, что Радищеву «дело» Андреева послужи-

ло отправной точкой и взял писатель из него лишь часть. По-своему группируя, изменяя и типизируя реальные факты, Радищев дополнял их вымышленными. Отбросив обвинение в убийстве (за которое Андреев и был приговорен к каторге), писатель сделал «несчастного» не случайной жертвой неправильно проведенного следствия и последовавшей за этим судебной ошибки, а типическим образом жертвы системы беззакония и неправосудия.

Возможно ли... чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикие производилися жестокости? «Самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами, в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям бывает причиною», — писала Екатерина II в одном из первых манифестов, 7 июля 1762 года. Через год четверо убийц, приговоренных к казни, были помилованы указом, в котором говорилось, что, руководствуясь своим «природным мягкосердием и человеколюбием», государыня решила удержать «законами поднятый правосудный меч». О своем мягкосердии и человеколюбии Екатерина говорила и писала постоянно, включая распоряжения по делу Е. И. Пугачева: «Пожалуй, помогайте всем внушить умеренность как в числе, так и в казни преступников. Противное человеколюбию моему прискорбно будет», — писала она главнокомандующему Москвы князю М. Н. Волконскому во время суда над Пугачевым (см.: «Осьмнадцатый век», т. I. М., 1868, стр. 139; «Вопросы истории», 1966, № 9, стр. 145). «Милосердное матернее сердце» Екатерины славили и придворные, и европейские просветители, и русские поэты. Путешественник и повторяет эту расхожую формулу, подготавливая основной радищевский вывод из следующей части главы: не личные качества «мягкосердого» монарха (какой изображен в «сне») определяют характер «правления», а сама система самодержавия порождает всеобщее беззаконие, насилие и жестокость.

Я размышлял, каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховныя власти. Ибо справедливо думал, что в самодержавном правлении она одна в отношении других может быть беспристрастна. И эта мысль повторяет утверждения Екатерины II (см., например, «Наказ», §§ 8—16, составляющие вторую главу).

Я напишу жалобницу в высшее правительство и т. д.

Путешественник хочет написать жалобу в Сенат, но боится, что ее не примут, так как у него нет «верющего письма» — доверенности на ведение дела. Невозможность заступиться за невинного возмущает его.

Какое имею право? Страждущее человечество. Страдания человека, согражданина дают право, даже обязывают к активному действию.

О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров? и т. д. Обращаясь к Иисусу Христу, Путешественник говорит, что христианское учение слишком мягко, ибо обещает воздаяние за злые дела лишь после смерти, а это позволяет даже верующим при жизни, не раздумывая, творить зло. Именно по поводу этой страницы Екатерина II написала: «Сочинитель ко злости склонен» (Процесс, стр. 157).

Возмущенные соки мыслию стремилися, мне спящу, к голове и т. д. Мне спящу — когда я спал. Радищев излагает характерное для XVIII века механистически-материалистическое представление о происхождении сна.

Мне представилось, что я Царь, Шах, Хан, Король и т. д. Перечисление единодержавных властителей разных народов означает, что нарисованная далее картина относится к самодержавным правителям вообще. Вместе с тем последующие страницы говорят о России и непосредственно о Екатерине II (см. также «Введение»). Жанр «сна», известный в мировой литературе с античности, в XVIII веке был весьма популярен в Европе и России. Обычно радищевский «сон» связывают со сборником французского просветителя Луи Себастьена Мерсье (1740—1814) «Философические сны» (1768, русский перевод И. Долгорукова в двух частях. М., 1780—1781). В пятом «сне» «О монархии и тирании» богиня, олицетворяющая добродетельное правление, избирает героя в наставники молодому правителю; с ее помощью герой показывает принцу картины «разумного» царствования, а затем — деспотического правления. Этот «сон» Мерсье явился источником XLV письма журнала И. Г. Рахманинова и И. А. Крылова «Почта духов»; здесь сильф Выспрепар рассказывает о юном монархе, окруженном придворными льстецами, которого пытается наставлять любящий истину мудрец писатель. Для Радищева, однако, не менее важной была русская традиция использования жанра аллегорического «сна» для резкой сатиры «на лица» — на конкретные по-

роки отечественной действительности. Первые образцы такого рода «снов» дал А. П. Сумароков (в журнале «Трудолюбивая пчела», 1759 и др.). В рукописном виде известен обличительный памфлет Ф. А. Эмина «Сон, виденный в 1765 году, генваря 1-го», за который по личному приказу Екатерины II писатель был посажен в Петропавловскую крепость. Радищев в своем «сне» блестяще соединил обе линии, взяв от европейской традиции высокую программность общеполитического и философского характера, а от русской — памфлетную конкретность и резкость сатирического обличения.

Место моего восседения было из чистого злата и хитро искладенными драгими разного цвета каменьями блистало лучезарно. Позолоченные троны, искусно («хитро») украшенные драгоценными камнями, можно было увидеть и в Зимнем дворце в Петербурге, и в дворцах как европейских, так — еще более богатые — восточных владык. По поводу обстановки дворца и изображенного в «сне» монарха существуют разные точки зрения. Одни исследователи считают, что описание трона и различных атрибутов власти является аллегорией (например, А. П. Скафтымов — см.: «Ученые записки Саратовского гос. университета», 1929, т. VII, стр. 180). Другие литературоведы отрицают аллегорический характер описания Радищева. Так, Л. В. Крестова полагает, что детали своего описания Радищев заимствовал из барельефов, украшавших стены зала общего собрания Сената (см.: «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1957, т. XVI, вып. 4, стр. 352—359). При всех неточностях в сопоставлениях Л. В. Крестовой, можно согласиться с тем, что есть известное сходство нарисованной Радищевым обстановки дворца и барельефами зала общего собрания Сената (см. их «изъяснение»: Соч. Державина, т. VII, стр. 41—43). Вместе с тем легко заметить, что большую часть изображений можно сопоставить с традиционными аллегориями, которые нетрудно отыскать и на многочисленных портретах коронованных особ, их скульптурных изображениях и т. д.: венец лавровый — на скульптуре Петра I работы Фальконе, на портрете Екатерины-законодательницы работы Д. Г. Левицкого 1783 года (тут же и Фемида, богиня правосудия, с весами) и многих других.

Ничто сравниться не могло со блеском моих одежд. Эти слова Л. В. Крестова соотносит с блеском белого

атласного платья Екатерины-законодательницы (на портрете Д. Г. Левицкого), о котором Державин писал в стихотворении «Видение мурзы»: «Одежда белая струилась По ней серебряной волной». Вряд ли это верно: достаточно вспомнить украшенное драгоценными камнями парчовое одеяние Анны Иоанновны, воспроизведенное в скульптуре Растрелли, или туалеты Елизаветы Петровны, портрет самой Екатерины работы Эриксена, где блистающая тысячами драгоценных камней корона и украшенный бриллиантами орден бросаются в глаза раньше, чем лицо императрицы, чтобы видеть подчеркнутую «простоту» одеяния на портрете Левицкого. Не пышность, а мудрость, просветительская деятельность и человечность воплощены Левицким в этом портрете.

Глава моя украшалася венцем лавровым и т. д. Лавровый венец — символ славы. Меч на столпе означает незыблемость воинской славы; скипетр на снопах с обильными колосьями («класами») — изобилие и процветание; весы на твердом коромысле — твердость правосудия; держава, поддерживаемая толпой младенцев, — человеколюбие; корона («венец мой») на плечах сильного исполина, край («воскраие») которой поддерживает истина, — самодержавная власть, основанная на могуществе и истине. Это перечисление символов выдержано Радищевым в духе эпохи; подобную символику можно найти в пояснениях ко многим произведениям искусства, современным Радищеву. Так, например, Д. Г. Левицкий расшифровывал содержание своей картины «Екатерина II — законодательница» следующим образом: «Середина картины представляет внутренность храма богини Правосудия, перед которой в виде законодательницы ее императорское величество, сжигая на алтаре маковые цветы, жертвует драгоценным своим покоем ради общего покоя. Вместо обыкновенной императорской короны увенчана она лавровым венком, украшающим гражданскую корону, возложенную на главе ее. Знаки ордена святого Владимира изображают отличность знаменитую, за понесенные для пользы отечества труды, коих лежащие у ног законодательницы книги свидетельствуют истину. Победоносный орел покоится на законах, и вооруженный перуном (т. е. молнией. — *Авт.*) страж рачит о целостности оных...» («Собеседник любителей российского слова», ч. VI, 1783, стр. 18). О статуе «Екатерина II — законодательница», созданной Ф. И. Шу-

биным одновременно с «Путешествием», в 1789—1790 годах, П. П. Чекалевский писал: «Статуя мраморная... представляет великую нашу законодательницу... в мантии с диадемою на главе, окруженной лавровым венцем. Правою рукою указует она на раскрытую книгу законов, лежащую купно с весами правосудия на столпе, знаменующем твердость оных, у подножки которого находится рог изобилия, означающий щедроты, изливаемые на верных ее подданных, а в левой руке держит скипетр, наклоненный книзу. Щит с двуглавым орлом, корона и держава положены назади внизу у столпа. Таковым изображением художник изъясняет, что она более царствует силою начертанных премудростью ее законов, нежели властию монаршею» (Петр Чекалевский. Рассуждение о свободных художествах с описанием произведений российских художников. Спб., 1792, стр. 92—93).

Седалище — трон.

С робким подобострастием и взоры мои ловящи, стояли вокруг престола моего чины государственные. Как и предшествующее изображение монарха, его одеяния и символов власти, эта фраза имеет прямое отношение к Екатерине II и может относиться к другим владыкам. Подобострастие придворных характеризовало не только русский двор, но и французский, и испанский, и любой другой. Более конкретным признаком России является многонациональность лиц, окружающих престол.

Бесчисленное множество народа, коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан различие их племени возвещали. Воспитанник Пажеского корпуса, Радищев не раз присутствовал на официальных приемах, на которые являлись представители различных национальностей в национальных одеждах.

Трепетное их молчание уверяло меня, что они все воле моей подвластны. Радищев знал, что молчание на официальных приемах далеко не равнозначно действительному послушанию. Во время восстания Пугачева башкиры, удмурты, мари и представители других национальностей поддерживали русских крестьян.

По сторонам на несколько возвышенном месте стояли женщины... желания их стремились на предупреждение моих. Присутствие большого числа женщин опять-таки характеризует скорее обстановку Зимнего дворца, чем Сената, а готовность предупредить желания монарха явля-

ется язвительным намеком на нравы многих дворов, и на широко известное любострастие русской императрицы в частности (здесь речь идет о женщинах, потому что видит сон монарх-мужчина).

Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание; казалося, что все в ожидании были важного какого происшествия, от коего спокойствие и блаженство всего общества зависели. Дальнейшая картина — самый яркий сатирический памфлет XVIII века. Зевок скучающего, пресыщенного монарха рождает всеобщее смятение, «улыбка улетела со уст нежности», радость сменилась предчувствием беды, стенаниями, которые сдерживаются лишь страхом. Изображение «страдания» придворных исполнено тем более глубокой иронии, что монарх верит окружающим.

Уже скорыми в сердца всех стопами шествовало отчаяние и смертные содрогания, самыя кончины мучительнее. Уже в сердца всех быстрыми шагами шествовало отчаяние и предсмертная дрожь, более мучительная, чем сама кончина.

Он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе. Льстивые речи придворных повторяют то, что говорилось в одах и похвальных словах Екатерине II. Соответствующая «рекомендация» литераторам была дана сразу же по заключении мира с Турцией и подавлении восстания Пугачева: «когда внешняя война престала, когда внутренние бунты и раздоры разрушены», поэты должны, «воспев победоносную государыню, прославить мир, тишину и блаженство ее подданных» («Собрание новостей», 1775, стр. 7). При Екатерине границы государства значительно расширились. В 1772 году с Россией была воссоединена часть белорусских земель, а также присоединена часть польской Ливонии. По Кучук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года к России отошли Керчь, Азов, степь между Днепром и Бугом и др. В 1783 году без военных действий присоединен Крым; по просьбе царя Ираклия II «под покровительство» России принята Грузия. В 1784 году организованы поселения на Аляске.

Он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю. В 60—90-е годы быстрыми темпами развивалась промышленность. К 1762 году в стране было

984 мануфактуры, к 1796—3161. «Внутренняя торговля стала быстро расти.., Ярмарочный товарооборот охватывал всю торговлю промышленными и сельскохозяйственными товарами между промышленным центром и украинскими, сибирскими, среднеазиатскими окраинами». По официальным данным обороты внешней торговли составляли в 1763—1765 годах 12 млн. руб. по вывозу и 9,3 млн. руб. по ввозу, в 1781—1785 годах соответственно 23,7 и 17,9 млн. руб., в 1796 году — 67,7 и 41,9 млн. руб. «Таким образом, положительный баланс внешней торговли принес за время царствования Екатерины II 103 млн. руб. серебром» (Лященко, стр. 409, 415).

Он любит науки и художества. Тема поощрения наук и искусств — одна из основных у авторов од и похвальных слов XVIII века. «Здесь в мире расширять науки Изволила Елисавет», — писал Ломоносов о Елизавете Петровне в оде 1747 года. Екатерину же за «покровительство», оказываемое наукам и искусствам, славили в одах и «словах» М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, И. Ф. Богданович, И. К. Голеневский, В. Т. Золотницкий, П. С. Потемкин, позднее Г. Р. Державин и многие другие. С первых лет царствования Екатерина действительно уделяла значительное внимание развитию наук и искусств, вопросам образования и воспитания. Сначала были реорганизованы Сухопутный и Морской кадетские корпуса, в 1764 году основан Артиллерийский и инженерный кадетский корпус и при нем — «школа художеств для солдатских детей». В 1763 году утвержден «Генеральный план Императорского Воспитательного дома» в Москве (открыт в 1764 году), в 1770 — в Петербурге. В 1764 году в Петербурге было образовано первое женское учебное заведение — училище для «благородных девиц» в Смольном монастыре, а вскоре — и для «мещанских девиц». В 1765 году состоялось торжественное открытие реорганизованной «Академии трех знатнейших художеств». В 1782 году издан указ об учреждении народных училищ (см. примечание к главе «Подберезье») и т. д. В течение многих лет Екатерина вела переписку с европейскими писателями и философами-просветителями Вольтером, Дидро, Гриммом и т. д., а когда выходившая под редакцией Дидро «Энциклопедия» была осуждена парижским парламентом, Екатерина предложила Дидро перенести печатание издания в Россию, например в Ригу; впоследствии

императрица предлагала Дидро составить и издать в России выборку из «Энциклопедии». После смерти Вольтера Екатерина приобрела его библиотеку (ныне хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде). Купив же библиотеку Дидро, императрица оставила ее в пожизненном пользовании философа. Екатерина демонстративно оказывала материальную поддержку русским писателям: неоднократно просил и получал различные суммы из Кабинета императрицы Н. И. Новиков, «на счет Кабинета» печатались произведения А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, Я. Б. Княжнина, Ф. А. Эмина и др. В то же время императрица негласно вела ожесточенную борьбу с этими писателями при помощи разнообразных мер: по ее личному секретному приказу Эмин был посажен в Петропавловскую крепость; она писала анонимные пасквили, направленные против Сумарокова и Новикова; Княжнин — очевидно, с ее ведома — был приговорен к смертной казни в 1773 году, и, хотя тогда его помиловали, скончался он после допроса в Тайной экспедиции в 1791 году. Кабинет императрицы выдавал значительные средства на переводы различных сочинений с иностранных языков. Огромные деньги тратились на закупку за границей картин, гравюр, рисунков, скульптур, резных камней и т. д. Кроме того, Екатерина и сама много писала: современники знали, что ее перу принадлежат многочисленные комедии, оперные либретто, «исторические представления» для театра, сказки, цикл фельетонов «Были и небылицы», «Записки касательно российской истории», «Российская азбука» и т. д. Ей была поднесена почетная степень доктора и магистра свободных искусств Виттенбергского университета.

Он... поощряет земледелие и рукоделие. Эти утверждения придворных также соотносятся с высказываниями и мероприятиями Екатерины II. Она неоднократно говорила и писала о необходимости свободы торговли и промышленности. Манифестом 1775 года было дозволено «всем и каждому заводить всякого рода станы и производить на них всевозможные рукоделия». Наряду с этим императрица утверждала, что «не может быть там ни искусное рукоделие, ни твердо основанная торговля, где земледелие в уничтожении или нерачительно производится» и где «никто не имеет ничего собственного» («Наказ», §§ 294—295). Поэтому еще в 1765 году по инициативе

Екатерины граф Г. Г. Орлов основал Вольное экономическое общество, целью которого было распространение нужных и полезных для земледелия и ведения хозяйства знаний, изучение положения русского земледелия, изучение и пропаганда европейского сельскохозяйственного опыта. Императрица учредила премию в тысячу червонцев за лучшее конкурсное сочинение о крестьянской собственности и ее значении для пользы общенародной. Больше всего меры по развитию ремесел и промышленности были на руку дворянству, которое владело землями и рабочей силой — крепостными. Однако значительно развиваются и крестьянские мануфактуры — предприятия крепостных крестьян, из среды которых выходят богатые фабриканты (Мальцевы, Морозов и др.). Меры же по развитию земледелия практически ничего не давали из-за крепостнической организации сельского хозяйства, которое все больше и больше отставало от быстро развивающейся промышленности.

Он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан, избавя их до сосца еще гибельныя кончины. Организация воспитательных домов, имевших целью пресечь массовое убийство «незаконнорожденных» детей, постоянно упоминалась в перечне главных заслуг Екатерины в посвященных ей стихах (М. В. Ломоносова, М. М. Хераскова, В. П. Петрова, Г. Р. Державина и др.) и похвальных словах. Так, например, генерал-прокурор Сената князь А. А. Вяземский говорил: «Несчастно рождаемые младенцы, нередко при самом на свет происхождении своем бедственно погубляемые, твоим человеколюбием из челюстей смерти исторгнуты, твоими же щедротами отечеству и согражданам на пользу воспитываются» («Собрание новостей», 1775, сентябрь, стр. 67). Сама императрица очень гордилась учреждением воспитательных домов, нередко посещала их.

Он умножил государственные доходы. В 1762 году, перед вступлением Екатерины на престол, государственный доход составлял 15 350 182 рубля, в последний год ее царствования — 68 597 459 рублей (т. е. к 1796 году возрос более чем в четыре раза). Тем не менее денег не хватало, и над вопросом об увеличении государственных доходов билась созданная в 1783 году Секретная комиссия (А. А. Вяземский, А. А. Безбородко, А. Р. Воронцов, А. П. Шувалов), которая решила увеличить оброчную по-

дать с казенных крестьян с двух рублей до трех. Поскольку эта мера ненадолго удовлетворила казну, из которой черпались средства не только на государственные расходы, но и на все возраставшие потребности императорского двора, то в 1785 году Вяземский предложил вновь повысить оброчную подать и обложить налогом купеческие капиталы. Члены комиссии отвергли это предложение. По мнению А. Л. Шапиро, опубликовавшего две незаконченные работы Радищева, условно названные «Записки о податях С.-Петербургской губернии» и «Описание С.-Петербургской губернии» (см.: Соч., III, 97—132), Воронцов привлек к работе над изучением состояния податей Радищева. Радищев указывал, что налоги должны соответствовать доходам, то есть получающие больший доход должны и платить больше. Он писал также о необходимости организации промышленных предприятий по уездам, об удобрении пахотной земли крестьян, применении более совершенных сельскохозяйственных орудий и т. д. Но деятельность Секретной комиссии завершилась не реформами, а простым увеличением количества бумажных денег, к чему Радищев отнесся неодобрительно (см. выше). В результате государственные долги России в 1796 году достигли 215 миллионов рублей; большую часть этой суммы (до 157 миллионов) составили долги от выпуска бумажных денег.

Народ облегчил от податей. С момента введения подушной подати в 1724 году неуклонно росла сумма недоимок, то есть подати, не внесённой к определенному сроку. К началу царствования Екатерины общая сумма недоимок составляла 800 000 рублей (несмотря на то, что в 1752 году указом Елизаветы Петровны недоимки за 1724—1747 годы были прощены). Манифестом от 28 июня 1787 года все недоимки по 1 января 1776 года прощены, а остальные позволено разложить на 20 лет. Радищев вообще считал, что большинство податей, взимаемых с городских и сельских жителей, сравнительно умеренно (за исключением «рекрутского сбора», сбора на содержание и починку дорог и др.), но при этом он подчеркивал, что говорит только о казенных крестьянах, ибо тяжесть налогов, взыскиваемых с крепостных, «исчислить неможно» (Соч., III, 118. См. также примеч. к главе «Любани»).

Он милосерд, правдив, закон его для всех равен... он вольность дарует всем. Это — перифраз «Наказа» Екате-

рины II и ее постоянных заявлений в манифестах и указах. В то же время вместе с предшествующими похвалами самодержцу и последующими его распоряжениями эта фраза рисует облик такого государя, какого просветительская философия XVIII века именовала «просвещенным монархом». Согласно теории «просвещенного абсолютизма» такая монархия равнозначна конституционной или, по крайней мере, монархии, ограниченной твердыми («непременными» — по терминологии Д. И. Фонвизина) законами, основанными на «естественном праве». Правящий при помощи подобных законов «просвещенный монарх» отличается от самодержца, деспота, тирана, который правит, руководствуясь собственной прихотью, желанием, без законов. Во Франции идею просвещенной монархии отстаивали и пропагандировали Монтескье, Вольтер, Дидро, в России — Ломоносов, Сумароков, Новиков, Фонвизин, Державин и др. Радищевская характеристика деяний монарха в «сне» в основных пунктах совпадает с тем, например, что в более краткой форме писал о качествах «просвещенного монарха» Ломоносов: «Радеть о благоденствии общества, защищать оное прозорливым мужеством, управлять милосердным правосудием, обогащать домостройством и купечеством, просвещать науками, украшать художествами есть великих монархов упражнение» (Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 8. 1959, стр. 807. — Данное совпадение тем более показательно, что Радищев не мог знать этих слов Ломоносова, поскольку они впервые были опубликованы лишь в середине XIX века). О своей приверженности идеям «просвещенной монархии» Екатерина II заявляла неоднократно, но, в отличие от философов-просветителей, она утверждала, что самодержавие является источником «разума вольности», который «может произвести столько же великих дел и столько споспешествовати благополучию подданных, как и самая вольность» («Наказ», § 16). Оперируя действительными фактами царствования Екатерины II, Радищев создает образ государя, обладающего всеми основными чертами, которые, согласно теории «просвещенного абсолютизма», должен иметь «просвещенный монарх» (чем и отличается «Путешествие» от многочисленных произведений, обличающих дурных государей, царей-тиранов). Тем сильнее звучит разоблачение вопиющих беззаконий во второй части «сна»: раз подобное может твориться при «просвещен-

ном» государе, значит, не годится вся система единодержавного правления, сам принцип монархии. И, разумеется, нет никаких монархических иллюзий у видящего сон Путешественника, ибо он и не сомневается в том, что кольцо Истины не «пребывало хотя на мизинце царей».

Похвалы сии истинными в разуме моем изображалися, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми их приемля, душа моя возвышалася над обыкновенным зрения кругом; в существе своем расширялась и, вся объемля, касалася степеней божественной премудрости. Похвалы представляются государю искренними. Слушая их, он кажется себе всемогущим и упивается ими и сознанием собственного величия.

Первому военачальнику повелевал я идти... на завоевание земли, целым небесным поясом от меня отделенной. Речь идет о князе Г. А. Потемкине, который возглавлял армию во время второй русско-турецкой войны (1787—1791), о планах Екатерины II и Потемкина, победив Турцию, освободить Грецию от турецкого ига и подчинить новое государство России. План этот вынашивался еще с 70-х годов, и потому второго внука Екатерины, которому предназначался греческий престол, назвали Константином, традиционным именем греческих императоров.

Учредитель плавания — начальник Адмиралтейской коллегии граф И. Г. Чернышев. На его имя был дан указ от 17 апреля 1787 года об отправлении морских судов из Балтийского моря в «Восточный Океан».

Хранитель законов — генерал-прокурор Сената князь А. А. Вяземский. «В России Сенат есть хранилище законов», — писала Екатерина («Наказ», § 26).

Се день рождения моего, да ознаменится он в летописях навеки отпущением повсеместным. Да отверзутся темницы и т. д. Еще в процессе подготовки к коронации (состоявшейся в Москве 22 сентября 1762 года) Екатерина направила в Сенат указ от 15 сентября, которым предписывалось ко дню коронации подготовить манифест об амнистии («отпущении»). Указ повелевал, во-первых, освободить всех заключенных (кроме убийц), которых «по тюрьмам содержится великое число... а еще из многих городов и ведомость не прислана»; во-вторых, «страждущих бедных людей в каторжной работе по всем местам свободить... кроме тех, которые за смертное убивство вечно к тому осуждены»; в-третьих, составить списки для выкупа

тех, кто приговорен отрабатывать на каторге долги по исковым делам. «Еще Сенату справиться о всех мирских и духовных персонах, в далекие места и в монастыри сосланных, и о сих мне известие прислать. Екатерина». Затем если не каждый год, то нередко в связи с годовщиной дня восшествия на престол, коронации, окончанием войн, днями рождения и тезоименитства (именин) самой Екатерины, наследника престола Павла, внуков императрицы — Александра и Константина и т. д. издавались указы об амнистии. По случаю открытия памятника Петру I 7 августа 1782 года, приуроченного к столетию дня, когда Петр стал монархом, и одновременно — к двадцатилетию царствования Екатерины, также был издан манифест о прощении должников, просидевших в тюрьме пять лет, и долгов, составлявших не более 600 рублей. «Сей день ознаменован прощением разных преступников», — писал по этому поводу Радищев в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске» (Соч., I, 149).

Да воздвигнутся, — рек я первому зодчию, — великолепнейшие здания для убежища мусс. Мусс — муз. Имя первого зодчего назвать трудно. Во главе «Комиссии каменного строения Санктпетербурга и Москвы», созданной в 1762 году, юридически стоял вельможа И. И. Бецкой, но с 1762 по 1772 год делами руководил архитектор-градостроитель Алексей Васильевич Квасов, а после его смерти Иван Егорович Старов (1744—1808). В задачи Комиссии входила разработка планов обеих столиц, а также провинциальных городов. Старов был автором проектов многих зданий во вновь основанных южных городах: Екатеринославе (Днепропетровске), Николаеве, Херсоне и др. Может быть, поэтому главный зодчий с такой легкостью говорит об этом: «О премудрый... егда велениям твоего гласа стихии повиновалися и, совокупя силы свои, учреждали в пустынях и на дебрях обширные грады... колико маловажен будет сей труд...»

Ты рек, и грубые строения припасы уже гласу твоему внемлют — то есть к слову государя прислушиваются даже строительные материалы: кирпич, щебень и т. д. Эти слова особенно ироничны, ибо здания строились по двадцать и более лет.

Да отверзется ныне, рек я, рука щедроты, да излиются остатки избытка на немощствующих. Немощствующие — больные, потерявшие силы люди и бедняки. После созда-

ния московского Воспитательного дома был принят ряд мер по организации домов для умалишенных, а также богаделен. В 1775 году, при реорганизации губернского управления, в каждой губернии было повелено образовать приказ общественного призрения, в ведение которого входило устройство сиротских домов, «народных больниц», богаделен, домов для умалишенных и т. п. Указом 1781 года городскому магистрату Петербурга вменено в обязанность назначить «городового маклера», который должен был раз в неделю вскрывать кружки приказа общественного призрения, куда собирались добровольные пожертвования, и деньги раздавать бедным, «не могущим приобретать работою свое пропитание». В рукописных редакциях это повеление монарха было обращено «к хранителю государственной казны», то есть государственному казначею. В окончательном тексте Радищев это указание снял, по-видимому, потому что государственным казначеем было то же лицо, что и «хранитель законов»,— А. А. Вяземский.

Единая из всего собрания жена — Прямовзора, или, как выясняется далее, Истина. Царь решает ее прогнать, но пока, в «день милости и веселия», призывает «сотрудников в ношении тяжкого бремени правления» и раздает награды. Характерно, что, искренне желая быть справедливым, монарх не забывает отсутствующих, но бо́льшие награды получают те, кто был рядом и умел пойти «во сретение» словам царя.

Покажи нам путь к уготованному тобою празднеству. Каждый прием во дворце обычно заканчивался торжественным ужином, на котором иногда бывало несколько сот человек, иногда же — лишь приближенные.

Учредитель веселий — скорей всего, кто-то из обер-гофмейстеров или обер-гофмаршалов двора; кто именно — сказать трудно.

Постой, — вещала мне странница и т. д. Слова Истины, снявшей бельма с глаз монарха, и ее обещание, что он узнает верных подданных, которые любят не монарха, но отечество, которые «готовы всегда на твое поражение, если оно отмстит порабощение человека», совет призвать этих людей в друзья был понят Екатериной, помнившей Радищева еще в должности пажа, как желание писателя вновь приблизиться к престолу (Процесс, стр. 157).

Изжени сию гордую чернь и т. д. Чернью обычно именовался простой народ. Называя гордой черныю придвор-

ных, Радищев положил начало новому значению слова. Потом оно встретится в послании Г. Р. Державина В. В. Капнисту: «Умей презреть и ты златую, Злословну площадную чернь» — и ляжет в основу стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа».

Военачальник мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. Князь Г. А. Потемкин, командовавший главной армией, действовавшей против турок во время войны 1787—1791 годов, отправился на войну со штатом лакеев, музыкантов и любовниц. «Беспрестанно были праздники, балы, театры, балеты. Хор музыки инструментальной, роговой и вокальной был до 300 человек... Между прочими увеселениями сделана была землянка противу Бендер за Днестром. Внутренность сей землянки поддерживаема была несколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всем тем, что только роскошь может выдумать... Однажды князь вышел из землянки с кубком вина и приказал ударить тревогу по знаку, по которому как полками, так и из батарей произведен был батальонный огонь; тем и кончился праздник в землянке» (Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 81—88).

Воины мои почиталися хуже скота. Не радели ни о их здравии ни прокормлении. Приводимые Радищевым факты были широко известны самым различным кругам общества. Уже в начале войны, в октябре 1787 года, Н. А. Пассек прислала Екатерине донос на командующих двумя русскими армиями. «Она писала о корыстолюбии графа Румянцева-Задунайского и что князь Потемкин-Таврический морит солдат» (Храповицкий, стр. 30). Другой современник засвидетельствовал: «В России существуют две комиссии, учрежденные для снабжения войска: одна провиантом, другая обмундированием. Смею сказать, что вообще никогда не существовало и нигде не существует более наглых мошенников, чем чиновники этих комиссий» («Русская старина», 1895, кн. III, стр. 150). Подобные факты отмечены и в дневнике Р. М. Цебрикова, записках С. А. Тучкова, Л. Н. Энгельгардта и многих других.

Лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное им украшение. Большая половина новых воинов умирали от небрежения начальников или ненужныя и безвременныя строгости. Один из младших

современников Радищева, кадровый военный С. А. Тучков писал в своих записках об армии при Екатерине: «Излишнее щегольство, выправка и стягивание солдат доведены были до крайности»; каждый полк «имел огромный хор музыки, и музыканты были одеты великолепно». «Но всего несноснее была бесчеловечная выправка солдат; были такие полковники, которые, отдавая капитану трех рекрут, говаривали: «Вот тебе три мужика, сделай из них одного солдата» (Записки. СПб., 1908). Другой современник писал: «Войско умирало от холода, голода и житья в землянках. Потемкин давал балы, пиры, жег фейерверки» (Записки А. М. Тургенева. — «Русская старина», 1886, ноябрь, стр. 259—260).

Казна, определенная на содержание всеополчения, была в руках учредителя веселостей. «Учредитель веселостей» князя Потемкина — его правитель канцелярии и правая рука — генерал-майор В. С. Попов (с 1786 года одновременно считался и статс-секретарем императрицы). В распоряжении Попова была вся казна Потемкина, а, по словам современника, в нее входили следующие суммы: «экстраординарная военная... до 8 миллионов рублей; во-вторых, доходы Екатеринославской губернии и Таврической области до 2 миллионов в год и, в-третьих, до 12 миллионов серебром, отпускаемых ежегодно из провиантской канцелярии» (А. М. Грибовский. Записки о императрице Екатерине Великой. СПб., 1864, стр. 18).

Я зрел пред собою единого знаменитого по словесам военачальника... все его отличное достоинство состояло в том только, что он пособием был в насыщении сладострастия своего начальника. По-видимому, Радищев имеет в виду генерал-лейтенанта П. С. Потемкина. Переводчик, поэт и драматург, приближенный императрицы в начале 70-х годов, Потемкин участвовал в войне с турками 1768—1774 годов; во время восстания Пугачева был назначен начальником Секретной следственной комиссии. В 1782 году он стал начальником Кавказских корпусов, затем — наместником Саратовским, Кавказским и Астраханским. С 1787 года участвовал в войне с турками. Молва приписывала блестящую административную и военную карьеру П. С. Потемкина тому, что его жена Прасковья Андреевна была любовницей князя Г. А. Потемкина. В сатирическом стихотворении 1796 года анонимный автор обращается к П. С. Потемкину:

Дай лучше, дай увидеть нам,
Где, с кем, когда и как был в деле,
Как правил вверенной страной.
В войне лежал ты на постеле
И шел в чины своей женой.
Ведь ты не первый — не стыдися!
Поверь мне, в наши времена
Для многих выслуга жена...
А страстотерпица Прасковья
Не из последних тож была,
И дай бог только ей здоровья,
Она в нем добрый клад нашла
Себе и миленькому мужу...

(«Литературное наследство», № 9—10. М., 1933, стр. 23.)

Впрочем, Радищев в образе военачальника, потакающего сладострастию своего начальника, мог иметь в виду не только П. С. Потемкина, но и генерал-поручика князя С. Ф. Голицына (также находившегося под Очаковом), жена которого, княгиня Варвара Васильевна, была племянницей и любовницей Г. А. Потемкина. В ставку князя кроме П. А. Потемкиной съехались и многие другие жены генералов и полковников: княгиня К. Ф. Долгорукая, София де Витт, княгиня Головина и др.

От таких-то воинов я ждал себе новых венцов. Мысль, что награды получают не отличившиеся в боях воины, а лакействующие подхалимы, высказана Фонвизиным в рассказе Стародума (см. «Недоросль», действие III, явление I).

Корабли мои назначенные да прейдут дальнейшие моря и т. д. По поводу этого эпизода Екатерина заметила: «Не о Чичагове по крайней мере говорит» (Процесс, 158). Помощник главного командира Архангельского порта В. Я. Чичагов в 1765—1766 годах ходил с тремя кораблями из Колы в «секретную экспедицию» для отыскания северного морского пути в Камчатку, но из-за льдов добрался лишь до 80°21' северной широты.

Уже златые дски уготовлялися на одежду столь важного сочинения — то есть для переплета описания несостоявшейся экспедиции. Экземпляры книг и рукописей, подносимых императрице, украшались золотым тиснением.

Кук Джеймс (1728—1779) — английский мореплаватель, совершивший в 1768—1779 годах три путешествия по Тихому океану. Описал Новую Зеландию, Австралию и т. д., открыл острова Товарищества, Новую Каледонию, Тулэ и т. д. Был убит в схватке с жителями открытых им Гавайских (Сандвичевых) островов.

Не соплощай с обидою насмешку. Соплощай — соплетай (так и было в начальной редакции), соединяй.

Виды оных принадлежали веку готфов и вандалов. Готфы (готы) и вандалы — германские племена, воевавшие с Римской империей в V веке. Здесь Радищев говорит вообще об устарелости архитектурных форм.

Касталия — источник у подошвы горы Парнас, посвященный Аполлону и музам.

Ипокрена — Иппокрена — источник на горном хребте Геликон в греческой области Беотия, посвященный музам, покровительницам наук и искусств.

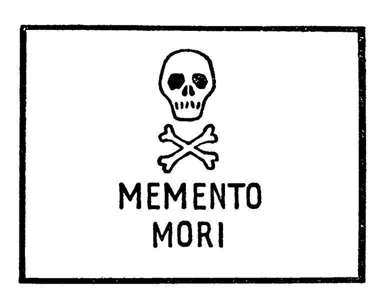
Зодчие, согбенные над чертежом здания, не о красоте оного помышляли, но как приобретут ею себе стяжание. Авторами проекта здания Академии художеств были А. Ф. Кокоринов (1726—1772) и Ж. Б. М. Валлен — Деламот (1729—1800). Строительство началось в 1765 году, но затем затянулось из-за нехватки средств. По Петербургу пошли слухи о хищениях со стороны Кокоринова, руководившего строительством. Хотя ревизия хищений не обнаружила, Кокоринов, по-видимому, в припадке душевной болезни повесился. Строительство самого здания тянулось до 1788 года, отделочные же работы были завершены лишь в 1810 году. Как обычно, кроме этого конкретного факта можно привести ряд аналогичных: затягивались работы и были хищения на строительстве нового здания Академии наук, Большого театра (на месте которого теперь стоит Ленинградская консерватория) и т. д.

Но паче всего уязвило душу мою излияние моих щедрот и т. д. На содержание людей по ведомству общественного призрения отпускались мизерные суммы. Так, например, на каждую «вдовицу», живущую в богадельне, полагалось 22 рубля по одному разряду, а по другому — 15 рублей 20 копеек в год, то есть на содержание, питание, одежду и прочее всего от 4 до 6 копеек в день. На ребенка в воспитательном доме отчислялось 27 рублей, то есть 7 копеек в день, но большая часть этих денег раскрадывалась, и дети умирали от «небрежения» и голода. Когда в 1782 году в московский Воспитательный дом был назначен новый директор, оказалось, что расхищено 170 000 рублей. Обследование же, проведенное при Павле I, показало, что из 40 600 «несчастнорожденных» детей, принесенных в московский Воспитательный дом, выжило менее пяти тысяч.

Видя, что нежность моя обращалася на жену, ищущую в любви моей удовлетворения своего только тщеславия и внешность только свою на услаждение мое устроящую, когда сердце ее ощущало ко мне отвращение... Говоря о «жене», т. е. женщине (ибо монарх в «сне» — мужчина), Радищев имеет в виду многочисленных ничтожных фаворитов Екатерины, которых привлекала возможность вознесения из положения рядового офицера на верх почестей при дворе. Система фаворитизма вообще вызывала отвращение у многих современников, что нашло отражение в частной переписке, нелегальных стихах, мемуарах, художественной литературе («Недоросль»). Так, например, поэт М. Н. Муравьев после смены очередного фаворита пишет отцу, служившему в Твери: «Вы пишете, что была великая перемена, но, сколько я знаю, она была только при дворе. А там все управляется по некоторым ветрам, вдруг восстающим и утихающим так же. Любимец становится вельможей; за ним толпа подчиненных вельмож ползает: его родня, его приятели, его заимодавцы. Все мы теперь находим в них достоинства и разум, которых никогда не видали. Честный человек, который не может быть льстецом или хвастуном, проживет в неизвестности» (М. Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967, стр. 7—8). Для современников не были секретом ни низкие человеческие качества большинства екатерининских фаворитов (П. В. Завадовского, С. Г. Зорича, А. Д. Ланского, П. А. Зубова и др.), ни то обстоятельство, что зачастую фавориты не испытывали любви к Екатерине (известно, например, что Ланской умер от излишнего употребления возбуждающих средств). Как раз в годы работы Радищева над «Путешествием» разыгралась особенно примечательная история. С июля 1786 года вместо А. П. Ермолова фаворитом стал А. М. Дмитриев-Мамонов. В течение короткого времени он был осыпан милостями. Однако с лета 1788 года придворные, а затем и сама Екатерина стали замечать «холодность и задумчивость» фаворита, между ним и императрицей начались ссоры. В июне 1789 года Дмитриев-Мамонов, наконец, признался, что уже год как влюблен в княжну Д. Ф. Щербатову и полгода назад дал слово жениться на ней. Отпуская «паренька», Екатерина пожаловала ему 2250 душ крестьян и 100 000 рублей, и тут же освободившееся место занял новый фаворит — П. А. Зубов.

Доверенность господа — т. е. доверие господина.

Подберезье

Подберезье — почтовая станция в 24 верстах от Спасской Полести. Первоначально содержание главы составлял «сон», впоследствии передвинутый в предыдущую главу.

Нянюшка моя Клементьевна, по имени Прасковья, нареченная Пятница и т. д. Прасковья (или Параскева) — по-гречески значит Пятница. Весь этот небольшой эпизод — очень редкий у Радищева образец беззлобного юмора (гораздо чаще и сильнее он использует сатиру, иронию, гротеск, сарказм, гневное обличение).

Приветливый вид, взгляд неробкий, вежливая осанка и т. д. Радищевские портреты действующих лиц являются едва ли не первыми в русской прозе индивидуальными портретами (см. также «Новгород», «Едрово»), причем Радищев иногда дает внешнюю характеристику-зарисовку, иногда развернутый психологический портрет. Этим характеристика его индивидуализированных персонажей отличается от типологизированной внешности героев классицизма и сентиментализма (см. «Новгород»).

Полукафтанье — короткий, в обтяжку, прямой кафтан, подрясник.

Примазанные квасом волосы. В полуобразованных сословиях для укладки волос употреблялись квас или сало. Дворянство (особенно столичное) с той же целью применяло дорогую специальную помаду, которую сверху посыпали пудрой.

Он был из Новогородской семинарии. Реальный прототип семинариста — Федор Васильевич Кречетов, радикальный публицист конца XVIII века. Чтобы власти не узнали в литературном персонаже реальное лицо, Радищев несколько «маскирует» его. Новый знакомый Путе-

шественника — молодой человек, недавно закончивший семинарию, — Ф. В. Кречетов, «из церковников» по происхождению, в 1761 году уже служил писцом, затем перешел в армию. С 1771 года он аудитор Тобольского полка Финляндской дивизии, обер-аудитором которой с 1773 года стал Радищев. В 1775 году оба уволились в отставку. Гражданская служба Кречетова протекала неудачно, ему приходилось наниматься на службу к частным лицам. Где Кречетов получил образование — неизвестно; во всяком случае, он был человеком начитанным в светской, в юридической и церковной литературе, очень много писал. Основная мысль Кречетова сводилась к необходимости «вольности», под которой он понимал ограничение самодержавной власти. Однако дать эту «вольность» «невеждам» он считал опасным; установлению «вольности» должны предшествовать три момента — ликвидация неграмотности, распространение просвещения и установление правосудия. Для осуществления своих идей Кречетов основал группу под названием «Всенародно вольно к благодействованию составляемое общество» (ср. «благодействие» у Радищева в посвящении «А. М. К.»). Кречетову принадлежит ряд планов в области просвещения, которые он тщетно посылал в высшие правительственные инстанции. В 1783 году он поднес Екатерине труд о распространении словесных наук в России, а в 1784 направил в Сенат доношение с планом устройства народных училищ «для скорейшего российской грамоте читать и писать научения». Помимо этого, Кречетов составлял планы коммерческих и юридических школ. В связи с занятием юриспруденцией еще в 1780—1781 годах он, прочитав в предисловии к только что вышедшей книге английского юриста Блэкстона, что «сочинение на российском языке всеобщей или универсальной юриспруденции было бы полезно для доставления россиянам яснейшего понятия о полной системе законов», составил в 1783 году первый том юридического плана и поднес его императрице, которая отвергла этот план. В 1787 году Кречетов вновь обратился к императрице с просьбой открыть на государственном иждивении юридические школы при Сенате — но и этот план был отвергнут. К «Путешествию» Радищева Кречетов относился отрицательно, но полагал, что императрица поступила с писателем несправедливо и строго. В свою очередь, Ради-

щев, как явствует из главы «Подберезье», хорошо зная взгляды Кречетова, относился к ним критически. В 1793 году по доносу дворового человека Малевинского Кречетов был арестован, обвинен в сетованиях на злоупотребления власти, в подстрекательстве к бунту. После двухмесячного следствия Кречетова посадили в Петропавловскую крепость, а в конце 1794 года перевели в Шлиссельбург, где он просидел до марта 1801 года (см. подробнее: Н. Чулков. Ф. В. Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII века. «Литературное наследство», № 9—10. М., 1933, стр. 453—470).

Виргилий — Публий Виргилий Марон (70—19 до н. э.), *Гораций* — Квинт Гораций Флакк (65—8 до н. э.) — древнеримские поэты; *Тит Ливий* (59 до н. э. — 17 н. э.), *Корнелий Тацит* (ок. 55—120) — древнеримские историки. Сочинения этих авторов составляли основу так называемого «классического образования» не только в средние века, но и в духовных училищах XVIII—XIX веков, так же как и в европейских и русских светских училищах и университетах (в Пажеском корпусе и Лейпцигском университете изучал сочинения этих писателей и Радищев).

Метафизика (по-гречески значит «то, что следует после физики») — особая часть философии, изучавшая те «первоосновы» всего существующего, которые выходят за пределы опыта, «физики» (бог, душа и т. п.).

Ифика — устаревшее наименование этики.

По словам Кутейника в «Недоросле»... возвратимся вспять. Кутейник — насмешливое прозвище церковников (кутья — каша с медом или изюмом, употребляемая при некоторых церковных обрядах). Радищев имеет в виду слова недоучившегося семинариста Кутейкина в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (действие II, явление 5), который рассказывает о том, как он учился в «семинарии здешния епархии. Ходил до риторики, да богу изволившу, назад воротился. Подавал в консисторию челобитье, в котором прописал: «Такой-то-де семинарист, из церковничьих детей, убояся бездны премудрости, просит от нея об увольнении»...»

Аристотель и схоластика доныне царствуют в семинариях. На логику и диалектику великого древнегреческого ученого Аристотеля (384—322 до н. э.) опиралась средневековая схоластика — догматическая философия, в основе

которой лежало христианское церковное учение; философия Аристотеля истолковывалась и приспосабливалась к церковным догмам, причем преимущественное внимание уделялось ее формально-логической стороне. Для схоластики были характерны абстрактность, оторванность от жизни и практики, начетничество, формально-логическое беспредметное мудрствование. Засилье латыни и схоластики, формализм и устарелость методов обучения в русских семинариях 80—90-х годов (о чем говорит семинарист у Радищева) констатировали даже сами церковные деятели, например, глава Святейшего Синода митрополит санктпетербургский Гавриил Петров, митрополит московский Платон Левшин, позднее Евгений Болховитинов и другие, которые представляли проекты реорганизации духовных учебных заведений.

Я по счастию моему знаком стал в доме одного из губернских членов в Новегороде, имел случай приобрести в оном малое знание во французском и немецком языках и пользовался книгами хозяина того дома. Екатерина II обратила внимание на эту фразу и сочла ее фактом биографии самого автора «Путешествия»: «...упоминает о знании, что я имел случай по счастию моему узнать. Кажется сие знание в Лейпцих получено, и доводит до подозрения на господ Радищева и Щелищева, паче же буде у них заведена типография в доме, как сказывают» (Процесс, стр. 158). Однако эти факты биографии персонажа опять-таки соотносятся с действительными фактами жизни Ф. В. Кречетова. Он знал именно французский и немецкий языки, а в 1783—1785 годах жил в качестве библиотекаря в доме князя П. Н. Трубецкого (в 1791 году он вновь поступил на ту же должность к вдове князя). Пользуясь библиотекой Трубецких, Кречетов усердно занимался самообразованием, подбирал материалы для своих трудов, делал выписки.

Какое пособие к учению, когда науки не суть таинства, для сведущих латинский язык токмо отверстые, но преподаются на языке народном! В царствование Екатерины II не раз поднимался вопрос об организации народных училищ. О необходимости их говорилось в ряде наказов депутатам Комиссии 1767 года, в «Учреждении о губерниях» 1775 года. Но даже в столице проект об устройстве народных школ был составлен только к 1781 году. Осо-

бым пунктом этого проекта предусматривалось обучение «читать печать гражданскую» с употреблением «книг, российское законодательство в себе содержащих» (прибавление к № 26 «Санктпетербургских ведомостей» от 30 марта 1781 года). Всего по России в 1782 году числилось 8 школ с 518 учащимися. Поэтому 7 сентября 1782 года был издан указ об учреждении народных училищ, а для его реализации образована «Комиссия о учреждении народных училищ», членом которой стал давний знакомый Радищева О. П. Козодавлев. В 1783 году для подготовки учителей народных училищ открылось петербургское Главное народное училище. 5 августа 1786 года был, наконец, утвержден составленный Комиссией «Устав народных училищ»; к 22 сентября этого года — дню коронации императрицы — было приурочено открытие главных (четырехклассных) училищ в 25 губернских городах; в 1788 году подобные училища появились в остальных 14 губерниях. Кроме того, в уездных городах, а также губернских открывались малые (двухклассные) народные училища. К 1789 году числилось 225 школ с 14 389 учащимися. Дела в этих училищах, однако, обстояли неважно. Не хватало учебных книг, квалифицированных учителей. Доходило до того, что губернаторы (на которых возлагалась ответственность за училища) обращались к архиереям с просьбами прислать недоучившихся семинаристов, знающих хотя бы грамматику, ибо на месте «другого состояния людей, способных» «для навыкновения методе учения народных школ», «отыскать невозможно». Явно недоставало средств, так как школы должны были «заводиться» на счет городских доходов и общественной благотворительности, а потому многие школы вынуждены были заниматься в неприспособленных зданиях и даже в частных домах, учителя получали мизерное жалованье. Кроме того, как показала ревизия, которую осуществил в 1788 году О. П. Козодавлев в 10 губерниях, «родители и свойственники учащихся не видят цели учения, в высших классах преподаваемого». В этих условиях состояние народного просвещения по большей части зависело от губернаторов. Весьма показателен в этом смысле пример Тамбовской губернии, во главе которой в 1786—1788 годах стоял великий поэт, губернатор-просветитель Г. Р. Державин. Благодаря его энергии всего лишь за три недели было образовано там-

бовское главное народное училище (распоряжение о его организации Державин получил 25 августа, а открытие состоялось 22 сентября), 1 января 1787 года открылись малые училища в уездных городах Козлове, Лебедяни, Елатьме, Шацке, Моршанске и других местах. После же отъезда Державина из Тамбова положение резко изменилось. Так, город Козлов просто отказался содержать училище, и попечитель козловского училища купец Баженов открыто заявлял, что все училища вообще вредны. А в первой половине 90-х годов большинство малых училищ Тамбовской губернии — в Лебедяни, Шацке, Липецке, Спасске, Темникове и т. д. — было закрыто. Немногим лучше обстояло дело со школами в Петербургской губернии. В самом Петербурге кроме главного народного училища существовало 13 малых училищ, столько же их было в уездных городах и селениях губернии. Из трех немецких училищ одно пришлось закрыть «по несогласию учителей на испытание их способностей» (Туманский, лл. 93—101). Преподавались в народных училищах главным образом азбука, арифметика и закон божий; никаких «книг, российское законодательство в себе содержащих» (что предусматривалось проектом 1781 года и на чем особенно настаивал Кречетов), в школах не изучали. Зная о плачевном состоянии образования, Кречетов с полным основанием утверждал, что в России среди людей «среднего рода» едва половина, а среди крестьян один из ста грамотны (не говоря уже о женщинах), а потому настаивал на необходимости всеобщего просвещения и подавал проекты организации новых школ. На вопрос, зачем он составляет эти проекты, когда «ныне по милости государыниной везде заведены училища», Кречетов отвечал: «Это только мажет по губам государыня из одного тщеславия» (см.: Н. Чулков, стр. 456, 466). О состоянии образования Радищеву было известно из разных источников. Он знал Кречетова, встречался с Козодавлевым, которому подарил экземпляр «Путешествия»; переписчик цензурной рукописи книги А. А. Царевский до перехода в таможню служил учителем Владимирского малого народного училища в Петербурге и был домашним учителем детей Радищева.

Но для чего ... не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавалися науки на языке общественном,

на языке российском? Высшее образование в России находилось в еще более жалком состоянии, чем начальное. Старейший русский университет при Академии наук в Петербурге с самого основания в 1725 году имел профессуру из иностранцев, первые восемь студентов его тоже были немцы. Регулярного преподавания здесь долгое время не велось из-за отсутствия достаточно подготовленных студентов. В 1747 году новым академическим уставом было учреждено 30 казенных стипендий, причем стипендиатов отбирали из духовных учебных заведений, как знающих латинский язык, на котором преподавали профессора-иностранцы. В 1758 году заведовать академическим университетом был назначен М. В. Ломоносов, который при этом заявил, что «при Академии наук не токмо настоящего университета не бывало, но еще ни образа ни подобия университетского не видно». Предлагая ряд мер для улучшения положения академического университета, Ломоносов горячо настаивал на необходимости вести преподавание на русском языке. Однако провести в жизнь свои планы Ломоносову не удалось, и этот университет пришел в полный упадок. Когда в 1783 году президентом Академии наук была назначена княгиня Е. Р. Дашкова, она обнаружила в академическом университете всего лишь двух студентов, причем ни один из них не знал иностранных языков. Немногим лучше обстояло дело в основанном по инициативе М. В. Ломоносова и И. И. Шувалова Московском университете. И здесь большинство профессоров были иностранцы, причем далеко не все должности были замещены: средств у университета не хватало. Некоторые курсы велись по-русски. На русском языке читал профессор красноречия Н. Н. Поповский (ученик Ломоносова); он настаивал на том, чтобы и философия преподавалась не на латинском, а на русском языке: «Нет такой мысли, кою бы по-российски изъяснить было невозможно!» После смерти Поповского с 1760 года кафедру красноречия занимал блестящий знаток русского языка и фольклора А. А. Барсов. Однако большинство лекций читалось на латинском и немецком языках. Для подготовки будущих студентов при университете была создана гимназия с двумя отделениями — для дворян и для разночинцев, но тем не менее университет оканчивали очень немногие: подавляющее большинство студентов уходило на военную и

гражданскую службу, не закончив студенческого курса (как, например, братья Денис и Павел Фонвизины), а некоторые не заканчивали и гимназического учения (Н. И. Новиков, Г. А. Потемкин и др.). По расчету университетского начальства, к 1770 году прошли полный курс обучения всего лишь 2 студента, а 300 студентов ушли из университета, не кончив учения. Знала о плохом состоянии университетов и Екатерина II, и поэтому она предпочитала посылать молодых людей для получения хорошего образования за границу. Так, например, для изучения юридических наук в 1766 году было отправлено в Лейпциг 12 человек (в том числе Радищев), для изучения богословия русских студентов послали в Оксфорд и т. д.

Гроций — Гуго де Гроот (латинизированная форма фамилии — Гроциус, 1583—1645) — голландский юрист и государственный деятель, основатель науки о международном праве, о всеобщем государственном праве и философии права.

Монтескью — Шарль-Луи де Монтескье (1689—1755) — французский философ-просветитель и юрист, основатель теории разделения властей, автор трактата «Дух законов», многие формулировки из которого (разумеется, в соответствующем истолковании) Екатерина II заимствовала для своего «Наказа».

Блекстон — Вильям Блэкстон (1723—1780) — английский юрист, автор сочинения «Истолкования английских законов», которое в переводе С. Е. Десницкого было напечатано в типографии Московского университета (тт. I—III, 1780—1782). Из сочинений Блэкстона, Гроция и Монтескье многое взял для своих юридических трудов Ф. В. Кречетов. Хорошо знал их труды и Радищев.

Уже есть повеление о учреждении новых университетов, где науки будут преподаваться по его желанию. 29 января 1786 года «Комиссии о учреждении народных училищ» было предписано составить «План университетов и гимназий, в разных местах империи заводимых», причем за основу Комиссия должна была принять соответствующую работу австрийского писателя и юриста Иосифа Зонненфельса, написанную по заказу Екатерины II. Русский «План университетов» составил О. П. Козодавлев. Планом предусматривалось постепенное открытие трех новых университетов — в Пскове, Чернигове и Пензе. При этом

Козодавлев отстаивал преподавание на русском языке (частично его аргументация совпадает с рассуждениями радищевского семинариста): «Некогда предоставлялось латинскому языку преимущество быть единственным орудием наук: все науки преподавались на оном. Что латинское слово лишилось ныне сего преимущества и что в нынешних училищах или университетах преподаваться будут науки языком народным, тому есть важнейшая причина, нежели одно поправление языка российского. Просвещение будет распространяться всегда тихими шагами, оно всегда будет оставаться между весьма малым числом учащихся и никогда не распространится между прочею частию народа или в целом государстве, пока науки будут преподаваться языком мертвым» (Барсков, 377). Составленный Козодавлевым «План» утвержден не был; новые университеты появились в России только в начале XIX века (Казанский, Харьковский, Петербургский и др.).

Кто мир нравственный уподобил колесу и т. д. В этом отрывке из «тетради семинариста» Радищев излагает мысли, отчасти сходные с учением французского мистика Сен-Мартена (1743—1803), на которого в значительной мере опирались русские масоны, особенно «мартинисты» — московские розенкрейцеры. Окружность, круг («колесо») для Сен-Мартена исполнен очень большого мистического значения: «Посредством окружности человек может обтечь всю вселенную»; «окружность содержит человека во узах и в заключении, а квадрат ему дан на то, чтобы освободиться ему от оных» (Барсков, стр. 378—379). Сен-Мартен связывал также духовный мир и вещественный («телесный»): «Человеку нужно только рассмотреть самого себя, чтобы узнать, как произошли вещи». Радищевский семинарист рассуждает о том же, но в обратном порядке: от «познания естества» люди, может быть, придут к открытию «причины всех перемен, превращений, превратностей мира нравственного или духовного». Таким образом, в рассуждениях семинариста есть что-то «на мартиниста похожее», но отнюдь не совпадающее с учением Сен-Мартена. Дело, по-видимому, объясняется тем, что Кречетов мартинистом не был, хотя и не чуждался рассуждений о «круге земном» и «кругообращении». Критикуя некоторые недостатки масонского учения, он пред-

лагал масонам присоединиться к его «Обществу». Поскольку Кречетов постоянно апеллировал к священному писанию, масонам же, он сам предлагал объединиться, Радищев и соединяет в образе семинариста черты, свойственные Кречетову, с чертами общемасонского характера. Следующие далее возражения Радищева — Путешественника относятся уже не столько к семинаристу — Кречетову, сколько к масонам вообще.

Коловращающихся — вращающихся вокруг, около. На этом слове кончаются записи семинариста; дальнейшие рассуждения до конца главы принадлежат Путешественнику.

Шведенборг — Эммануил Сведенборг (1688—1772), шведский ученый и государственный деятель, с 1745 года — мистик и визионер («духовидец»), которому будто бы являлись видения и разные «диковины» «в мире духов и в небе ангелов».

Нет, мой друг!.. и душенька моя набродится досыта. В этих словах Путешественника, обращенных к семинаристу, Радищев высмеивает масонов. Мистики-масоны вообще, и московские розенкрейцеры в том числе (к ним и принадлежали Кутузов и Новиков), утверждали, что человек состоит из трех отдельных субстанций — тела, души и духа. Эта идея пропагандировалась во многих изданиях московских розенкрейцеров и статьях, печатавшихся в масонских журналах. Так, в издававшемся Новиковым журнале «Вечерняя заря» помещено, в частности, «Философическое рассуждение о Троице в человеке, или опыт доказательства, почерпнутого из разума и Откровения, что человек состоит 1) из тела, 2) души, 3) духа». У животных, доказывает автор «Рассуждения», есть две части — тело и душа; но человек отличается от животных не степенью совершенства, как, допустим, обезьяна от лягушки: «Нет, телесный мир, или паче царство животных, человеком оканчивается, и в нем-то получает свое начало духовный мир, или царство духов». Человек состоит из трех частей, но есть и существа, стоящие выше его: «Ангел имеет только душу и дух; а бог, яко самое чистейшее существо, есть только един Дух». Отличие между духом и душой заключается в том, что «дух имеет разум, душа же, напротив, разум и чувство»; дух мыслит, а душа чувствует; душа оканчивается там, где начинается дух, но посред-

ством ее дух соединяется с телом; наконец, «душа телесна, смертна, а дух невещественен, бессмертен» (см. «Вечерняя заря», 1782, ч. I, стр. 279—284). Эту теорию и высмеивает Радищев, упоминая все три «части», субстанции, в комическом плане: «...нежели... потщуся отделить дух мой от тела и рыскать в полях бредоумствований... Когда умру... душенька моя набродится досыта». Кроме того, московские розенкрейцеры (как и масоны вообще) полагали, что масонство — «та самая премудрость, которая от начала мира у патриархов (т. е. персонажей Библии. — *Авт.*) и от них преданная в тайне священной хранилась в храмах халдейских, египетских, персидских, финикийских, иудейских, греческих и римских и во всех мистериях или посвящениях эллинских... и она же... у любомудрцев индейских, китайских, арабских, друидских и у прочих, науками славящихся народов пребывала» (Г. В. Вернадский, стр. 134). Поэтому масоны усматривали в египетских иероглифах (тогда еще не расшифрованных), арабских цифрах, древнееврейских, арабских и т. д. буквах некий сокровенный, мистический смысл и неутомимо истолковывали эти буквы, иероглифы, цифры (см. об этом также далее). Отсюда и радищевская насмешка над теми, кто зарывается «в еврейские или арабские буквы, в цыфири или египетские иероглифы». Наконец, масонство в целом третировало реальный мир как «мир брюховный», отрицательно относилось к чувственным наслаждениям и т. п., и Радищев наперекор масонам вызывающе заявляет: «...я пью и ем не для того только, чтоб быть живу, но для того, что в том нахожу немалое услаждение чувств» и т. д.

Оглянись назад, кажется еще время то за плечами близко и т. д. В этом абзаце Радищев развивает теорию циклического развития общественной мысли, смены идеологических форм, опираясь на материалистическую теорию всеобщего круговорота в природе (см. дальше). Теория циклизма сложилась еще в античности, но там она имела пессимистический оттенок, поскольку история человечества рассматривалась как движущаяся по замкнутому кругу. В новое время иной характер придал теории циклизма итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико, автор труда «Основания новой науки об общей природе наций» (1725). Согласно Вико, история человечества подчиняется таким же вечным законам, как и мир природы. Вслед за

эпохами восхождения к господству разума следуют эпохи упадка, возвращения к варварству; затем начинается новый цикл развития, но начинается он на более высоком уровне, чем предыдущий. Человек с его страстями и пороками является движущей силой этого в конечном счете прогрессивного развития. Труд самого Вико приобрел известность только в XIX веке, поскольку просветители XVIII века считали его реакционером. Однако сформулированные Вико законы истории в той или иной форме нашли отражение в трактате Ш.-Л. Монтескье «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян» (1734), в книге шотландского философа и историка Адама Фергюсона «Опыт истории гражданского общества» (1767), в труде немецкого философа-просветителя Иоганна Готфрида Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791), а затем в теориях Кондорсе, Гегеля и т. д. С концепцией Вико в оригинале Радищев вряд ли был знаком, но труды Монтескье, Гердера (а возможно, и Фергюсона) он знал очень хорошо. Теория циклического развития человечества неоднократно привлекала его внимание и в первой половине 80-х годов (ода «Вольность» — см. примеч. к главе «Тверь»), и в 90-х годах («Песнь историческая», «Осьмнадцатое столетие» и др.).

Вольтер кричал против суеверия до безголосицы. Франсуа-Мари Аруэ Вольтер (1694—1778) — великий французский писатель, историк, философ-просветитель. Множество его произведений от научных трактатов до поэм и стихов направлено против католической церкви («Раздавите гадину!» — решительно призывал он), религиозных предрассудков и суеверий в защиту веротерпимости и жертв католической церкви (Калас, Сирвен, Ла-барр). Позднее, в 1801—1802 годах в записке «О законоположении» Радищев вновь вернулся к этой характеристике Вольтера, несколько расширив ее: «...Вольтер проповедывал терпимость до безголосицы, бич гонения воздвиг на суеверие и пустосвятство преследующим оружием насмешки, и язык его, яко бритва изощренных, сокрушал сии бренные исступления...» (Соч., III, 147). См. также примеч. к главе «Тверь».

Фридрих неутолимый его был враг не токмо словом своим и деяниями, но, что для него страшнее, державным своим примером. Фридрих II (1712—1786) — король

Пруссии с 1740 года. Еще до восшествия на престол он вступил в переписку с Вольтером, занимался литературой, философией и историей. По вступлении на престол ввел в Пруссии веротерпимость, отменил пытку, декларировал свою приверженность идее «просвещенного абсолютизма». Фридрих II вернул философу Вольфу университетскую кафедру в Галле, которой тот был лишен в предыдущее правление; при дворе Фридриха жил и умер крупнейший философ-материалист Ж.-О. Ламетри, изгнанный из Франции; с 1750 года здесь находился и Вольтер (в 1753 году бежавший в Швейцарию в результате разлада с королем). Вместе с тем «философ на троне» проводил реакционную внутреннюю политику. См. также примеч. к главе «Торжок».

Но в мире сем все приходит на прежнюю степень, ибо все в разрушении свое имеет начало. Радищев, как отметил Я. Л. Барсков, «приводит и развивает в дальнейшем тексте одно из главных положений французского материализма XVIII века», входящее в «Систему природы» (1770) философа-просветителя П.-А. Гольбаха, который писал: «Природа образует вечный круговорот. Все существующее берет начало благодаря материи и движению. Одна часть вселенной разрушается или сохраняется за счет другой или при ее помощи. Но сумма существования остается всегда одной и той же. Процесс природы, ее вечный круговорот, состоит в том, что движение, присущее материи, дает начало всякому явлению, вызывает в нем изменения и наконец разрушает его» (Барсков, стр. 380; см. также: П. Н. Берков. Гражданин будущих времен. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1949, т. VIII, вып. 5, стр. 409—410). Связывая законы истории человечества с всеобщим законом природы, Радищев расходится с Руссо, который утверждал, что история человечества является сплошной цепью заблуждений и решительно противоречит законам природы.

Лутер начал преобразование. Преобразование — Реформация, социально-политическое и идеологическое движение, охватившее в XVI веке большинство стран Европы. Будучи, по существу, антифеодальным вообще, оно приняло форму борьбы против католической церкви («власти папской»). Сигналом к началу широкого социального движения послужило выступление в 1517 году Мартина Лю-

тера (1483—1546) с «тезисами», направленными против догматов католицизма.

Изъялся из-под власти его — т. е. папы. Лютер отказался явиться на церковный суд в Рим, а получив папскую грамоту об отлучении его от церкви, в 1520 году публично сжег эту грамоту.

Много имел последователей. На основе учения Лютера возникло новое течение христианской религии — лютеранство, затем еще более решительно порвавший с католической церковью кальвинизм (реформатство), пуританство и др. Все эти течения, будучи самостоятельными церквями, имеют ряд общих черт и объединяются в одно направление — протестантизм. Радищев, разумеется, высоко оценивал Лютера не как основоположника «разных исповеданий» («Торжок»), а как поборника свободы совести, борца против схоластики и оков католической церкви. Эта сторона деятельности Лютера, по мнению Радищева, способствовала подъему просвещения и расцвету науки. Подобная оценка Лютера была раньше четко сформулирована Радищевым в оде «Вольность».

Вольность мыслей вдалася необузданности. Не было ничего святого, на все посягали. В середине и второй половине XVIII века широкое распространение получили атеистические произведения Ламетри, Дидро, Гольбаха, Гельвеция и др. Особенно большой резонанс вызывали антиклерикальные сочинения Вольтера, который, борясь с католической церковью, не пощадил и национальную героиню Франции Жанну д'Арк. Вместе с тем поверхностное «вольномыслие», соединявшееся с цинизмом и развращенностью, сделалось своего рода «модой» в высших кругах России и Европы (об этом и говорит Радищев). Характерный памятник такого «вольномыслия» — переписка Екатерины II с Вольтером, продолжавшаяся полтора десятилетия (1763—1778). В своих письмах к великому писателю Екатерина позволяла себе высказывать весьма вольные мысли о религии. Поэтому опубликование этой переписки в 1784 году вызвало некоторый переполох в среде русских церковников. Кто-то из них (возможно, московский митрополит Платон) даже обратился к императрице за разъяснениями, за что и получил выговор.

Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени. Резкий поворот к идеализму, фидеизму и мистициз-

му обозначился в России во второй половине 70-х годов, после подавления Пугачевского восстания. Особенно явственно наблюдается этот процесс в журналах, издававшихся Н. И. Новиковым с 1777 года, и в книжной продукции московских мартинистов. Уже в предисловии к журналу «Утренний свет» расхваливается учение «древних египетских и греческих мудрецов» (1777, ч. 1, стр. XIII), а во многих статьях весьма активно пропагандируется идеализм и вера (например, «Федон, или Разговоры о бессмертии души», «Феагес, или Разговор о мудрости» и др.), и сопровождается это яростными нападками на атеистов и деистов, материалистов-просветителей. Одним из первых начал борьбу с просветительской философией А. М. Кутузов, опубликовавший в нескольких номерах «Утреннего света» свой перевод «Путешествия добродетели». В этом произведении обосновывается идея о необходимости веры для писателя и философа, а Спиноза, Ламетри, Бейль, Вольтер, Руссо, Гельвеций и другие именуются «целым скопищем подлецов, излиявших яд свой на тысящу невинных душ», «извергами природы», говорится, что «еще никогда, исключая времен наших, не выходило из адския пропасти чудовищ толико опасных, как те, которых мы между нами терпим», — и вновь на головы философов-просветителей обрушиваются десятки проклятий (см.: «Утренний свет», 1778, ч. III, стр. 200—204 и др.). Антипросветительскую линию «Утреннего света» развил следующий новиковский журнал — «Московское ежемесячное издание», уже в предисловии к которому подчеркивалось, что журнал будет особенно бороться с распространением «модной» (т. е. просветительской) философии, и всячески пропагандировалась «древняя египетская мудрость», которая противопоставлялась современной науке и «модной философии»: «Ныне вообще о глубокой древности думают так, как о грубом невежестве и суеверии», однако «мы не только их (древних людей. — *Авт.*) не превосходим, но едва ли и сравниться можем». Только у древних было «высокое знание» «о природе и самом боге», будто бы скрытое в иероглифах (см.: «Московское ежемесячное издание», 1781, ч. 1, стр. XIX—XXV и др.). Еще более усиливается мистический характер рассуждений в журнале «Вечерняя заря», продолжающем два предыдущих. Многие статьи этого издания непосредственно посвящены «египетской

мудрости», например: «Из таинственныя египетския богословии нечто о боге» (январский номер за 1782 год), «Египетское учение, что душа, будучи погружена в чувственном, не старается о мысленном; когда же возвысится к мысленному — презирает чувственное» (апрель), «Египетское учение о смерти и воскресении духовном» (июль) и многие другие. Кроме статей такого рода в «Вечерней заре» (как и предыдущих журналах) очень много прозаических и даже стихотворных сочинений, посвященных пропаганде священного писания, веры и начал масонского мистицизма, например: «Рассуждение о соединении души с телом», «О Евангелии» (стихи), «Слово о вольнодумцах и неверующих» и пр. Начиная с 1784 года в периодических изданиях, выпускавшихся Новиковым, борьба с просветительством и пропаганда мистицизма ведется более сдержанно, но на страницах издававшихся им книг она сохраняет весьма резкие формы. Одна из первых книг, специально направленная против «новой философии», — «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил» (М., 1780; второе издание — М., 1787). Автор этой книги И. В. Лопухин — видный масон. Именуя философов-энциклопедистов «дерзкими врагами человечества», Лопухин обращается к ним с такого рода обвинениями: «Коликая лютость потребна к тому, чтоб все свои труды посвящать развращению людей и все силы разума истощать на снискание удобнейшего способа влить яд... О, бесчеловечные писатели! В какое несчастие повергся бы человеческий род, если б удовлетворилось ваше пагубное желание и если бы могли подействовать змеиным жалом начертанные книги ваши!» («Рассуждение...», 1787, стр. 5—8). Выпуская в 1785 году свой перевод «Плач Эдуарда Юнга», Кутузов снабдил его более чем пятьюстами примечаниями, значительная часть которых направлена против атеистов и деистов — последователей «модных сочинений господина Вольтера, Гельвеция, Мирабо и сему подобных». Масоны тем яростнее боролись с просветительством, что они усматривали в «вольнодумстве» расшатывание монархической власти, безоговорочного повиновения которой требовали мартинисты. «Нет ничего священнее государя, нет ничего мерзостнее бунтовщика» («Аристид, или Истинный патриот». М., 1785, стр. 29—30). Поэтому

в конце 80-х годов и особенно после начала Французской революции обвинения против философов-просветителей приобретают все более отчетливый политический характер. В 1789 году И. В. Лопухин написал книгу «Некоторые черты о внутренней церкви, о едином пути истины и о различных путях заблуждения и гибели» (напечатана в 1798 году). «Действительнейшие орудия» Антихриста, утверждает Лопухин, — это «модные философы, которые тщатся доказывать, что душа смертна, что самолюбие должно быть основанием всех действий человеческих; что христианство фанатизм; и сие утверждают они для невежд примерами фанатиков, называвшихся христианами, или примерами злоупотребления видов христианства... Сии-то вредные пустословы прелестными для плоти писаниями своими много содействовали к порождению буйного стремления к мнимому равенству и своеволию в противность порядка небесного и земного благоустройства и в противность божественному велению царя чтить и повиноваться властям предержащим... Сей дух кружения воцарился в погибающей Франции» (Масонские труды Лопухина. Материалы по истории русского масонства XVIII века. Вып. I. М., 1913, стр. 16—17). Сходные мысли развиваются в книге И. П. Тургенева «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным?», напечатанной на французском языке в Москве в 1790 году (русский перевод — М., 1796). О том же писали мартинисты и в частной переписке. «Я думаю, — писал Лопухин Кутузову 14 октября 1790 года, — что сочинения Вольтеров, Дидеротов, Гельвециев и всех антихристианских вольнодумцев много способствовали нынешнему юродствованию во Франции. Да и возможно ли, чтобы те, которые не чтут самого царя царей, могли любить царей земных и охотно им повиноваться? Чувства сии любви и повиновения необходимо нужны для благосостояния существенного... Зови меня, кто хочет, фанатиком, мартинистом, распромасоном, как угодно, я уверен, что то государство счастливее, в котором больше прямых христиан. Они токмо могут быть хорошими подданными и гражданами» (Барсков. Переписка, стр. 16—17). Кутузов же, получив известие об аресте Радищева, отвечал Лопухину: «Ты справедливо судишь о моих правилах; я ненавижу возмутительных граждан, — они суть враги отечества и, следо-

вательно, мои» (Барсков. Переписка, стр. 22). Невзирая на подобные заявления мартинистов, русское правительство заподозрило в них противников существующего строя и начиная с 1785 года развернуло активную борьбу против них (подробнее см. в примечаниях к главе «Торжок»). Направленные против масонов главы «Путешествия» — посвящение «А. М. К.» и «Подберезье» — создавались во второй половине 1789 года, когда правительство наносило московским мартинистам удар за ударом, но тем не менее Радищев счел нужным со своей стороны выступить против мартинизма (и одновременно против правительства, преследующего масонов, — см. примеч. к главе «Торжок»). Однако Радищев обрушился на мартинистов с позиций, прямо противоположных правительственным: он высмеял мартинистов не как противников власти, а как реакционеров, убежденных защитников старого, поборников средневекового мракобесия и суеверия. По-видимому, изменение первоначального замысла «Путешествия» было связано с тем, что мартинисты в конце 80-х годов превратили философскую полемику в политическую борьбу с «вольнодумством». Поэтому Радищев снял первую редакцию начала главы «Завидово» (см. примеч. к ней), содержавшую безобидную насмешку над масонами, и создал в «Подберезье» убийственный памфлет на мартинизм, одновременно подчеркнув в посвящении «А. М. К.» принципиальную разницу своей позиции и масонского мировоззрения.

Не дошли еще до последнего края беспрепятственного вольномыслия, но многие уже начинают обращаться к суеверию. Помимо распространения мистических элементов в масонстве, в конце 70-х и особенно в 80-е годы значительно активизировалась православная церковь, на которую опиралась в борьбе с московскими мартинистами Екатерина II (см. примеч. к главе «Торжок»). Кроме того, Россия была единственной страной, где официально было разрешено существование иезуитского ордена — настолько реакционной и неразборчивой в средствах организации католической церкви, что сам папа римский был вынужден издать в 1773 году указ о его уничтожении. Поначалу организации иезуитов были только в тех белорусских губерниях, которые присоединились к России после первого раздела Польши (1772), но, поскольку иезу-

иты изъявили готовность служить политике русского правительства, Екатерина позволила им расширить сферу влияния и на другие белорусские и прибалтийские губернии; проникли иезуиты и в Петербург. Наконец, после начала Французской революции, в сентябре 1789 года императрица специальным рескриптом запретила издавать сочинения Вольтера без предварительной цензуры Синода и тем самым начала открытый поход против распространения просветительских и революционных идей в России.

Разверни новейшие таинственные творения и т. д. Здесь и далее Радищев говорит о мартинистах.

Если потомкам нашим предлежит заблуждение... блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель. Идея о развитии общественной мысли от «заблуждения» к «истине» (и соответственно задача, которую ставит Радищев перед писателем и которую, по существу, вкратце сам решает в «Путешествии», — показать «шествие разума человеческого» от «мглы» предрассудков к познанию истины и снова к «туманам» суеверия) имеет просветительскую и принципиально антимасонскую направленность, поскольку масоны утверждали, что истина была открыта первым людям, а в дальнейшем развитии человечество отходило от истины, от этого божественного откровения, все дальше и дальше.

Но пары, в грязи омерзения почившие, уже воздымаются и предопределяются объяти зрения круг. Отчасти опасения Радищева оправдались: реакционные философско-политические и социальные идеи масонов в какой-то мере были реализованы Павлом и Александром I. «Во всем «Павловском государстве» (которое, конечно, продолжало жить и при Александре под налетом первоначального либерализма) определенно сказались намеченные в русском масонстве XVIII в. принципы духовно-политической жизни. Идейные корни таких явлений в жизни этого государства, как зачатки крестьянской реформы (указ о трехдневной барщине)... военные поселения, власть Святого Царя (Мальтийский Орден), или Священный Союз, — кроются именно в тех кругах русского общества XVIII века, которые в свое время объединялись масонством» (Г. В. Вернадский, стр. 242—243).

Блаженны, если не узрим нового Магомета и т. д. Магомет — Мухаммед (570/580—632) — «посланник

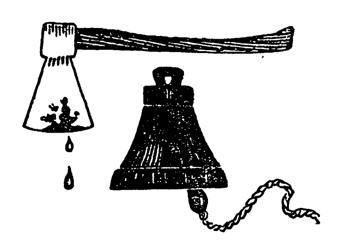
аллаха» (мусульманского бога) и величайший «пророк», основатель новой религии — ислама (мусульманства). Радищев говорит о том, что процесс брожения («ферментация») в нравственной и духовной жизни может в будущем вызвать наступление новой религиозной волны, появление пророка новой религии. В какой-то мере этим опасениям Радищева было суждено сбыться еще при его жизни: осуществляя заветную идею масонов о «Святом Царе» — монархе, объединяющем в одном лице власть божию и власть земную, Павел I принял титул гроссмейстера Мальтийского ордена. Его целью при этом была прежде всего борьба с «гидрой революции» во Франции. Позднее, после крушения империи Наполеона, в 1815 году русский император Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих-Вильгельм III образовали Священный союз (к которому затем присоединилось большинство европейских монархов) — организацию, целью которой была борьба с революционным и национально-освободительным движением в Европе. В основе Священного союза лежали религиозно-мистические идеи, опять-таки восходящие к масонским теориям. При Александре мистицизм усиленно насаждался правительством и внутри самой России.

Вещал Акиба... Смотри Белев словарь, статью Акиба. Бен Иосиф Акиба (Акива) — один из крупнейших еврейских раввинов и духовных учителей I—II вв., автор обстоятельных схоластических комментариев к иудейскому религиозному преданию, в которых бен Акиба подвергал истолкованию не только каждое слово еврейского «закона», но даже особое начертание каждой буквы. Данное место «Путешествия» Радищева — цитата из антиклерикального «Исторического и критического словаря» (1695—1697) французского мыслителя Пьера Бейля (1647—1706). Приводимая Радищевым цитата в «Словаре» Бейля находится в следующем контексте: «Иудейская нация до того была предана духу пустых и химерических обрядовых правил, что ее великие учители-книжники распространили ритуал до самых непроизвольных действий, как, например, пойти за нуждой в уборную. Горе тому, кто не умеет хорошо узнавать страны света, так как четыре главных точки горизонта не равно благоприятны. Я могу лишь по-латыни передать обломок их странных и смешных суе-

верий (далее у Бейля следует кусок текста на латинском языке, переведенный Радищевым почти точно). Вот удивительный ученый, который даже на судне, без дальних слов, разъяснял тайный смысл закона» (см.: Барсков, 383—384). Используя цитату из Бейля, Радищев насмехается не над Акибой, а над масонами. Именно масонство тщательным образом разработало систему символов и обрядов и требовало строгого соблюдения обрядности и символики. Так, например, существовал весьма сложный обряд приема в масонскую ложу. Вступающего в масонство («ищущего») с завязанными глазами вводили в темное помещение; когда с него снимали повязку, он при слабом свете, исходившем из-под человеческого черепа, который стоял на черном столе, мог различить раскрытую библию, погашенный светильник, доску с надписью «Познай себя: обрящеши блаженство, внутри тебя сущее», обнаженную шпагу. Чрезвычайно сложными символическими действиями сопровождался и самый обряд принятия в масонские «ученики», а затем посвящения в степени «товарища», «мастера» и т. д.; сложной обрядностью были обставлены заседания масонских лож. Во всех случаях масоны весьма большое внимание уделяли в своих обрядах расположению сторон света. Так, например, церемония открытия ложи при принятии нового «брата» начиналась диалогом «великого мастера» с «братьями-надзирателями»: «Где место великого мастера?» — «На востоке». — «Почему так?» — «Потому что солнце начинает течение свое с востока, так и высокопочтенный мастер должен быть на востоке, дабы освещать ложу, управлять ею и распределять работу братьям — свободным каменщикам». — «Где место братьев-надзирателей?» — «На западе, чтобы повиноваться достопочтенному мастеру». При посвящении «товарища» в степень «мастера» внутри обитой черным сукном ложи ставился черный гроб, «в головах гроба к западу — циркуль, а в ногах — прямоугольник»; «в севере и юге повешены черные картины, представляющие мертвые головы, лежащие на крестообразно сложенных костях, и под ними написано: memento mori, или помни смерть» (см.: П. П. Пекарский. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869, стр. 46—47). Эту сложную масонскую обрядность с обязательным учетом при совершении церемоний расположения сторон

света и высмеивает Радищев цитатой из «Словаря» Бейля. Поэтому на обвинение в «мартинизме» во время следствия Радищев с полным основанием ответил, что «мартинистом он не токмо никогда не был, но и мнение их охуждает», и в доказательство сослался на «Подберезье» и «Торжок» (Процесс, стр. 174). См. также описание масонских обрядов в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.

Новгород

Новгород — губернский город с почтовой станцией, расположенной в 22 верстах от Подберезья. Эта глава содержит радищевскую историческую концепцию борьбы самодержавного и демократического начал в древней Руси, и потому Радищев работал над ней очень много. В начальной редакции «Путешествия» глава имела сугубо публицистический характер, объем ее был в три раза меньше, чем в печатной редакции. Первые три абзаца главы и начало четвертого в начальной редакции в целом имели тот же вид, что и в последующих; дальше текст был иным: «Мне зрится он с долбнею на мосту стоящ, так сказывают, приносяй на жертву ярости своей старейших и начальников Новгородских. Были и есть люди, которые его гнев почитали и почитают справедливым. Новгородцы в их мнении были бунтовщики. Но какое оному доказательство? То ли, что первые великие князья жили в Новгороде? Нет, они были россияне, а царь Иван Васильевич писался царем всея России или Руси. — Сей государь столь однако же успел в своем предприятии, что ниже в новгородцах не осталося малейшей искры духа свободы, за которую они с толиким сражалися жаром. С вечевым колоколом рушилося в них даже и зыбление, так сказать, вольности, нередко по усмирении бури остающееся. И действительно, не видно, чтобы после того новогородцы делали какое покушение на возвращение своея свободы». На этом текст

«Новгорода» в начальной редакции кончался, дальше шла глава «Бронницы». По следам первоначальной пагинации можно судить, что объем этих двух глав в цензурной рукописи приблизительно соответствовал тому, что было в начальной редакции. Однако уже на первом этапе переработки цензурной редакции книги в сводную Радищев расширил текст «Новгорода» более чем в три раза. Наконец, при работе с наборной рукописью Радищев вычеркнул оставшиеся еще фразы о новгородцах, поскольку заключенные в них мысли нашли более сильное воплощение в новых кусках «Новгорода». В результате переработки мысль Радищева о гнетущей роли самодержавия получила более яркое и, главное, художественное (а не прямолинейно-публицистическое) воплощение. Вместе с тем новый текст «Подберезья» и «Новгорода» значительно прояснил композицию книги. Подобно тому как первые главы «Путешествия» рисуют страшную картину беззакония и произвола на всех уровнях общественной и социальной жизни, так главы от «Подберезья» до «Городни» объединены сквозной темой поисков выхода, средств изменения существующего положения. Радищев поочередно рассматривает то или иное явление, на которое возлагали надежды определенные круги или отдельные деятели России и Европы. Так в «Подберезье», полемизируя с Ф. В. Кречетовым, масонами и деятелями типа О. П. Козодавлева, Радищев показывает необоснованность надежд на распространение просвещения как на средство улучшения жизни, резко критикуя и официальную систему образования, и пропагандировавшееся масонами духовно-религиозное просвещение. В последующих главах Радищев разбирает различные аспекты добродетели личной (конец «Зайцова», «Яжелбицы», «Валдаи», «Едрово») и общественной (добродетельный чиновник в «Зайцове», дурной помещик в «Вышнем Волочке» и добродетельный помещик, старый барин, в «Городне»), путь воспитания («Крестьцы»), упование на вмешательство бога («Бронницы»), реформы сверху («Хотилов», «Выдропуск»), проблему свободы слова («Торжок») и в конечном счете подводит к мысли о народной революции как наиболее реальном способе изменения существующего строя («Медное», «Тверь»). В главе «Новгород» Радищев под этим углом зрения рассматривает проблему торговли и «третьего сословия», с развитием которых связывали свои надежды как русские деятели (Ф. А. Эмин, М. Д. Чулков,

некоторые депутаты Комиссии 1767 года, отчасти Д. И. Фонвизин и Н. И. Новиков и т. д.), так и европейские мыслители. Что касается российского «третьего сословия» — купечества, по мысли Радищева, то на карпов дементьичей всерьез никаких надежд возлагать нельзя. Торговля же вообще, когда-то при «народном правлении» бывшая «причиною возвышения» Новгорода, в настоящее время, в самодержавной России — лишь благоприятная почва для личного обогащения всякого рода жуликов.

Солон — государственный деятель и законодатель VI в. до н. э., реформатор государственного устройства и права древних Афин.

Ликург — легендарный спартанский законодатель IX—VIII вв. до н. э.

А на месте их пребывания пасутся рабы жезлом самовластия. В XV—XIX веках Греция, в том числе Афины и Лакония (Спарта), находилась под игом Турецкой империи.

Троя (Илион) — главный город небольшого царства на северо-западе Малой Азии. В 1230—1183 годах до н. э. Троянское царство было завоевано объединенным войском древних греков — ахейцев, сама Троя разрушена.

Карфага — Карфаген, столица могущественной державы в Северной Африке, соперничавшей с древним Римом. В результате трех Пунических войн Рим вышел победителем, а Карфаген был стерт с лица земли.

Славные храмы древнего Египта, который в XVIII веке являлся провинцией Турецкой империи, представляли собой запущенные развалины.

В таковых размышлениях подъезжал я к Новугороду и т. д. В XVIII в. древняя русская история служила объектом самого пристального внимания. Задача создания труда по отечественной истории была поставлена уже в Петровскую эпоху. С 20-х годов занимался историческими изысканиями крупнейший историк первой половины столетия В. Н. Татищев; в результате тридцатилетней работы он довел свой труд до царствования Ивана Грозного, но его «История российская с самых древнейших времен» начала печататься лишь через 18, а закончена через 100 лет после смерти автора (кн. 1—4. М., 1768—1784; кн. 5—1848). После смерти Татищева за создание обобщающего труда по русской истории взялся М. В. Ломоносов, работа которого явилась новым шагом в развитии ис-

торической науки. В 1761 году в продажу поступил написанный им популярный очерк истории России — «Краткий российский летописец с родословием» (Спб., 1760), а через год после смерти Ломоносова вышла из печати «Древняя российская история» (Спб., 1766), в которой повествование доведено до 1054 года. В июльском — октябрьском номерах журнала «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1761 года» была опубликована работа академика Г. Ф. Миллера «Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших оного города случаях». В 1767 году Академия наук издала «Повесть временных лет» — старейшую из русских летописей под названием «Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года». В 1767—1769 годах появились три тома «Российской истории» Ф. А. Эмина, охватывающие историю России до 1213 года. С 1770 года начали один за другим выходить тома обширной «Истории российской от древнейших времен» М. М. Щербатова (2-я и 3-я части 7-го тома вышли в свет после смерти историка, в 1791 году). С того же 1770 года правительственные круги берут древнюю историю на вооружение в борьбе с прогрессивной литературой. Произошло это следующим образом. В 1769 году официозный журнал «Всякая всячина» (в котором анонимно сотрудничала сама Екатерина II, о чем современники не знали) вел ожесточенную полемику с сатирическими журналами «Трутень» Н. И. Новикова, «Адская почта» Ф. А. Эмина, «Смесь». «Всякая всячина» настаивала на том, что задачей сатиры является осмеяние общечеловеческих, вневременных «слабостей»; сатирические журналы требовали изображения конкретных социальных пороков современной русской действительности (см. подробнее: Л. И. Кулакова. Очерки, стр. 93—137). Потерпев поражение в битве с сатириками в вопросе о задачах и методах сатиры в изображении современности, Екатерина и перевела спор на историческую почву, объявив главной задачей литературы изображение «древних российских добродетелей». Свою концепцию русской истории Екатерина впервые изложила на французском языке в сочинении «Антидот» (1770), а затем эти идеи были подхвачены в журнале «Барышек Всякия всячины» (1770, стр. 468; «барышек» значит «остаток», т. е. «продолжение»): «Кто может российские добродетели как народные,

так и частные хотя только знатнейшие исчислити? Древние повести, крыющиеся теперь во книгохранилищах, когда будут тиснением во свет изданы, покажут нам довольное число оных... О! прехвальные добродетели предков наших, к вам я теперь речь свою простираю, явите себя миру; заткните уста поношающих вас и не ведущих (т. е. ведающих. — *Авт.*) вас; прославьте потомков ваших и себя извне, внутри же подайте пример домашний, сильнейший к подражанию, нежели все иностранные». Фальсифицируя историю, Екатерина II в числе главных «российских добродетелей», будто бы составлявших основу национального характера русского народа с древнейших времен до современности, называла «любовь и верность к государю и обществу», «образцовое послушание» и т. п. Иначе говоря, Екатерина в литературе противопоставила критическому отношению к настоящему идеализацию прошлого (см. подробней: Л. И. Кулакова. Очерки, стр. 138—152). В соответствии с этим императрица и сама занялась историей, обрабатывая ее под определенным углом зрения. Результатом этих занятий явился объемистый труд «Записки касательно российской истории», первые части которого печатались в 1783—1784 годах в журнале «Собеседник любителей российского слова». Спустя три года «Записки касательно российской истории» вышли отдельным изданием (Спб., чч. I—IV, 1787; ч. V—1793; ч. VI — 1794). Сама Екатерина в 1790 году очень четко сформулировала главную задачу, которой должны соответствовать исторические изыскания: «История или Записки российской истории... не могут иметь другого вида и цели, кроме прославления государства, и дабы служить потомству предметом соревнования и зерцалом. Всякое другое, менее блистательное направление, было бы вредно». Процитировав эти слова, Г. В. Плеханов верно заметил, что для Екатерины понятие «прославление государства» в применении к настоящему совпадало с «прославлением государыни» (Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. М., 1919, т. III, стр. 274). В применении же к прошлому «прославление государства» оборачивалось, по справедливой оценке Н. А. Добролюбова, стремлением «показывать во всем, в чем только можно, что всякое добро нисходит от престола», умением «набросить на все темные явления русской жизни и истории какой-то светлый, даже отрадный колорит», желанием обойти «не-

праведные деяния князей» или, по крайней мере, «придать им вид законности не только по понятиям того времени, но и пред судом новых воззрений» (Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. I, 1934, стр. 43—45). Радищев специальных исторических трудов не оставил, но великолепно знал русскую историографию (равно как и европейскую — см. примеч. к главам «София», «Подберезье», «Тверь» и др.). Он обстоятельно изучал исторические работы и русские летописи, отмечал в книгах заинтересовавшие его места, писал заметки на полях (так, например, в библиотеке Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР хранится экземпляр «Летописи Несторовой с продолжателями» с пометками Радищева), делал выписки на отдельных листах, сопровождая их в ряде случаев своим комментарием или истолкованием. До нашего времени дошло несколько подобных листов с радищевскими выписками из «Летописи Несторовой», трудов Татищева, Миллера и других источников (см.: Соч., III, стр. 32—40). Таким образом, размышления Радищева о судьбах России в будущем, его идея народовластия, «соборной» власти опирались на изучение прошлого.

Известно, по летописям, что Новгород имел народное правление и т. д. Исходным пунктом и важнейшим звеном исторической концепции Екатерины было утверждение, что исконной формой русской государственности являлась княжеская власть, то есть самодержавие. Эта концепция пропагандировалась Екатериной и в беллетристике. В 1786 году она сочинила пьесу «Историческое представление из жизни Рюрика», где, в частности, писала о двоюродном брате Рюрика, славянском князе Вадиме, который поднял из зависти бунт против Рюрика. Законный и добродетельный монарх побеждает и великодушно прощает бунтовщика. Так Екатерина интерпретировала глухое летописное упоминание о восстании новгородцев против захватчиков-варягов, при подавлении которого погибли Вадим Храбрый и многие его сторонники. Против исторической концепции Екатерины одновременно выступили Княжнин и Радищев. В 1788 или начале 1789 года Я. Б. Княжнин закончил трагедию «Вадим Новгородский». Исконной формой русского государственного правления была республика, утверждал Княжнин, ведущие же черты национального характера — свободолюбие и ненависть к тирании. Тирания для героев Княжнина — это всякая форма

единодержавной, монархической власти. Личные качества монарха ничего не решают, — проводил Княжнин ту же мысль, что и Радищев в «Спасской Полести», — сама неограниченность единодержавной власти неизбежно развратит даже лучших из носителей княжеского венца. Хотя первый новгородский князь Рурик — «хороший» монарх, «герой», — говорят герои Княжнина, — хотя

Великодушен днесь он, кроток, справедлив,
Но, укрепя свой трон, без страха горделив,
Коль чтит законы днесь, во всем равняясь с нами,
Законы после все и нас попрет ногами!..
Что в том, что Рурик сей героем быть родился, —
Какой герой в венце с пути не совратился?
Величья своего отравой упоен, —
Кто не был из царей в порфире развращен?
Самодержавие, повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель
И, невозбранные пути открыв страстям,
Дает свободу быть тиранами царям.

(Действие II, явление 4.)

В борьбе за свободу отчизны лучшие люди Новгорода гибнут, но гибнут несломленными, не поколебленными в своих республиканских убеждениях. Радищев, подобно Княжнину, идеализирует новгородскую «вольность» и «народное правление» (вече), полемизируя с трудами Екатерины, но он обращается к более позднему периоду — истории Новгородской феодальной республики XII — XV веков. Весьма показательно в этом смысле сопоставление оценок Екатерины с осмыслением тех же фактов в исторических выписках Радищева. Так, например, говоря о крещении Новгорода (для этого туда отправились дядя князя Владимира — Добрыня и военачальник Путята с войсками), Екатерина подчеркивает проявления покорности представителям княжеской власти со стороны новгородцев: «Воробей же посадник, сын Стоянов, который был воспитан еще при Владимире и весьма красноречив бе, пошел на торжищи (площади) и увещавал новгородцев креститься, и многие крестились, и для различия крещеных со некрещеными велели воеводы крещеным наложить кресты на шею» (Соч. Екатерины, т. VIII, стр. 83). Выписав из «Истории» Татищева тот же самый факт, Радищев делает вывод совершенно иного характера: «Воробей посадник... бе вельми сладкоречив... иде на торжище и паче всех увеща. (Из сего видно, что красноречие тогда было

почитаемо и народные собрания во употреблении)» (Соч., III, 34. — *Подчеркнуто Радищевым*). Екатерина, рассказывая о перемирии новгородцев с великим князем Владимирским в 1270 году, излагает конец событий так: «Новгородцы же, получив сию грамоту, послали к великому князю Ярославу Ярославичу и умирились и крестным целованием утвердили грамоту при послех татарских... и приняли князя великого Ярослава Ярославича в Новеграде с честию великою...» (Соч. Екатерины, т. X, стр. 309). Радищев те же события оценивает прямо противоположным образом: «С Ярославом Ярославичем... они сделали по войне письменное примирение, из коего видно, сколь мало они великого князя почитали» (Соч., III, 36). Анализируя летописи и исторические труды, Радищев с особым вниманием относился к тем фактам, которые свидетельствовали о «народном правлении» в Древней Руси, о том, что вече существовало не только в Новгороде, но и в Киеве, Смоленске, Полоцке, Пскове, Владимире (см.: Соч., III, 34—36, 39).

Хотя у них были князья, но мало имели власти. В начальной редакции Радищев писал: «Хотя были у них иногда князья, но их можно было почитать только полководцами, мало власти имеющими». Новгородское вече приглашало князя (обычно это были великие князья Владимирские), заключая с ним договор («ряд»). Этот договор, защищавший интересы бояр, ограничивал права князя на суд, на получение доходов, на ведение внешних сношений и т. п., в результате чего за князем оставалась преимущественно функция военачальника.

Вся сила правления заключалася в посадниках и тысяцких. Посадник — сначала наместник князя; затем — название высшей государственной должности в Новгороде. Тысяцкий — помощник посадника по военным и судебным вопросам, начальник ополчения. Посадники и тысяцкие выбирались на вече из членов наиболее знатных и богатых боярских фамилий.

Народ в собрании своем на вече был истинный государь. «Вече, или народное собрание, на кое созывали особливым колоколом, называемым вечным, и на оных сборищах основалась наипаче вольность народа», — отметил Радищев в выписках из работы Миллера (Соч., III, 36), а при чтении II тома «Истории» Татищева записал: «И в Киеве были народные собрания, называемые вече, кои

созывал тысяцкий. В речи от присланных от великого князя в Киев упоминается, что киевляне отреклися ему идти на племя Володимерово» (Соч., III, 39). Усматривая в вечевых собраниях прообраз народного самоуправления, Радищев, как и Княжнин, идеализировал новгородскую «вольность» и вечевое правление. Для них сам факт существования веча был свидетельством того, что славянским народам в древности было свойственно демократическое, республиканское правление, а не монархическая власть. Именно от Радищева и Княжнина идеализация вольности Новгорода перешла к декабристам, которые использовали структуру новгородского государства в своих конституционных проектах и воспели «последний оплот русской вольности» в многочисленных стихах и поэмах. Ни Радищев и Княжнин, ни позднее декабристы не могли еще видеть, что на самом деле фактическая власть в Новгороде принадлежала боярам и крупнейшему купечеству (Совету господ), что новгородское вече было демократией лишь с внешней стороны, а «по существу все важнейшие вопросы решали деньги» (М. И. Калинин. Статьи и речи. 1936—1937. М., 1938, стр. 166).

Сие вольное государство стояло в Ганзейском союзе. Немецкая Ганза (что означает товарищество, союз) — торговый союз северо-немецких городов (Гамбург, Висмар, Росток и др., всего до 100 или 160 городов) во главе с Любеком, образованный для монопольного посредничества между различными производящими районами Европы. Ганзейская контора в Новгороде была ликвидирована Иваном III.

Старинная речь: кто может стать против бога и великого Новагорода — служить может доказательством его могущества. Гордый клич вольных новгородцев зафиксирован в сочинениях средневековых историков-иностранцев Альберта Кранца, Пауля Одерборна и др.

Внутренние несогласия и хищный сосед совершили его падение. Развитие феодальных отношений в Новгороде вело к усилению антифеодальной классовой борьбы. В XII—XV веках в Новгороде произошло до 80 крупных выступлений. На этой почве возникали и ереси — движения, направленные против официальной церкви. Во второй половине XV века, когда обособленное существование Новгородской республики стало тормозом на пути ликви-

дации феодальной раздробленности Руси, не прекращались междоусобицы между сторонниками присоединения к Москве и поборниками перехода в подданство литовского великого князя. Выбрав благоприятный момент, Иван III начал войну с Новгородом. В 1471 году московское войско разгромило новгородцев в битве на реке Шелони, а в результате похода 1477—1478 годов Новгородская республика окончательно перестала существовать. Символ новгородской вольности, вечевой колокол, был перевезен в Москву. Иван III отобрал и грамоту, скрепленную 58 печатями знатных новгородцев; содержанием ее было обязательство единодушно бороться с московским великим князем (изображение этой грамоты в лицевом летописце XVI в. воспроизведено в кн.: Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., Изд. АН СССР, 1928, стр. 60, рис. 22).

Не можно было, чтобы не пришел мне на память поступок царя Ивана Васильевича по взятии Новагорода... Вот для чего он его разорил и дымящиеся его остатки себе присвоил. Я. Л. Барсков писал: «Не ясно и то, какого из двух Иванов имеет в виду Радищев: III или IV? В XVIII веке называли «царем» и вел. князя Иоанна III; при нем пала «вольность» новгородская; а за жестокую расправу Радищев укоряет, по-видимому, Ивана IV; так поняла его Екатерина» (Барсков, стр. 387. — Замечания Екатерины см. далее). Историю Радищев знал хорошо и двух Иванов различал: в заметках «К российской истории» он именует Ивана III просто «царем Иваном Васильевичем» или «Иваном I» (поскольку Иван III впервые употребил по отношению к себе царский титул), а Ивана IV Грозного — «царем Иваном Васильевичем II» (Соч., III, 33 и 35). Зная, что Новгород покорил («присвоял») Иван III, Радищев считал, что Иван IV «истребил остатки вольности новгородской» (Соч., III, стр. 36 и 41). Поэтому совершенно очевидно, что в «Путешествии» Радищев не «путает» двух царей, а из черт и поступков Ивана III и Ивана IV создает собирательный образ типичного самодержца — «царя Ивана Васильевича». Иначе говоря, Радищев применяет тот же способ художественного обобщения путем соединения черт различных реальных лиц, каким он пользуется, например, при создании образа наместника в «Спасской Полести», семинариста в «Подберезье» и т. д.

Самый «поступок царя Ивана Васильевича по взятии Новагорода», как его излагает Радищев, является тоже собирательным, типическим действием русского самодержавия, потому что, говоря об однократном, единовременном «поступке царя», автор «Путешествия» соединяет в последовательном перечислении события разновременные. «Взятие» Новгорода и «присвоение» его русским самодержавием относится к 1478 году, полное же «разорение» Новгорода произошло в 1570 году. Следовательно, «уязвлен сопротивлением сея республики» был Иван III, а «хотел разорить ее до основания» Иван IV.

Мне зрится он с долбнею на мосту стоящ, так иные повествуют, приносяй на жертву ярости своей старейших и начальников новогородских. И этот «поступок» составлен из событий, происшедших в разные дни января 1570 года. Получив известие о том, что новгородское духовенство и граждане будто бы замыслили перейти под власть польского короля, Иван IV в декабре 1569 года выступил с войском на Новгород; 2 января воины передовой дружины окружили город, вошли в него, опечатали дома именитых новгородцев, церкви и монастыри в городе и окрестностях. Священников, дьяконов, монахов поставили «на правеж», то есть нещадно били с утра до вечера, пока каждый из них не откупится двадцатью рублями. 6 января царь подошел с войском и стал под городом, на Городище. На следующий день всех священников и монахов, которые не смогли откупиться, перебили палицами — деревянными дубинами (вот откуда у Радищева возникло упоминание о «долбне» — деревянном молоте), а 8 января Иван с дружиной вступил в город. На Великом мосту его встретил архиепископ; не приняв благословения, Иван обвинил его в измене. Затем началось разграбление города и окрестных монастырей, царский суд в Городище над «изменниками» и казнь многих новгородских бояр, служилых детей боярских, купцов, именитых горожан и приказных людей. Суд, казни и грабежи продолжались около шести недель и были приостановлены только 12 февраля. Погибло великое множество народа (разные источники определяют число казненных в полторы, двадцать семь и даже шестьдесят тысяч человек). В замечаниях на «Путешествие» Екатерина попыталась оправдать расправу Ивана IV с Новгородом, но должна была признать справед-

ливым упрек царю в крайней жестокости: Радищев, пишет она, «говоря о Новегороде, о вольном его правлении и о суровости царя Иоанна Васильевича, не говорит о причине сей казни, а причина была, что Новгород, приняв унию (т. е. объединение с Россией. — *Авт.*), предался Польской республике, следовательно, царь казнил отступников и изменников, в чем, по истине сказати, меру не нашел» (Процесс, стр. 158).

Но какое он имел право свирепствовать против них, какое он имел право присвоять Новгород? Выписав этот вопрос, Екатерина написала: «Ответ: древность владения и закон новогородский и всея России и всего света, который наказывал бунтовщиков и от церквы отступников. Но сей вопрос тут делается, дабы отвергать власть, и оставлен без ответа» (Процесс, стр. 158).

Но на что право, когда действует сила? и т. д. Рассуждения Радищева о «праве» и «силе», резкая критика завоеваний, «права сильного» направлены против теорий Г. Гроция (см. «Подберезье»), немецкого юриста С. фон Пуфендорфа и других мыслителей, признававших «право завоевания» и связывавших его с теорией естественного права. Однако непосредственным объектом критики Радищева, по-видимому, была Екатерина II, которая в «Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения», перечисляя «разные роды законов», назвала и «право завоевания, основанное на том, что какой-нибудь народ хотел, или мог, или принужденным нашелся сделать насилие другому народу» («Наказ», лист е4). В этой критике «права сильного», которое Радищев не признает правом, он опирается на суждения Ж.-Ж. Руссо в книге «Об общественном договоре»: «...Право сильнейшего... называется правом как будто в ироническом смысле, а в действительности его возводят в принцип... Предположим на минуту, что так называемое право сильнейшего существует. Я утверждаю, что в результате подобного предположения получится только необъяснимая галиматья... Отсюда видно, что слово *право* ничего не прибавляет к силе. Оно здесь просто ничего не значит» (Руссо, Трактаты, стр. 154—155). Резко отрицательно относился к «праву сильного» и Д. И. Фонвизин, который в «Рассуждении о непременных государственных законах» писал: «Право деспота есть право сильного: но и разбойник

то же право себе присвояет. И кто не видит, что изречение *право сильного* выдумано в посмеяние. В здравом разуме сии два слова никогда вместе не встречаются... Сила и право совершенно различны как в существе своем, так и в образе действования. Праву потребны достоинства, дарования, добродетели. Силе надобны тюрьмы, железы, топоры» (Фонвизин. Сочинения, т. II, стр. 262—263).

Народы, говорят законоучители, находятся один в рассуждении другого в таком же положении, как человек находится в отношении другого в естественном состоянии. Так полагали Монтескье («О духе законов»), Руссо («Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми») и др. Подобную формулировку Радищев нашел и у Екатерины II, которая писала в «Генерал-прокурорском наказе», что «право народное» «можно почитать гражданским правом всемирным, в таком смысле, что всякий народ особо есть будто бы один гражданин мира» («Наказ», лист е3 оборот).

Вопрос: в естественном состоянии человека какие суть его права? и т. д. О мыслях Радищева по поводу «естественного состояния» см. примеч. к главе «Любани». Екатерина II заметила: «Учинены вопросы те, по которым теперь Франция разоряется» (Процесс, стр. 158).

Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается. В «Генерал-прокурорском наказе» Екатерина определила «гражданское право» как право, «по которому каждый гражданин может защищать свое имение и жизнь от нападков другого гражданина» («Наказ», лист е4). Однако Радищев уже показал, что «примеры всех времян свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом», поэтому он и отказывается рассуждать о «пустяках».

Из летописи Новогородской. В основу радищевского текста легли его заметки «К российской истории» и выписки из статьи Миллера в «Ежемесячных сочинениях» (см.: Соч., III, стр. 32—33, 36). Обработав выписки соответствующим образом, сняв свои комментарии и расположив заметки в определенном порядке, Радищев придал тексту вид подлинного документа, который с неопровержимой логичностью и документальной достоверностью

говорит о гнетущей, мертвящей силе самодержавия. Новгород был могучим, независимым государством (заметка о войне с князем Ярославом), пока он был вольной республикой (заметка о «письме»); Новгород не покорился татарскому игу (о запрете татарской монеты), был экономически самостоятелен («своя монета») и как равноправный член входил в европейский союз (упоминание о Ганзе), пока имел демократическое вечевое правление (заметка о колоколе и вече); а когда самодержавие покорило республику («царь Иван...»), единственным «замечательным» событием в жизни некогда величественного города было то, что «в 1500 году — в 1600 году — в 1700 году — году — году Новгород стоял на прежнем месте».

Купец третьей гильдии, а ныне именитый гражданин. В зависимости от «объявленного» купцом капитала он мог быть вписан в одну из трех гильдий. Для зачисления в третью гильдию с 1785 года требовался капитал от 1000 до 5000 руб., во вторую — от 5000 до 10 000, в первую — 10 000 — 50 000 руб., а «всякого звания и состояния капиталисты, которые объявят за собой капитала от 50 000 рублей и более» причислялись к «именитым гражданам», для которых устанавливался ряд особых прав и «привилегий» («Жалованная грамота городам»).

Благодетель твой, — подумал я, — не без причины он меня так величает... Карп Дементьич человек признательный. Иронически рассказываемая Путешественником история обогащения Карпа Дементьича вполне реальна и типична. В части, касающейся Путешественника, сводится она к следующему. В 1737 году дед рассказчика занял 1000 рублей, причем при получении денег написал особое письмо-вексель, в котором были указаны занимаемая сумма и размер процентов, нарастающих за каждый год. Исходя из законного максимума процентов, можно подсчитать, что Карп Дементьич в 1780 году получил с векселя в 1000 рублей одних процентов не меньше 3000. Дело, однако, заключается в том, что по закону срок векселя давно истек, да и сам векселедатель (дед рассказчика) уже умер, а потому Карп Дементьич вообще не имел законных оснований требовать с Путешественника уплаты (предъявлять «протест») по просроченному векселю. Однако Путешественник не сумел отбиться от беззаконных

претензий, предъявленных «искусным стряпчим» (вексельными делами занимались особые чиновники).

Если точных не спишу портретов, то доволен буду их силуэтами. Силуэт — черный портрет в профиль на светлом фоне; чаще вырезался из черной бумаги, реже рисовался тушью. Искусство силуэта распространилось во Франции в середине XVIII века, а во второй половине столетия стало модным и в России. Так, среди друзей и знакомых славилась мастерством в изготовлении силуэтов К. Я. Державина, первая жена поэта. При дворе императрицы был популярен французский силуэтист Сидо.

Лаватер и по них учит узнавать, кто умен и кто глуп. Лаватер — Иоганн Каспар Лафатер (1741—1801), немецкий писатель, автор «Физиогномики» (немецкое издание — 1772—1778, французское — 1775—1778). В этом труде обосновывалась теория возможности распознать характер человека на основании строения черепа и лица. В научном отношении теория Лафатера вполне дилетантична, но в XVIII веке к нему относились с большим уважением (см., например, рассказ Н. М. Карамзина о посещении им Лафатера в «Письмах русского путешественника». — «Русская проза XVIII века», т. 2, стр. 351—368). Радищев упоминает о Лафатере в «Путешествии» дважды («Новгород» и «Зайцово») — и оба раза иронически. В трактате же «О человеке, о его смертности и бессмертии» Радищев называет теорию Лафатера «вероятной, но далеко распростертой и от того бессущественной» (Соч., II, стр. 50).

Карп Дементьич — седая борода, в восемь вершков от нижней губы. Нос кляпом, глаза ввалились, брови как смоль, кланяется об руку, бороду гладит, всех величает: благодетель мой. Здесь, по-видимому, при изготовлении наборной рукописи по вине переписчика утрачена очень важная деталь, еще более индивидуализировавшая портрет Карпа Дементьича: «глаза серые, ввалились». Далее в «портрете» Аксиньи Парфентьевны вместо «ренского выпьет перед обедом полчарки при гостях, да в чулане стаканчик водки» — в печатном издании допущена обессмысливающая текст опечатка: «ренского непьет...» Восстановление подлинного радищевского текста во всех деталях чрезвычайно важно, ибо характеристики внешности и манер членов семейства Карпа Дементьича (как и семи-

нариста в «Подберезье» и др.) — первые в русской беллетристике реалистические портреты литературных персонажей, в которых социально-типические черты сочетаются с индивидуальными. Так, в портрете самого Карпа Дементьича такие детали, как «седая борода», «кланяется об руку», «бороду гладит», «всех величает: благодетель мой», — метко схваченные Радищевым типические для русского купечества черты внешности и поведения. Такие же детали, как «борода в восемь вершков от нижней губы», «нос кляпом», «глаза серые, ввалились», «брови как смоль», создают индивидуальный облик этого типичного купца. Для уяснения радищевского новаторства следует сопоставить «Путешествие» с прозой предшественников и современников Радищева. Писатели-классицисты создают портреты персонажей путем перечисления «типовых» черт, свойственных данному полу, возрасту, общественному и психологическому состоянию, например: «Нума... возложа на плеча наполненную ношу зрелыми плодами, в руках имея серп, орошен потом, возвращается в свою хижину... Одежда его пылью покрытая, орудия земляные... в руках его еще были» (М. М. Херасков. Нума, или Процветающий Рим). При этом женские портреты чаще всего состоят из черт, которые отражают представления данного писателя об идеальной красоте, и потому героини разных произведений одного романиста похожи между собой. Так, у Ф. А. Эмина героини разных романов имеют лицо и кожу «алебастру подобные» и «длинные черные волосы», «черные очи и брови»; у всех же героинь Хераскова — «белые власы» и очи «небесного голубого цвета». Аналогичные портреты, составленные из самых общих (отчасти даже неопределенных) черт, преобладают в романах В. А. Левшина, например: «Она имела волосы и брови черные, глаза большие, голубые, нежные и живые; стан прекрасный, руки удивительные, ноги прелестные, приятную усмешку и зубы цвету наилучшего» («Вечерние часы», ч. II). В бытовых романах и повестях второй половины XVIII века дело обстоит приблизительно так же, хотя типологические элементы, из которых составляется портрет, несколько упрощены, например: «Увидела человека совершенных уже лет, имевшего долгие виющиеся усы и орлиный нос. Он был отставной подполковник, служащий в гусарских полках» (М. Д. Чулков. Пригожая

повариха). Писатели-сентименталисты, значительно усилив личностное начало и психологическую разработку образов, при создании портретов персонажей пользовались теми же общечеловеческими типологическими деталями, что и их предшественники. Так, у Н. М. Карамзина в одних случаях обнаруживаются более или менее развернутые портреты, условно говоря, идеализированного типа, например: «Никакая красавица не могла сравниться с Натальею — Наталья была всех прелестнее. Пусть читатель вообразит себе белизну италианского мрамора и кавказского снега: он все еще не вообразит белизны лица ее — и представя себе цвет Зефировой любовницы, все еще не будет иметь совершенного понятия об алости щек Натальиных» («Наталья, боярская дочь»). В других случаях Карамзин дает лаконичные зарисовки, так сказать, «бытового» типа: «Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице» («Бедная Лиза»; ср. у Чулкова: «Подле правого клироса стоял, не знаю, какой-то молодчик; собою был он очень хорош и одет недурно»). Несколько иначе обстоит дело в сатирической литературе, где на первый план выступают характерно-индивидуальные черты, но выраженные опять-таки в условно-обобщенных формулах, например: «Она была обветшалая, однако щеголиха. Лицо ее было самой древней печати и худого тиснения: нос ее представлял кривую ижицу, борода и губы казались как будто бы старинный юс в драгунской шляпе; на лбу и на щеках расставлены были кавыки и запятые весьма беспорядочно. Такую приманчивую красоту прикрывала она масляными красками, белою и красною, а брови сурмила типографскими чернилами» и т. д. (М. Д. Чулков. Пересмешник). На фоне этих условных портретов радищевские портреты были явлением новым. Еще более важным было умение схватить мимику, движения, раскрывающие характер в его социально-типической и одновременно индивидуальной сущности.

В кружок острижен. Среди приказчиков, торговцев и т. п. была распространена стрижка «в кружок», когда волосы равномерно подстригались вокруг всей головы.

Зубы как уголь. Купеческие модницы специально чернили зубы, что почиталось в их среде красивым.

На следующий год был льну неурожай, и я не мог поставить, что законтрактовал, и т. д. Из разговора купца

с Путешественником ясны все подробности мошенничества Карпа Дементьича — злостного банкрота. Он заключил с разными лицами договор («контракт») на оптовую поставку льна и при подписании контракта получил половину денег вперед, выдав на эту сумму — тридцать тысяч рублей — векселя. Одновременно он купил на двадцать тысяч различных заморских товаров, расплатившись опять-таки векселями (о вексельном праве см. дальше). Воспользовавшись благовидным предлогом — неурожаем на лен, что вызвало повышение закупочных цен, он отправил лишь малую часть — всего тысячу пудов льна — петербургским купцам (их Путешественник здесь называет «должниками»; так именовали кредиторов, заимодавцев и позднее; ср. у Грибоедова: «Но должников не согласил к отсрочке») и объявил, что он разорен и больше льна поставить не в состоянии. Тем же заимодавцам, которым он сам должен за «заморские товары», Карп Дементьич предложил получить по три копейки за каждый рубль стоимости товара, взятого у них в долг. В случае несогласия заимодавцы могли посадить несостоятельного должника, банкрота, в долговую тюрьму — «яму», где им же самим пришлось бы его содержать, но в этом случае денег они бы вообще не вернули. Поэтому они предпочли удовлетвориться получением несколько большей, чем первоначально предложенная, суммой — по пятнадцати копеек на рубль. Конечно, в действительности Карп Дементьич не разорился (хотя, объявив себя банкротом, он потерял право в дальнейшем совершать торговые сделки, и поэтому теперь стал купцом его сын): ясно, что большую часть недвижимого «имения» (в том числе новый дом) он записал на жену, а деньги передал сыну. Подобного рода злостные банкротства были весьма распространенным явлением не только в XVIII, но и в XIX веке. Аналогичная ситуация лежит в основе комедии А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» (в первой редакции — «Банкрот») с той разницей, что Карп Дементьич оказался умнее и предусмотрительнее Большова, ибо закрепил имущество за женой и сыном, тогда как Большов — за зятем, который не разжалобится и не даст заимодавцам больше первоначально предложенной суммы.

А женин дом? — Как мне до него коснуться, он не мой. В случае внезапного предъявления векселей или банкротства взыскание не могло коснуться того имущества,

которое было записано на имя другого члена семьи. Поэтому, чтобы предохранить себя от всяких неожиданностей, большинство купцов в XVIII веке оформляло документы на владение частью имущества на имя ближайших родственников, чаще всего — жены. Так, например, в Петербурге громадный дом на углу набережной Мойки и Адмиралтейской перспективы (ныне — ул. Дзержинского, д. 18, один из корпусов Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена) числился как дом «купца Кусовникова жены»; на противоположной же стороне Адмиралтейской перспективы располагалось вдвое большее владение самого купца Кусовникова (в дальнейшем за купчихой Кусовниковой числился большой участок, купленный в казну, на котором было выстроено здание Святейшего Синода; к самому же Кусовникову перешел бывший дом графини Матюшкиной на Невском проспекте, который затем как приданое дочери купца перешел к Энгельгардту; ныне в нем размещается Малый зал им. М. И. Глинки Ленинградской филармонии). Купцу Бармину принадлежал большой участок в 3-й Адмиралтейской части (приблизительно соответствующий территории, занимаемой теперь гостиницей «Европейская»), а за его женой числился дом в начале Невского проспекта (ныне — дом № 8, так называемый «дом Сафонова»). Владелицами домов в Петербурге значились жены именитого гражданина Трозина, «майора» — откупщика Логинова, промышленника и торговца Лазарева, именитого гражданина Апайщикова, купца Корзинкина (см. примеч. к «Спасской Полести») и многих других.

Вышед от приятеля моего Карпа Дементьича, я впал в размышление и т. д. Путешественник размышляет об истории и современном состоянии вексельного права — законоположения, регулирующего отношения между лицами, которые вступают в денежные обязательства при помощи векселей. При первоначальном появлении в XIII веке вексель имел значение денежного перевода, что было удобно и необходимо при существовании множества различных денег, выпускавшихся в каждом мелком княжестве, городе и т. п. Внеся определенную сумму менялебанкиру местной монетой, человек отправлялся в другое княжество, государство с переводным векселем, по представлении которого лицо, на чье имя был составлен доку-

мент, выплачивало ему соответствующую сумму другой валютой. В дальнейшем вексель вместе с функцией переводного документа приобрел функцию платежного средства: его стало возможно передавать в другие руки наряду с наличными деньгами. Такого рода переводными векселями в России XVIII в. пользовались, главным образом, купцы-иностранцы, среди русского же купечества преимущественное распространение получил так называемый простой вексель — разновидность письменного долгового обязательства, заемного письма. Принципиальное отличие между этими видами документов состояло в том, что выдача переводного векселя обеспечивалась соответствующим материальным покрытием, а простой вексель выдавался без покрытия. Поэтому для обеспечения платежей по простым векселям и пресечения возможности отказа от своевременной уплаты со ссылкой на денежную несостоятельность в момент предъявления векселя к платежу, закон предусматривал строгое и скорое взыскание по торговым обязательствам: при отсутствии наличных денег накладывался арест на имущество должника, а по требованию заимодавца применялось «личное задержание», арест самого векселедателя. Радищев считает подобный порядок неудовлетворительным, ибо надежда на строгое и скорое взыскание усыпляет осторожность в заимодавце и он доверяет свой капитал без существенного обеспечения; векселедатель же, занимающий деньги в надежде пустить их в оборот и быстро обогатиться, может обмануться в своих расчетах и, не получив ожидаемой прибыли, при наступлении срока взыскания оказывается разоренным, а нередко — и заключенным. Кроме того, существующий порядок выдачи векселей и взыскания по ним при том, что супруги раздельно владеют имуществом, является весьма благодатной почвой для всякого рода мошенников, злостных банкротов (выразительной иллюстрацией к этому служит рассказ о проделках Карпа Дементьича). Екатерина II по поводу данного абзаца «Путешествия» заметила: «Начинается вылазка на вексельное право, и сам сочинитель не ведает, чего хочет» (Процесс, стр. 158). По мнению Я. Л. Барскова, Радищев в решении поставленного им вопроса по существу вексельного права, по-видимому, «склонялся к практике западноевропейских государств, где купцы пользовались преимущественно переводными векселями» (Барсков, 389).

Бронницы

Бронницы — село и почтовый ям в 35 верстах от Новгорода.

Я захотел посетить высокую гору, близ Бронниц находящуюся... Ныне же на месте славного древнего капища построена малая церковь. Первоисточником этих сведений для Радищева, как и других писателей XVIII в., была «История Российская» В. Н. Татищева (кн. I, ч. 1, М., 1768, стр. 33, 45, 46, 271). Кроме того, он пользовался книгой «Путешествие ее императорского величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году» (Спб., 1786, стр. 132) и «Записками касательно российской истории» (Соч. Екатерины, т. VIII, стр. 14—15). «Малая церковь» Иоанна Предтечи была построена на бронницкой горе по велению Екатерины II.

Пришедшего, да познаю — пришедшего, чтобы познать.

Вещаяй — вещающий.

Мысль предвечная — мысль предвечного, т. е. бога.

Утехи, ими же наслаждался бы — утехи, которыми наслаждался бы.

Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоем и сердце и т. д. Радищев более подробно обосновывает мысль о необходимости общественной активности человека, о чем он коротко сказал в посвящении «А. М. К.». Полемизируя с теми, кто возлагал надежду на бога, писатель развивает деистическую концепцию. Бог в радищевском понимании — своего рода пружина, давшая «первый мах» в творении мира (см. «Слово о Ломоносове»), но в дальнейшем надеяться на его вмешательство в земные дела нечего. «Все нужное» человеку в радости и в горе заключено в нем самом, в его разуме и сердце. Отсюда с полной непреложностью читатель подводится к выводу, что люди сами могут и должны быть творцами своего счастья, что, иначе говоря, надежды на изменение суще-

ствующего порядка следует возлагать на самих людей. Екатерина справедливо заметила, что эти мысли Радищева «доказывают, что сочинитель совершенный деист, и несходственны православному восточному учению» (Процесс, стр. 159).

Егова, Юпитер, Брама; бог Авраама, бог Моисея... о бог мой! ты един повсюду. «Перечисляя различные наименования бога... Радищев исповедует учение английских и французских деистов, почитавших *единого* бога всех народов и всех веков, «которому приносит хвалу даже безбожник, его отрицающий, но признающий природы закон непременный» (Барсков, 391). В ранней редакции эта мысль была выражена короче: «Егова, Юпитер, Фоги, Брама; ты един повсюду» — и имела более ограниченный характер, поскольку тут перечислялись лишь боги разных религий и разных эпох. Затем Радищев резко подчеркнул эту идею и одновременно расширил ее смысл, введя восемь словосочетаний, обозначающих различное понимание бога у людей близких эпох и народностей, причем соединены попарно: два ветхозаветных бога библейских евреев; два — религий древнего Востока; два — европейской античности; два — современной Европы (бог ортодоксальных христиан и бог деистов — «бог мой»).

Егова — Иегова, одно из наименований бога у древних евреев (другие его имена — Яхве, Элохим и т. д.).

Юпитер — верховный бог древних римлян, отец других богов и людей.

Брама — Брахма, бог-творец, один из трех главных богов (наряду с Вишну и Шивой) в религии древних индийцев. По-видимому, называя имена Иеговы, Юпитера и Брамы, Радищев имеет в виду три разных типа религии — веру в единого бога, единобожие (монотеизм), многобожие и троебожие.

Авраам — мифический библейский «патриарх». Согласно Ветхому завету, «родоначальник» древних евреев, веривший в бога и заключивший с ним «завет», договор, но не знавший его имени.

Моисей — легендарный вождь и законодатель евреев. По библейским сказаниям, в результате божьего «откровения» Моисей получил скрижали с заповедями, которые легли в основание «истинной религии», носителем которой стал «избранный народ» — евреи.

Конфуций — Кун-цзы (ок. 551—479 до н. э.), китайский философ, основатель этической доктрины, в основе которой лежал культ предков.

Зороастр — Заратуштра (XI или VII вв. до н. э.) — легендарный основатель древневосточной религии. Согласно зороастризму, содержание всемирной истории составляет борьба двух начал — добра и зла. Доброе начало олицетворяет бог Ахурамазда и его помощники, злое — Анхра-Майнью (Ариман) и его пособники.

Сократ (469—399 до н. э.) — афинский философ, отвергавший древнегреческое многобожие и утверждавший исповедание одного бога; по приговору суда выпил чашу с ядом.

Марк Аврелий (121—180) — римский император; как философ-стоик верил в существование единой разумной силы — Логоса, который является разумом мира, или божеством, и одновременно физической субстанцией, телом вселенной. Юпитер (Зевс) в его представлении — единое верховное божество, другие боги — формы изображения сил, проявляющихся в стихиях, светилах и т. д.

Паче нашего песнопения — больше, сильнее нашей молитвы.

И все, что зрим, прейдет и т. д. О размышлениях Радищева о круговороте в природе и обществе см. «Подберезье» и «Тверь».

С течением времен все звезды помрачатся и т. д. — монолог из трагедии «Катон» Джозефа Аддисона (1672—1719), английского драматурга, поэта и издателя (совместно с Ричардом Стилем) нравоучительных журналов. Классицистическая трагедия «Катон» (1713), по замыслу Аддисона, должна была возродить в Англии героическую гражданственность Древнего Рима. «Катон» имел громадный успех на английской сцене и обошел большинство стран Европы. В России полный перевод трагедии был напечатан в 1801 году, однако монолог Катона появился в 1788 году в журнале «Новые ежемесячные сочинения (ч. XXV, стр. 65). Стихотворный перевод для «Путешествия» выполнен, по-видимому, самим Радищевым. Далее в рукописных редакциях книги следовала руссоистская концовка, снятая в печатном тексте: «Но что ты, где ты, что ты в нас и что мы в тебе? Не ведаю, всесильный, не ведаю» и т. д.

Зайцово

Зайцово — село и почтовый ям в 27 верстах от Бронниц.

Нашел я давнишнего моего приятеля г. Крестьянкина. Я с ним знаком был с ребячества. По мнению А. И. Старцева (стр. 84), в основу образа Крестьянкина положены некоторые реальные черты личности и деятельности Александра Андреевича Ушакова (род. 1751), брата первой жены Радищева (сына А. П. Рубановской от первого брака). Еще в Пажеском корпусе Радищев подружился с дядей Ушакова — А. К. Рубановским; по-видимому, тогда же он познакомился и с Александром, который в 1765—1771 годах учился в Морском кадетском корпусе. Тон немногих дошедших до нас писем Ушакова к Радищеву и Радищева к Ушакову свидетельствует о их давней дружбе.

Редко мы бывали в одном городе. Ушаков редко бывал в Петербурге, так как служил сначала на флоте, а затем в губернской администрации разных наместничеств. Однако, приезжая в Петербург, он жил в одном доме с Радищевым, поскольку был совладельцем этого дома.

Г. Крестьянкин долго находился в военной службе и, наскучив жестокостями оной... перешел в статскую. Окончив Морской корпус, Ушаков во время русско-турецкой войны в 1772 году принимал участие в экспедиции русского флота в Греческий Архипелаг (см. «Чудово»), а в 1774 — в Черноморской экспедиции. Выйдя в отставку в 1783 году в чине капитана 2-го ранга, он перешел на статскую службу: сначала он был советником палаты гражданского суда Тверской губернии, а в 1785 году переведен в Олонецкую губернию.

По несчастию его, и в статской службе не избегнул того... Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое. Как и в других случаях («Спасская По-

лесть», «Подберезье» и др.), Радищев, беря за основу реальные факты, по-своему осмысляет и обобщает их. «Чувствительная душа» и «человеколюбивое сердце» Ушакова, отразившиеся в его письмах к Радищеву 90-х годов, по-видимому, и раньше были причиной ряда служебных неприятностей для Ушакова. В 1785—1787 годах он занимал в Олонецкой губернии пост «директора экспедиции экономии» — начальника канцелярии, в ведении которой находились так называемые «экономические крестьяне», т. е. крестьяне, бывшие ранее крепостными монастырей, а в 1763 году отобранные в казну и переданные в распоряжение специально созданной Коллегии экономии духовных владений (можно предположить, что отсюда произошла и фамилия персонажа — г. Крестьянкин). Одной из задач экспедиции экономии Олонецкой губернии было официальное оформление прав на владение бывшими монастырскими землями, разделение и передел этих земель между собственниками — крестьянами и церквями, а также проживавшими в экономических селениях купцами, мещанами и пр. Однако дела эти в Олонецкой губернии находились в запутанном состоянии, даже сами земли, подлежащие разделению, не были соответствующим образом описаны и зарегистрированы. Приступив к исполнению должности директора экономии, А. А. Ушаков, не имевший опыта в подобной практике, больше всего руководствовался побуждениями «души» и «сердца» и старался удовлетворить всех обращавшихся к нему просителей. А поэтому его распоряжения нередко противоречили друг другу, одно отменяло другое и т. п. Так, например, одним приказом Ушаков распорядился немедленно возвратить крестьянину Повенецкого уезда Афанасию Федорову отведенную ему ранее землю крестьянина Ивана Харитонова, причем последнему запрещалось собрать посеянный им хлеб и косить сено; другим же приказанием велено было «Харитонову нынешний хлеб яровой оставить, воспретя входить крестьянину Федорову в присвоение оного». Старосте Шуйского погоста (недалеко от Петрозаводска) 21 июля 1785 года Ушаков велел «по просьбе крестьян от священников, купцов и мещан отобрать сведение, по какому праву они завладели крестьянскими землями», а на следующий день, 22 июля, другим распоряжением приказал «всех купцов и мещан, живущих в том погосте, оставить при прежнем владении земель, не

делая им никакого притеснения». В приказе от 22 июля Ушаков писал старосте: «Я тебе вчерась приказывал, чтобы купец Каратяев, буде земля принадлежит крестьянам, снес свой анбар, а ежели добровольно не снесет, то приказано будет сломать; но ты, как я известился, и начал беспокоить; от сего воздержись и крестьян воздержи сношением анбара». Результатом подобных противоречивых распоряжений были «явные раздоры, самоуправства и едва не смертоубивственные драки» между крестьянами (особенно сильные беспорядки происходили в Пудожском уезде), так что, ознакомившись с положением дел на местах, олонецкий губернатор Г. Р. Державин распорядился вообще прекратить межевание. Однако враждовавший с Державиным наместник Т. И. Тутолмин (см. о нем дальше) выступил на стороне Ушакова (см.: Соч. Державина, т. V, стр. 457—458; т. VII, стр. 59—64, 77—78, 87—95 и др.).

Дознанные его столь превосходные качества доставили ему место председателя уголовной палаты. С этого момента судьба Крестьянкина и реальная биография Ушакова не совпадают. Похвальные отзывы Тутолмина и начальника и покровителя Радищева — сенатора графа А. Р. Воронцова (который ревизовал Олонецкую губернию в марте 1786 года) привели к тому, что по ликвидации Коллегии экономии (при этом экономические крестьяне были превращены в государственных) Ушаков в ноябре 1787 года получил место председателя Палаты гражданского суда Олонецкой губернии. Однако меньше чем через четыре месяца, в марте 1788 года, он «по болезни» вышел в отставку и следующее назначение — на пост председателя Палаты гражданского суда Псковской губернии — получил только в 1795 году (в дальнейшем, в 1802—1804 годах, Ушаков был губернатором Олонецкой, а в 1804—1812 — Тверской губернии). По мнению А. И. Старцева, «внезапный выход Крестьянкина в отставку после конфликта с наместником имеет сходство с выходом в отставку Ушакова, не прослужившего и четырех месяцев на посту председателя Палаты гражданского суда, которого царские чиновники годами добивались, как должности весьма солидной и «доходной» (Старцев, стр. 84). Если исследователь прав и причиной выхода в отставку Ушакова был какой-то конфликт с Тутолминым, то вряд ли он мог произойти по поводу, анало-

гичному тому, из-за которого Крестьянкин столкнулся с подчиненными ему чиновниками и самим наместником — защита крестьян, убивших мучителей-помещиков. Во-первых, в Олонецкой губернии крепостных деревень почти не было; во-вторых, подобные дела подлежали рассмотрению уголовной палаты (председателем которой является Крестьянкин), а не гражданской (где служил Ушаков). По-видимому, Радищев, использовав для биографии персонажа внешние факты жизни Ушакова, в основу рассказа героя положил историю «мщения» крестьян их «мучителям», более характерную для губерний с преобладанием крепостных деревень (Новгородской, Тверской, Московской и т. д.). Да и Крестьянкин служил явно не в Олонецкой губернии, так как он, возвращаясь в Петербург после выхода в отставку, едет со стороны Москвы.

Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала у меня слезы. Я видел... что закон судит о деяниях, не касаяся причин, оные производивших. «Самым слабым местом старого уголовного права было несоответствие между карой и преступлением... Радищев обращает особенное внимание на причины преступных деяний, не имевшие почти никакого значения в глазах старого суда. Убийцы сознались в своем преступлении, и тем не менее Крестьянкин считает их не виновными, так как убили они зверя в образе человека» (Барсков, стр. 391—392).

За несколько уже лет — за несколько лет до этого, несколько лет назад.

Вот его послужной список... награжден чином коллежского асессора. Лицо, получившее в придворной (как и гражданской) службе чин коллежского асессора, приобретало потомственное дворянство, а также право владеть крепостными (подробнее см. «Тосна»). Радищев, бывший пажом до отъезда в Лейпциг, сам наблюдал десятки примеров продвижения по служебной лестнице при дворе и описал весьма типическое явление русской жизни. Так, например, в 1762 году бывший лакей, а теперь придворный гардеробмейстер Василий Шкурин пожалован в российские дворяне и награжден тысячью душ крепостных крестьян; в 1763 он уже бригадир и действительный камергер. Обер-гофмаршал граф К. Е. Сиверс начинал службу кофешенком Елизаветы Петровны, а ее повар Фукс получил чин бригадира. Отошедший от службы, но

изредка бывавший при дворе граф А. Г. Разумовский, владелец Аничкова дворца, был некогда придворным певчим; брат его граф К. Г. Разумовский, также в прошлом певчий, — генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, действительный камергер, сенатор, президент Академии наук. Большая группа певчих была пожалована в прапорщики в 1763 году, а камердинер Небольсин — в надворные советники и при этом назначен «товарищем» (т. е. помощником) губернатора в Астрахань. В 1765 году истопник Федор Иванов произведен в лакеи, лакеи Померанцев и Яким Чеканаев — в камерлакеи, а лакей Полянский отослан от двора в Военную коллегию для определения в офицеры. Пожалованный тогда же в лакеи Михайло Чулков в конце 80-х годов — надворный советник и сослуживец Радищева по Коммерц-коллегии. Сын придворного лакея, получившего офицерский чин, Владимир Лукин дослужился к 1794 году до чина действительного статского советника; бывший камердинер Потемкина, а потом Екатерины Захар Зотов — полковник, и т. д.

Мундшенк — заведующий напитками при дворе.

Герольдия — Герольдмейстерская контора; см. «Тосна».

Отличная привязанность — т. е. особенная.

Гогард — Уильям Хогарт (1697—1764) — выдающийся английский художник и гравер, в сатирических картинах и гравюрах беспощадно разоблачавший английское общество («Карьера проститутки», «Карьера мота», «Модный брак», «Степени жестокости» и др.).

С Лаватеровою проницательностию. О Лафатере см. «Новгород».

Они у прежнего помещика были на оброке, он их посадил на пашню — т. е. на барщину. О барщине и оброке см. «Любани», а также главу «Вышний Волочок».

За действительные преступления, как-то кражу не у него, но у посторонних, не говорил ни слова. Казалося, будто хотел в деревне своей возобновить нравы древнего Лакедемона или Запорожской Сечи. Лакедемон — Спарта, столица древнегреческого государства Лакония. Главной задачей спартанского воспитания было физическое развитие детей, причем для выработки ловкости допускалось даже воровство. Запорожская Сечь — военная самоуправляющаяся община, основанная в конце XVI века казаками на острове Хортица, на Днепре. Набеги на сосе-

дей — татар, поляков, русских, угон скота и т. п. считались лихим молодечеством, но воровство в собственной среде каралось самым жестоким образом, вплоть до смертной казни (см. повесть Гоголя «Тарас Бульба»).

Дочери... вымещали свою скуку над прядильницами, из которых они многих изувечили. Радищев много работал над данной фразой. В начальной редакции было: «...из которых многим веретенами выкололи глаза»; затем эта ужасающая конкретность приняла более общий вид: «...из которых многим повыкололи глаза». В печатном тексте писатель пришел к наиболее обобщенной формулировке. Дело в том, что Радищев стремился изобразить типичную, так сказать, «заурядную» жестокость крепостников, а вовсе не хотел «напугать» читателя картинами исключительного зверства помещиков, хотя русская крепостная действительность давала для этого обильный материал. Дарья Салтыкова — знаменитая «Салтычиха» — погубила 140 крестьян. Княгиня Козловская из ревности собственноручно разорвала рот крепостной девушке (Семевский, т. I, стр. 180). Супруги фон Клодт, разгневавшись на десятилетнюю девочку за то, что она неумело выполняла обязанности портнихи, сожгли ей пальцы и пришили туго затянутый пояс к телу ребенка (Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII веке. 1946, стр. 484—487). Аналогичных случаев изуверства были десятки, Радищев о них знал, но тем не менее он сознательно снял подробности, которые можно было бы истолковать как проявление индивидуальной жестокости, как злоупотребление крепостным правом, ибо писатель выступил с осуждением всей системы крепостничества, а не его «крайностей». Салтычиху, Козловскую, фон Клодтов и подобных им все-таки судили (хотя зачастую и приговаривали к смехотворным «наказаниям» — церковному покаянию сроком в месяц или отдаче на поруки мужу с наставлением, чтоб он свою жену «впредь до таких жестокостей не допускал») — изображенных же Радищевым помещиков — членов семьи асессора в «Зайцове», сластолюбивого помещика в «Едрове», промотавшегося барина в «Медном», молодых господ в «Городне» и других — и судить не за что (равно как и госпожу Простакову в «Недоросле» Фонвизина). Это обычные, «нормальные», заурядные типичные крепостники, и тем страшнее изображаемая Радищевым картина крепостничества, что среди «жестокосердых помещиков» «Путе-

шествия» нет ни одного исключительного, патологического злодея.

Я приметил из многочисленных примеров, что русский народ очень терпелив и т. д. О полемике по вопросу о русском национальном характере см. примеч. к главе «София».

Но крестьянка верна пребывала в данном жениху ее обещании, что хотя редко в крестьянстве случается, но возможно. Будучи яростным врагом крепостничества и изображая страдания крепостных, Радищев отнюдь не идеализировал крестьянства. Наоборот, в русской литературе он первым в полный голос сказал о страшном развращающем действии крепостного права на самих крестьян, а не только на помещиков, о чем задолго до него писали Кантемир, Сумароков, Новиков, Княжнин, Фонвизин. См. подробнее главы «Валдаи», «Едрово», «Хотилов» и «Медное».

Отец жениха... понес повенечные два пуда меду к своему господину. Без разрешения помещика крепостной не мог ни жениться, ни выдать свою дочь замуж. Если девушка выдавалась «на сторону», выходила замуж за крепостного другого владельца, казенного или свободного крестьянина, помещик, как правило, назначал за нее определенную по своему усмотрению сумму — «выводные деньги» («повенечные»). Однако зачастую «повенечные» взимались помещиком за разрешение на брак и в пределах одной вотчины. Как засвидетельствовал граф Р. Л. Воронцов, «многие владельцы с собственных своих мужиков берут за своих же девок выводные деньги, что небогатому или одинокому иногда и взять негде» («Труды Вольного экономического общества», ч. V, 1767, стр. 10).

Скаредное чудовище. Радищев применяет прилагательное «скаредный» в сравнительно редко употреблявшемся значении: «гнусный, отвратительный, омерзительный».

Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские люди хотели вести в дом. В печатном тексте «Путешествия» здесь ошибка: вместо «люди» напечатано «дети», что противоречит предшествующему и последующему повествованию, где говорится: «барские сыновья перестали сечь старика». Возникла эта ошибка на очень раннем этапе, при переписке текста начальной редакции (где значилось верное «люди»); ошибку повторил Царевский

при изготовлении цензурной рукописи. Радищев ее заметил и в цензурной рукописи исправил «дети» на «люди», однако не перенес поправку в наборную рукопись, в результате чего бессмысленная описка была закреплена печатным текстом и повторялась во всех изданиях «Путешествия».

Я обязан был... приговорить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни и вечной работе. Екатерина II неоднократно выступала против применения смертной казни (см., например, «Наказ», особенно §§ 209—212), оставляя ее в качестве наказания лишь за «оскорбление величества» и за нарушение присяги. Но, поскольку деятельность Комиссии 1767 года окончилась безрезультатно и новое Уложение создано не было, судьи в своей практике должны были, руководствуясь старыми законами, изданными при царе Алексее Михайловиче, Петре I, Анне и т. д., приговаривать виновных в различных преступлениях к смерти, а затем заменять смертный приговор «торговой казнью» (публичное битье кнутом на «торговой площади» с последующим вырезанием ноздрей и клеймением) и «вечной работой» (пожизненной каторгой).

Идущу мне — т. е. на меня идущего, когда я иду (архаический оборот).

Всегда новостатейные сии дворянчики странные имеют понятия о природном над крестьянами дворянском праве. Новостатейные дворяне — люди, получившие дворянство недавно (в соответствии с петровской «Табелью о рангах» — см. примеч. к главе «Тосна»). Вопрос о «природном праве» дворян владеть крепостными был очень острым на протяжении всего XVIII века. Прогрессивная русская литература, начиная с князя А. Д. Кантемира — сына молдавского господаря — и А. П. Сумарокова — потомка знатного и древнего дворянского рода, отстаивала просветительский тезис о природном (естественном) равенстве людей. Масса дворян-крепостников (крупнейшим идеологом ее был князь М. М. Щербатов) утверждала, что люди по происхождению не равны. После начала Великой французской революции русское правительство стало поддерживать взгляды реакционеров, и в самом конце столетия цензура конфисковала и уничтожала книги, в которых проводилась мысль, «что не рождение составляет благородство, что все равны рождаются» (см.: В. А. Западов. Цензура, стр. 133).

Председателю нашему... сродно защищать убийство крестьян — т. е. оправдывать убийство, совершенное крестьянами.

Однодворцы — первоначально, в XVI—XVII веках, служилые люди низших разрядов, обязанностью которых была охрана восточной и южной границ Московского государства. За несение службы они получали не поместья с крестьянами (как дворяне и дети боярские), а небольшой участок земли без крепостных; на этой земле они обычно ставили один двор и обрабатывали ее сами. В XVIII веке однодворцы были приравнены к государственным крестьянам, с той разницей, что могли находиться в военной службе 15, а не 25 лет.

Скоро наместник известен стал — т. е. наместнику стало известно. О наместниках см. примеч. к «Спасской Полести».

Наместник наш... позвал меня к себе поутру в случившийся тогда праздник... Он избрал нарочно день торжественный, когда у него много людей было в собрании. Установив, что генерал-губернаторы представляют в наместничествах «особу ее императорского величества», Екатерина II предписала наместникам окружить себя крайней пышностью и почетом. Ко двору наместника для его «почести» определялось с каждого уезда по дворянину, во время выездов наместника его сопровождал почетный конвой из 24 кавалеристов, при нем состояли два личных адъютанта, не считая многочисленных чиновников. В парадном «красном» зале в доме наместника, где происходили приемы и собрания по торжественным случаям, стоял трон, а за ним — портрет императрицы. «Наместник начальствовал в виде царя, — свидетельствует современник, — великолепие его дома, адъютанты, почетные дворяне, богатая прислуга давала некоторое понятие о столице, дворе...» (см.: Б а р с к о в, стр 396).

На пышных карточных престолах 9
Сидят мишурные цари, —

писал в оде «На счастие» Г. Р. Державин и разъяснял: «Тут разумеются наместники, которых все почести хотя зависели от мановения императрицы, но они чрезвычайно дурачились, представляя ее лицо, сидя великолепно на тронах...» (Соч. Д е р ж а в и н а, т. III, стр. 624).

Человек родится в мир равен во всем другому и т. д. Крестьянкин излагает в своей речи основы теории «естественного права», более подробно обосновывая те положения, о которых размышлял Путешественник в «Любанях» (см.).

Становится послушен велениям себе подобного, словом становится гражданином. Речь идет об узловом моменте теории «общественного договора» — переходе человека от естественного состояния к гражданскому. «Что означает здесь «подобного»: властителя-монарха или суверена-народ? Скорее — последнего, чем первого», — справедливо писал Я. Л. Барсков (стр. 399), указывая на развитие этого пункта Радищевым в главе «Хотилов», где писатель следует «Общественному договору» Руссо: люди «положили свободе своей предел и должны быть равны в ограничении оной... и тут один другому неподвластен» и т. д. Развитие той же мысли — в оде «Вольность» (см. примеч. к главе «Тверь»).

Какия же ради вины — ради какой причины, по какой причине.

Для своея пользы, скажет рассудок; для своея пользы, скажет внутреннее чувствование; для своея пользы, скажет мудрое законоположение. Против этих слов на полях цензурной рукописи карандашом написано: «Городовое положение». Радищев устами своего героя излагает просветительскую концепцию «общественного договора», согласно которой люди вступали в гражданские отношения, образуя первые общества, ради своей пользы. Концепцию «пользы» в разных направлениях развивали Локк, Юм, Гельвеций, Блэкстон, Юсти и др. «Все рожденные равными и свободными, если отчуждают свою свободу, то лишь для своей пользы» (Руссо. Трактаты, стр. 153).

Против врага своего он защиты и мщения ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить, или того не хочет... тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния. Доказывая право крестьян на мщение и оправдывая убийц асессора и его сыновей, Крестьянкин основывается на революционном истолковании теории «естественного права», основное положение которой было еще в «Любанях» лаконично сформулировано Путешественником: «Если я кого ударю, тот и меня ударить может». Идея «мщения» отнюдь не была открытием Радищева. Еще в 1764 году В. Т. Золотниц-

кий, популярно излагая европейские теории «естественного права», между прочим писал: «Когда нанесенная со стороны неприятельской обида столь велика, что и состоянию твоему вредить может, то натуральное право дозволяет тебе изыскивать средства и способы к отвращению оной. Сие действие называется защищением... Убийство, когда оно есть последним средством защищения своея жизни, везде и всегда дозволено» (В. Т. Золотницкий. Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы российского общества. Спб., 1764, стр. 38—39). Что же касается Радищева, то он, обосновывая право крестьян на мщение, полагал, что мщение — это «древний закон, око за око», который свойствен человеку в «естественном состоянии», людям с «несовершенным еще расположением мыслей» (Соч., I, стр. 170). Потому Радищев и относился критически к стихийному крестьянскому восстанию типа пугачевского, что восставшие ограничивались местью, «искали паче веселия мщения, нежели пользу сотрясения уз» («Хотилов»). «В основе этики Радищева-революционера лежит именно идея общественной пользы, а никак не идея мщения... — справедливо писал А. И. Старцев. — Выдвигать идею мщения как основополагающую установку Радищева-революционера — значит приписывать ему отсталость и стихийность современного ему крестьянского движения» (Старцев, стр. 173).

Крестьяне, убившие зверского асессора, в законе обвинения не имеют и т. д. «Предлагаемое здесь Радищевым обоснование права угнетенных крестьян на насилие против своих угнетателей не может по своему характеру быть ограничено рассматриваемым случаем. Если бы восставшие против своего помещика крестьяне в «Зайцове» оказались более сильными и организованными и сумели бы оказать сопротивление прибывшей воинской команде во главе с исправником, а, может быть, и уничтожить ее, то и эти действия должны были бы быть вновь оправданы, как самозащита в силу тех же общих оснований» (Старцев, стр. 167).

Все молчали в ожидании, что, оскорбитель всех прав, я взят буду под стражу. По поводу речи Крестьянкина Екатерина писала, что его слова «выводят снаружи предложения, уничтожающие законы, и совершенно те, от которых Франция вверх дном поставлена; не диво было, если

за сим наместник враля и арестовал» (Процесс, стр. 160).

Не нашед способов спасти невинных убийц... подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния. «Едет оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния, хотя и то не оспоримо, что лутчее судьбы наших крестьян нет по всей вселенной», — написала Екатерина в замечаниях на «Путешествие». «Сделав это поразительное заявление и, видно, все же устыдившись даже той, не склонной к критике аудитории, для которой были назначены заметки,— верного Безбородко и обер-палача Шешковского, императрица делает после слов «наших крестьян» вставку «у хорошова помещика» (Старцев, стр. 210). Образ Крестьянкина и его история занимает чрезвычайно важное место в идейном замысле и композиционном решении «Путешествия». Многие прогрессивные мыслители XVIII века, обличая общественную несправедливость, возлагали надежды на личную добродетель судей, на бескорыстно исполняющих свой долг чиновников (Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, М. Н. Муравьев, Г. Р. Державин и др.). Уже после выхода «Путешествия» из печати сущность таких воззрений была лаконично сформулирована В. В. Капнистом в «Ябеде» (действие I, явление 1):

...законы святы,
Но исполнители — лихие супостаты.

Рассказывая историю Крестьянкина, Радищев вступает в полемику с лучшими людьми своего времени. Крестьянкин честен, бескорыстен, справедлив; он безупречно выполняет свой долг, руководствуясь велениями рассудка, души и сердца («Имей душу, имей сердце — и будешь человек во всякое время», — писал Фонвизин в «Недоросле»). Это личность, буквально во всем противостоящая окружающей среде и вступающая с ней в активную борьбу. И тем не менее он терпит крах. Самое большее, что может сделать добродетельный чиновник, оставаясь на позициях законности (которую он связывает с естественными правами человека) и не вступая на путь революционной борьбы, — это «удалиться жестокосердия» и выйти в отставку, не желая быть участником в казни «невинных убийц». Одно бескорыстное исполнение долга, одна личная добродетель Крестьянкина оказываются бес-

сильными, ибо против него выступают и подчиненные ему чиновники, и вышестоящие инстанции в лице наместника. В галерее «сочувственников» и единомышленников Путешественника Крестьянкин — один из самых сильных, ибо он не боится вступить в борьбу, по существу, со всем своим классом. Но, сочувственно рисуя Крестьянкина самыми светлыми красками, Радищев подводит читателя к выводу о бессилии индивидуального протеста, бесплодности (но вовсе не бессмысленности!) индивидуальной борьбы. В то же время, одобряя и оправдывая устами Крестьянкина убийство асессора и его сыновей, Радищев недвусмысленно говорит и о бесполезности коллективного стихийного крестьянского «мщения», ибо оно ничего не меняет в самой структуре общества, а на место убитых угнетателей становятся другие, ничем от прежних не отличающиеся (в этом плане чрезвычайно знаменательно и многозначительно радищевское указание на то, что «асессорша за мужнину смерть мстить не желала... дабы не лишиться своего имения»).

Сказав сие, мы расстались и поехали всяк в свою сторону. В ранних редакциях глава оканчивалась этой фразой, заключительный эпизод был создан на последних этапах доработки «Путешествия».

Летний сад в Петербурге основан Петром I в 1706 году на берегу Невы и ответвляющейся от нее речки, названной Фонтанной (Фонтанкой). В конце XVIII века Летний сад — излюбленное место гуляния петербуржцев.

Баба, т. е. «Ба-ба!» — дача А. А. Нарышкина «Красная мыза», стоявшая на Петергофской дороге (ныне — пр. Стачек), на четвертой версте от Петербурга. Дом стоял слева от дороги; обширную территорию справа от нее до самого взморья занимал парк, разбитый «в английском вкусе», с каналами и прудами, по которым плавали гондолы и плоты, островами, беседками, качелями, кеглями и т. п. По воскресеньям тут бывали гулянья, играла музыка. Возле дачи А. А. Нарышкина находилась дача княгини Е. Р. Дашковой, а на десятой версте — дача Л. А. Нарышкина «Левендаль», или «Га-га!», где также происходили гулянья.

Дурындин женился. За внешней остро сатирической оболочкой следующего далее рассказа скрыты еще и внутренние, крайне язвительные и весьма злободневные намеки. Под именем Дурындина в комической пьеске

Екатерины II «За мухой с обухом» (1788) был выведен обер-шенк Александр Александрович Нарышкин (1726—1795). Чтобы дать понять, что и в «Путешествии» под Дурындиным подразумевается также Нарышкин, Радищев упомянул выше его дачу «Ба-ба!». Следовательно, прототип жены Дурындина, старой сводни госпожи Ш. — Анна Никитишна Нарышкина (1732?—1820), статс-дама, подруга и поверенная личных тайн императрицы. Именно А. Н. Нарышкина в июне 1789 года свела Екатерину с новым фаворитом П. А. Зубовым.

Едучи я читал. Рассказ о женитьбе барона Дурындина остро сатиричен; бытовая окраска, разговорно-просторечный стиль этой части главы резко контрастны по сравнению с серьезной манерой повествования Крестьянкина и особенно публицистическим, проповедническим характером его речи. Поэтому Радищев прибегает здесь к форме «письма» — излюбленного жанра сатирических журналов XVIII века. Но внутрь «письма» Радищев ввел еще драматургический комедийный диалог — прием, разработанный Д. И. Фонвизиным в журнале «Друг честных людей, или Стародум»; хотя издание «Стародума» было запрещено цензурой, Радищев, как явствует из главы «Завидово», бесспорно читал сочинение своего дальнего родственника в рукописи.

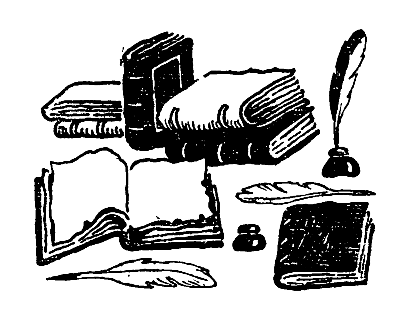
Поиграть в бирюльки. Игра заключалась в том, что на стол бросалась кучкой горсть палочек (бирюлек), соломинок и т. п.; играющий должен осторожно вытаскивать бирюльки по одной так, чтобы не шелохнулись соседние палочки и вся кучка.

Не дивись, мой друг! на свете все колесом вертится. Намек на очередную смену фаворитов при дворе в июне 1789 года.

А без дурындиных свет не простоял бы трех дней. Несмотря на внешнюю комичность заключительного эпизода главы, он прямо и непосредственно перекликается с ее первой трагической частью. Добродетельному и благородному чиновнику Крестьянкину противостоят в общественном и моральном плане светская проститутка и сводня госпожа Ш. и старый развратник и мот барон Дурындин. Крестьянкин терпит поражение и вынужден уехать в деревню — госпожа Ш. и Дурындин благоденствуют в столице. Без Крестьянкиных существующее общество отлично обойдется, «а без дурындиных свет не простоял бы трех дней».

Таким образом, этот кажущийся вставным эпизод находится в самой глубокой связи с композицией произведения. А в целом в главе «Зайцово» Радищев рассматривает проблему личной добродетели и бескорыстия (и как антитезу — личной недобродетели и корыстолюбия) в соотношении с общественной структурой.

Крестьцы

Крестьцы — с 1777 года город в 31 версте от Зайцова. Образован из Крестицкой ямской слободы.

Я сам отец и т. д. Слова Путешественника соответствуют биографии Радищева, отца двух сыновей, которым надлежало «идти в службу»: Василия — 1777 года рождения и Николая — 1778 г. Первенец Александр, родившийся 18 августа 1776 года, умер младенцем. Павел родился в 1783 году.

Из ста дворянчиков, вступающих в службу, 98 становятся повесами и т. д. По указу Петра I дворянин обязан был начинать службу в 15 лет рядовым гвардии. Без этого он не имел права на чины и звания, которые определялись «Табелью о рангах» (см. «Тосна»). При преемниках Петра детей записывали «в службу» младенцами. Живя дома, ребенок производился в следующий чин и к 15 годам становился офицером. Так, в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина Петр Гринев до рождения был записан в Семеновский полк сержантом и считался в отпуску «до окончания наук». Отец Гринева не захотел отправить сына в Петербург, где он научится «мотать и повесничать». Другие предпочитали, чтобы их дети делали карьеру при помощи знакомых и родственников. Только при помощи протекции и могли стать «штаб-офицер семнадцати лет, полковник двадцатилетний». Чины несли «богатство,

честь, разум», а погоня за ними учила раболепствовать перед сильными. О том, что чины часто давались не по заслугам, говорится в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (д. III, явл. 1): сын вошедшего в милость отца не идет на войну и получает чины, а отличившийся в сражениях Стародум обойден. О подхалимстве как условии получения чина Радищев писал в «Житии Ф. В. Ушакова». Государь «награждает того, кого назначают вельможи». Просители дают взятку не только вельможе, но и «секретарю его секретаря... писцам, сторожам, лакеям, любовницам и, если собака тут случится, и ту погладить не пропустят». Так вырабатывалась мораль, которую проповедует в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Молчалин, желающий угождать

...всем людям без изъятья:
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику во избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Фортуна, вертясь на курьей ножке. Римская богиня счастья Фортуна часто изображалась стоящей на шаре или колесе (символ изменчивости счастья). Радищев русифицирует образ, заменяя колесо курьей ножкой, на которой в сказках вертится избушка Бабы-Яги.

Отравлять и резать людей не своими всегда боярскими руками, но посредством лап своих любимцев. В ранних редакциях — «своих раболепцев и отходя от века сего (умирая.— *Авт.*) даст в наследие внукам твоим село, зовомое (называемое.— *Авт.*) село Крови». Значимое название деревни впервые появилось в «Отрывке путешествия в*** И*** Т***», который был напечатан в 1772 году в журнале Н. И. Новикова «Живописец», но, по мнению многих исследователей, принадлежит Радищеву (см. «Введение»). В «Отрывке» говорилось о деревне Разоренной. «Село Крови» звучит еще сильнее, однако Радищев изъял эти строки из «Путешествия», вероятно, потому, что хотел сказать о жестокости не только по отношению к крестьянам, но и ко всем, кто попадает в лапы вельмож.

Понятия о вещах были в них равные... но остроту разума и движения сердца природа в них насадила различно и т. д. В «Житии Ф. В. Ушакова» Радищев писал, что он и его друзья «мыслить научалися» по книге французского

философа-просветителя К.-А. Гельвеция «Об уме». Мысль Гельвеция о влиянии среды и обстоятельств на формирование характера развивается и в рассуждениях крестицкого дворянина, и в других главах «Путешествия». С некоторыми положениями Радищев не соглашался. Подчеркивая различие темперамента и способностей юношей, писатель возражал против утверждения Гельвеция, что люди от природы совершенно равны и только воспитание и обстоятельства делают их различными. В написанном уже в ссылке философском трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» Радищев продолжил спор: «Признавая силу воспитания, мы силу природы не отъемлем» (Соч., II, стр. 67). Роль природы и воспитания ясна уже из описания внешности юношей: «Взоры младшего были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движение оных необманчивый был знак благих советов отчих».

На отца своего взирали они с несвойственною им робостию и т. д. Юноши робеют и горюют, расставаясь с отцом, потому что искренне любят его, а не оттого, что чувствуют его власть. Таков итог воспитания, принципы которого излагаются далее.

Да познают человека из его деяний. Радищев считал, что нравственный облик человека раскрывается в его поступках.

Остаюся я на ниве моей и т. д. Отец остается, чтобы сыновья могли вернуться в родительский дом, когда им наскучит шум света или если они подвергнутся гонению.

Да будет соболезнуяй о них их сердце, да будет им творяй благостыню их рассудок — пусть соболезнует им их сердце и поможет рассудок.

Еже пребывати во внутренности душ ваших долженствует — которое должно пребывать в глубине душ ваших.

Да отнесет сие души вашей зыбление совет мой во святая ее и т. д. Отец хочет, чтобы волнение расстающихся с ним детей, его советы и образ сохранились в глубине души сыновей и оберегали их от зла и печали. После эмоционального вступления отец вспоминает, как воспитывались сыновья, и излагает свои взгляды на воспитание, отношения между людьми и долг гражданина. Поучение отца сыну — популярный жанр литературы средних веков, когда авторитет отца считался всесильным. Наиболее яркие памятники: «Об управлении империей» византийского императора Константина Багрянородного (X век), поучение

Владимира Мономаха (XII век), наставления сыну французского короля Людовика IX (XIII век) и др. В XVII веке письма-поучения писали и частные лица. Успехом пользовались опубликованные посмертно письма к сыну великого драматурга Ж. Расина, «Письма к дочери» французской писательницы М. де Севинье, опубликованные посмертно в 1726 году. Блестящим образом жанра в XVIII веке были письма к сыну видного английского государственного деятеля лорда Ф. Честерфильда, опубликованные после смерти и автора и адресата в 1774 году, несомненно известные Радищеву либо в оригинале, либо во французском или немецком переводах (другие произведения Честерфильда печатались в русских журналах 70—80-х годов; отрывки из писем вошли в «Новый и полный письмовник», изданный П. Богдановичем в 1791 году). Ряд родительских поучений помещен в русских журналах. «Наставление отца сыну, которого он отправляет в Академию» напечатал А. М. Кутузов в «Московском ежемесячном издании» (1781, ч. II, стр. 254—294). Отец требует, чтобы сын повиновался богу, «яко добрый христианин», знакомился с «мужами честными», дабы самому стать известным, читал древних авторов и остерегался «философских мечтаний» и т. д. В другом масонском журнале, «Покоящийся трудолюбец» (1784, ч. I, стр. 1—15), помещено «Увещание детям». «Страх господен да будет основанием всех ваших деяний»,— начинает автор, рекомендуя далее соблюдать верность государю, почтительно относиться к начальникам, размышлять о смерти и загробной жизни, избегать романов, которые «могут склонить к разным слабостям», а девицам вообще не стоит увлекаться чтением, ибо «их должность состоит в том, чтоб отправлять домашние дела», и т. д. Радищев говорит не о воспитании государственного деятеля, как это делает Честерфильд. Откровенно консервативным или бледным писаниям масонов противопоставлена речь крестицкого дворянина; в основе ее лежат передовые педагогические идеи Локка, Руссо, Гельвеция, вносит она и много нового, оригинального.

Прияв вас даже от чрева матерня и т. д. Исходя из мысли Локка о необходимости воспитания с момента рождения ребенка, отец помогал матери воспитывать детей, но (в отличие от указаний Локка и Руссо) без помощи наемных «рачительниц» и «рачителей», то есть нянек и учителей. Выдвигая на первый план воспитание в семье,

создавая образ идеального воспитателя-отца, Радищев расходился со многими просветителями. Гельвеций считал общественное воспитание выше семейного. В романе Руссо «Эмиль» ребенка, помещенного в идеальные, близкие к природе условия, воспитывает наставник, который простирает свою заботу так далеко, что сам подбирает воспитаннику невесту.

Вождаем собственныя корысти побуждением и т. д. Отец не требует от детей благодарности, ибо все сделанное для них доставляло наслаждение ему самому. Не считает он прочной связь, рожденную доводами рассудка или боязнью законов. Нерушима только душевная близость, и плохо тому, кто забудет о ней.

Поженет его в сокровенности его — будет терзать его в глубине души.

Становится она нам присудственна — присутствует она среди нас.

Не моей ли я в том искал пользы, да благи будете. Говоря, что рождение ребенка радостно для родителей как новое подтверждение их любви, что их собственная «польза» является источником желания вырастить детей здоровыми и как можно лучше воспитанными, крестицкий дворянин основывается на мысли Гельвеция о личном интересе (заинтересованности) как основном побудителе действий человека.

Вы мне ничем не должны; я ищу вашей дружбы. Несколько раз подчеркнутое отрицание обусловленных законами обязанностей детей вызвало особое негодование Екатерины. В замечаниях она писала, что эти страницы «служат к разрушению союза между родителей и чад и совсем противны закону божию, десяти заповедям, святому писанию и гражданскому закону» (Процесс, стр. 160). Гнев императрицы понятен: глава «Крестьцы» многократно опровергает X и XI параграфы «Устава Управы благочиния, или Полицейского», в которых говорилось: «Родители суть властелины над своими детьми», «Дети долг имеют оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь». Против узаконенного всевластия родителей, против любви, к которой обязывает детей полиция, и возражал Радищев устами крестицкого дворянина.

Познайте вину всех моих над вами деяний и т. д. Познайте причину моих действий. Изложенная далее система

воспитания и образования основана на самых передовых педагогических взглядах, а во многом и оригинальна. Исключен сохранявшийся еще у Локка страх перед наказанием как средством воспитательного воздействия. Приученные к осознанным поступкам юноши могут склониться к «совету дружества», но не терпят «повеления безрассудного».

Робкая нежность не присутствовала во мне и т. д. Отец закалял детей, учил их не бояться стихий, боли, приучал к непритязательной пище, к сознанию, что лучшей приправой, вызывающей аппетит, является труд.

Не ропщите... что не имеет казистого восшествия и т. д., то есть красивой (или модной) походки и манер.

Вы бегаете быстро... плаваете... подымаете тяжести... умеете водить соху, вскопать гряду, владеете косою и топором, стругом и долотом и т. д. Об этой широкой программе напомнил М. И. Калинин, говоря с значении трудового воспитания для советской молодежи («О воспитании в суворовских военных училищах». М., 1947, стр. 6). И в целом Калинин считал, что «мысли Радищева о воспитании и по сей день можно считать прогрессивными» («О коммунистическом воспитании». М., 1946, стр. 219).

Скакать не умеете как скоморохи... лучшее плясание ничего не представляет величественного и т. д. В «Едрове» (см. ниже) уменье плясать расценено как одна из самых привлекательных черт крестьянки, в «Медном» Путешественник с удовольствием смотрит на хоровод пляшущих. В написанном позднее «Памятнике дактило-хореическому витязю» Радищев назвал прекрасными современных мастеров балета Анджолини и Новерра (Соч., II, стр. 215). Таким образом, отрицательная оценка относится только к светским танцам, в которых крестицкий дворянин видит лишь нарочитое кривляние либо чувственность.

Музыка... делает мягкосердие в нас привычкою. Ниже мягкосердие будет отнесено к «частным добродетелям», которые являются основой «добродетелей общественных».

Варварскому искусству сражаться мечом и т. д. Отец научил детей владеть холодным оружием и выражает надежду, что они не будут без особой надобности им пользоваться и вызывать оскорбивших их на дуэль.

Не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями... излишними предметами (см. гл. «Подберезье»).

Далее речь идет об отказе от зазубривания недоступных в детстве понятий и постепенном расширении круга знаний.

Откровение — открытие истин духовных, связанных с понятием о боге. Не желая навязывать убеждений, отец знакомит детей как с доказательствами бытия бога, так и с противоположными точками зрения. Руссо считал нецелесообразным знакомить ребенка с религиозными вопросами до 15 лет.

Изучив — здесь научив. Рассуждение о необходимости знания родного языка связано с тем, что в дворянских семьях раньше всего обучали детей французскому языку. Предпочтение английского и латинского языков объясняется тем, что в них отражена «упругость духа вольности», которая может приучить разум «к твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным». В «Житии Ушакова» также подчеркнуто особое значение языка римской республики, которая, по мнению писателя, дала образцы гражданских добродетелей, и языка «гордых островитян», свергнувших Карла I и ограничивших власть монарха (см. Соч., I, стр. 179).

Но если рассудку вашему и т. д. Предоставляя некоторую самостоятельность в усвоении и выборе знаний, постигаемых разумом, отец особенно бдителен в области нравственности.

Мщение!.. душа ваша мерзит его. См. «Зайцово».

Чувствы ваши дошед до совершенства возбуждения и т. д. Дошед — дойдя. Речь идет о силе чувств и страстей, достигающих в юности полного развития. Когда сыновья были подростками, отец охранял их от изменчивых чувственных потрясений, показывал пагубные последствия, к которым приводит несдержанность, неумеренность страстей. Аналогичную систему предлагал применять А. Д. Кантемир в VII сатире «О воспитании».

Опытность моя, носяся над вами, яко новый Егид, охраняла вас от неправильных уязвлений и т. д. Опытность отца, подобно щиту (Егид — Эгида, мифический щит Зевса), охраняла сыновей от нравственных язв. Он надеется, что его советы и в дальнейшем будут освещать жизненный путь детей.

Правила единожития и т. д. — правила личной жизни — постоянное упражнение тела и развитие нравственных чувств. Знание наук, искусств и ремесел поможет в случае нужды кормиться трудом собственных рук. Изнеженность и излишества ведут к болезни. Соблюдая оп-

рятность, не следует бояться грязи, когда нужно помочь поднять погрязшую во рве телегу. Надо ходить в «хижины уничижения», то есть к беднякам, утешать нищего, отведать его «брашна» (пищи).

Страсти пробуждаться начинают и т. д. «Взгляд Радищева на страсти сближается с мыслями Гельвеция», — заметил Я. Л. Барсков (Радищев, Соч., т. I, стр. 485). Это верное указание нуждается в уточнении. Гельвеций считал, что как в мире физическом все было бы мертво без движения, так «страсти оживляют все в мире нравственном. Алчность направляет суда через пустыни океанов; тщеславие заполняет долины, сравнивает горы, пробивает путь сквозь скалы, воздвигает пирамиды... Любовь, говорят, отточила карандаш первого рисовальщика... Энтузиазм... возвел на степень богов благодетелей человеческого рода» и т. д. (Гельвеций. Об уме. М., 1938, стр. 170, 173 и др.). Это высказывание заострено против утверждения Декарта, что слабые души поддаются влиянию страстей, а сильные побеждают их (см.: Ренэ Декарт. Избранные произведения. Госполитиздат, 1950, стр. 609—623). Крестицкий дворянин указывает средний путь. Человек должен стараться управлять страстями, но плохо «быть совсем бесстрастну... Умеренность во страсти есть благо... Чрезвычайность во страсти есть гибель; бесстрастие есть нравственная смерть». Как путешественник, удаляясь от середины дороги, рискует попасть в ров, так требует середины и «шествие во нравственности», особенно в молодости. Когда же опытность, рассудок, сердце направляют страсть к благой цели, надо скинуть «бразды», то есть удила благоразумия.

Следуя сердцу в юности, не ошибетеся, если сердце имеете благое и т. д. Указывая на трудность исполнения «правил общежития», отец советует молодым людям поступать так, как велит доброе сердце, ибо самонадеянно доверять рассудку, не имея жизненного опыта, — безумие.

Не долженствует быть препинаемо — не должно встретить препятствий.

Закона священного — закона церкви.

Сократ — см. «Бронницы». Сенатом Радищев называет ареопаг, верховный суд древних Афин.

В России государь есть источник законов. По существу это перефразировка § 19 «Наказа»: «Государь есть источник всякия государственныя и гражданския власти».

Но если бы закон или государь, или бы какая-либо на земле власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим и т. д. Воспитание мужественных борцов против самодержавия, которых не могут сломить ни угрозы, ни наказания, — центральный пункт системы, изложенной крестицким дворянином. Не случайно Г. В. Плеханов указал на ее близость к педагогическим воззрениям революционных демократов и заметил: «Радищев явился у нас первым в ряду тех передовых учителей жизни, между которыми такое видное место заняли потом Чернышевский и Добролюбов» (Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXII. 1925, стр, 323). Дальнейшие слова: «...если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков» — отражают, несомненно, и раздумья писателя о собственной судьбе, о возможной каре за книгу. Мысль о бескомпромиссной защите правды, хотя бы она стоила жизни, делает беспочвенными рассуждения о либерализме крестицкого дворянина или самого Радищева.

Побуждения к добродетелям общественным... Предлог, над ним же вращаются, придает им важности. В отличие от частных добродетелей, основывающихся на добрых началах, к исполнению добродетелей общественных могут побуждать и тщеславие, и честолюбие. Важно, однако, не это, а повод, ради которого совершается действие.

В спасшем Курции отечество свое — В Курции, спасшем свое отечество. По преданию, в 362 году до н. э. в Риме разверзлась земля и образовалась бездонная трещина. Боги грозили величайшими бедствиями, если она не будет заполнена лучшим благом города. «Нет лучшего блага в Риме, чем оружие и храбрость», — воскликнул юноша Марк Курций и в полном вооружении на коне бросился в пропасть, и она сомкнулась.

Если же побуждения наши и т. д. С уважением относясь к подвигу вообще, крестицкий дворянин считает более высоким сознательное служение отечеству, источником которого является «человеколюбивая твердость души», и советует развивать частные добродетели как основу добродетелей общественных.

Исполнительные правила — правила, которые следует исполнять.

Амбицио. Обычай посещать заслуженных лиц молодыми людьми существовал у римлян. Крестицкий дворя-

нин видит в визитах к знатным особам раболепие. Сам Радищев, по словам сына, «никогда не изгибался и был врагом лести и подобострастия». Екатерина II в замечаниях написала: «Сочинитель паки сорвался на любимый его предмет: непосещение знатных особ; он говорит, что сей обычай скаредный, ничего не значущий, робкий, а в посещаемом показующий дух надменности и слабый рассудок» (Процесс, стр. 161).

Сжатый рассудок — ограниченный ум.

Юлий Кесарь — Юлий Цезарь (100—44 до н. э.) — один из самых выдающихся полководцев, ораторов и государственных деятелей Древнего Рима.

Возненавидит ее сердце твое и яко чувственница увядать станет прикосновением твоим, но мгновенно и т. д. Чувственница — один из видов мимозы, листья которой свертываются от легкого прикосновения. Судя по рукописям и смыслу, пропущено «не», то есть: как мимоза, увядать станет, но не мгновенно, а стрелы ее (добродетели) издалека язвить тебя станут и терзать.

Если ненавистное счастие истощит над тобою все стрелы свои... восхити венец блаженства... Умри и т. д. Восхити — похить. Взгляд на самоубийство как акт гражданского мужества, как форму протеста против насилия характерен для большинства просветителей XVIII века. В России с наибольшей определенностью эту точку зрения выразил Я. Б. Княжнин в трагедиях «Росслав» и «Вадим Новгородский».

В наследие вам оставляю слово умирающего Катона. Марк Порций Катон Младший (ок. 96—44 до н. э.) — римский политический деятель, последовательный республиканец. Узнав о невозможности спасти республику, Катон потребовал, чтобы ему вернули спрятанный меч. «Неужели вы думаете силой удерживать в живых человека», — спросил он друзей. Получив меч, Катон удовлетворенно сказал: «Теперь я сам себе хозяин» — и закололся (см.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1964, т. III, стр. 72—73).

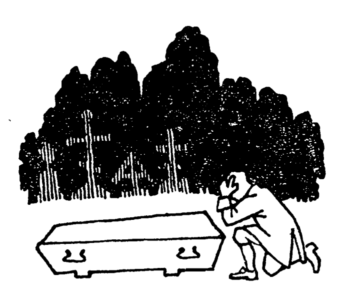
Умей умереть и в пороке и т. д. Убежденный в силе духовной связи, отец уверен, что воспоминание о нем удержит детей от зла. Если же сердце сына не дрогнет, значит зло победило. В таком случае лучше смерть, чем постыдная жизнь.

Вещавшу сие старцу — когда старец говорил это.

Веси, николи не утруждал — ведаешь, никогда не утруждал.

Доказательства его о ничтожестве власти родителей и т. д. Путешественник согласен с крестицким дворянином, что юноши должны уважать старцев, неопытные молодые люди — более мудрых, но узаконение беспредельной родительской власти бессмысленно, ибо связь поколений может основываться на любви и уважении, а не на корысти. «Если отец в сыне своем видит своего раба и власть свою ищет в законоположении, если сын почитает отца наследия ради, то какое благо из того обществу? Или еще один невольник в прибавок ко многим другим, или змия за пазухой». Эти слова, опять-таки направленные против § X «Наказа Управе благочиния», рассердили Екатерину и как автора данного «Наказа», и как мать, отстранившую сына от власти и видевшую в нем «змию за пазухой». Она разгневанно написала: «Тут паки упоминается о ничтожестве власти родителей над детьми, что противно закону христианскому и гражданскому... еще более распространяет сей незаконный толк и суще развратный... и уважения никакого не видно тут к закону божию и гражданскому» (П р о ц е с с, стр. 161). Императрица была по-своему права: ни у крестицкого дворянина, ни у Путешественника, ни у создавшего их образы писателя уважения к подписанным ею полицейским законам не было.

Яжелбицы

Яжелбицы — *село* и станция с путевым дворцом в 38 верстах от Крестьцов.

Сына, его же мертва — сына, которого мертвым.

Я смерть его уготовал до рождения его и т. д. Отец признается, что полученная им в молодости венерическая болезнь была причиной болезней и смерти сына.

Убийца лютейший других — убийца более лютый, чем другие.

Казалося мне, я слышал мое осуждение и т. д. Екатерина II заметила, что эти страницы «описывают следствия дурной болезни, которую сочинитель имел» (Процесс, стр. 161). Советские литературоведы расходятся в вопросе об автобиографичности этой главы. Так, Я. Л. Барсков писал: «Далеко не везде мнимый автор «Путешествия» совпадает с действительным, и потому «я» и «мой» в данном месте нет основания относить к самому Радищеву» (Барсков, стр. 415). Г. П. Макогоненко также полагает, что «никакого отношения к Радищеву исповедь Путешественника не имеет» («Радищев и его время», стр. 437). Напротив, А. И. Старцев утверждает, что «размышления Радищева в «Яжелбицах»... не являются лишь социологическим обобщением, но связаны с печальным опытом его безнадзорной юности в университетском немецком городе» (Старцев, стр. 146—147). Действительно, болезни студентов в Лейпциге явились результатом «невоздержания в любострастии». Как писал сам Радищев в «Житии Ф. В. Ушакова», еще до отъезда в Лейпциг Ушаков «почувствовал в теле своем болезнь, неизбежное следствие неумеренности и злоупотребления телесных услаждений» (Соч., I, 160), и умер 7 июня 1770 года. Вернувшийся в Россию В. П. Трубецкой умер летом 1771 года, по предположению А. И. Старцева, от болезни, полученной в Лейпциге («Университетские годы», стр. 19, 22—23). Но если в исповеди Путешественника действительно нашли отражение впечатления юности Радищева, то для полного отождествления этой исповеди с биографией автора «Путешествия» достаточных оснований нет.

Кто мне порукою в том, что не я был причиною ее кончины? Отождествлять биографию Радищева с исповедью Путешественника в этом пункте нельзя. Сын писателя П. А. Радищев рассказывал о смерти матери следующее: «Анна Васильевна... скончалась в августе 1783 года, вскоре после рождения третьего сына, того именно, который сообщает эти подробности. Смерть ее приключилась от испуга. Она уже начала оправляться после родов, как вдруг в одно утро ударили в трещотки по причине случившегося пожара. В Петербурге было тогда такое обыкновение. Анна Васильевна была пуглива, нрава впечатли-

тельного и хотя веселого, но скоро переходила к грусти. Медики говорили, что молоко поднялось кверху и она, еще слабая, не могла перенести этого кризису. Радищев был в отчаянии» (Биография А. Н. Радищева, стр. 57).

Но кто причиною, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения и т. д. Венерические болезни были широко распространены в большинстве европейских стран и России, чему способствовали и разврат высших классов, и низкие культурно-бытовые условия, и социально-экономические причины, вызывавшие развитие проституции — открытой и тайной. В ряде стран официально существовали публичные дома (например, в Пруссии). В России «Устав благочиния» 1782 года запрещал «дом свой или нанятой открыть днем или ночью всяким людям ради непотребства» и предусматривал наказание за сводничество, однако наряду с этим в Петербурге были отведены для «вольных домов» особые районы. Таким образом, обвинения Радищева относятся не только к правительствам «некоторых государств» Европы, но и непосредственно к России.

Молчите, скаредные учители, вы есте наемники мучительства; оно, *проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестию в оковы* и т. д. Екатерина II особо отметила это место, и на следствии Радищеву был задан вопрос: «Для чего вы поместили брани на проповедующих всегда мир и тишину?» Писатель ответил уклончиво: «Мысль моя была порицать защитников публичных женщин, а особливо тех авторов, которые преподают установления о них, как то есть о сем книга, называемая «Порнограф» (Процесс, стр. 179. — Имеется в виду книга французского писателя Ретифа де ла Бретонна, изданная в 1770 году). На самом деле, однако, Радищев, связывая воедино нравственно-этические и политические явления, обвиняет прямо и непосредственно российское «мучительство», русское правительство Екатерины II и его апологетов. Для русского читателя XVIII века эта направленность радищевского обличения была очень ясной: начиная с 1775 года, с момента подавления пугачевского восстания, в правительственных указах и документах, изданных Сенатом или подписанных самой императрицей, регулярно повторялась фраза о «мире и тишине», воцарившихся в государстве «к общему блаженству

подданных». Настойчиво проповедывал идею «мира и тишины» изданный в 1782 году «Устав благочиния, или Полицейский»; его авторов (а одним из них была сама Екатерина, о чем писатель, вероятно, знал) Радищев и имеет в виду под «скаредными учителями», «наемниками мучительства», «рабами», которым «сродно желати всех зреть в оковах». Именно этой конкретной направленностью против одного из основополагающих документов русского самодержавия объясняются и гневный пафос Радищева, и ярость императрицы.

Валдаи

Валдаи — Валдай, город и почтовая станция с путевым императорским каменным дворцом в 21 версте от Яжелбиц.

Новый сей городок, сказывают, населен при царе Алексее Михайловиче взятыми в плен поляками. Как село Валдаи упоминаются в летописях с XV века. Во время похода Ивана Грозного на Новгород в 1569—1570 годах Валдаи были сожжены; вновь разорены шведами в 1611 году. До 1653 года село принадлежало дворцовому ведомству, и сюда действительно при Алексее Михайловиче переселены поляки. Затем до 1764 года Валдаи были вотчиной Иверского монастыря (см. дальше). Указом от 3 апреля 1772 года Валдаи, Вышний Волочок, Боровичи и Осташковская слобода, по выражению Радищева, «произведены в города».

Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних и т. д. Валдаи, действительно, славились в XVIII веке развратом: Г. Р. Державин рассказывает о том, как в 1766—1767 годах он с солдатами под начальством подпоручика Преображенского полка Алексея Ивановича

Лутовинова был командирован в Яжелбицы «для надзирания за исправностию наряженных с ямов лошадей, изготовленных для шествия императрицы и всего ее двора» в Москву по делам Комиссии по составлению нового Уложения. Такой же командой в Зимогорье (Зимногорье) — яме в двух верстах от Валдаев — начальствовал старший брат Алексея — капитан-поручик Петр Иванович Лутовинов. Целую зиму, с ноября до конца марта, братья «упражнялись» «в зазорных поступках и в неблагопристойной жизни, то есть в пьянстве, карточной игре и в обхождении с непотребными ямскими девками, в известном по распутству селе, что ныне город, Валдаях... Там проводили иногда целые ночи на кабаке, никого, однако, посторонних, кроме девок, не впущая» (Соч. Державина, т. VI, стр. 447).

Сравнивая нравы жителей сея в города произведенныя деревни. По данным на 1786 год в Валдаях насчитывалось 800 домов с 2700 жителей.

Подумаешь, что она есть наидревнейшая и что развратные нравы суть единые токмо остатки ее древнего построения. Радищев, по-видимому, имеет в виду известный с античности афоризм о проституции как второй древнейшей профессии.

Лада — «славянская богиня браков, любви и веселия» (М. Чулков. Словарь русских суеверий. Спб., 1782, стр. 189).

Иверский монастырь основан в 1652—1653 годах.

Никон (1605—1681) — выдающийся церковно-политический деятель, с 1652 года патриарх; возглавил проведение церковных реформ (сопротивление нововведениям Никона вылилось в раскол — см. «Любани»). При этом Никон стремился поставить церковь выше светской власти, тогда как царь Алексей Михайлович желал подчинения духовной власти светскому правительству. В 1658 году Никон сложил с себя патриаршую власть. Церковный собор 1666 года лишил Никона сана патриарха и сослал в Белозерский монастырь.

Сей новый Леандр... сия новая Геро. Радищев сатирически переосмысляет античный миф о верной любви юноши Леандра из города Абидоса к Геро, жрице храма Афродиты в городе Сесте, расположенном на противоположном берегу пролива Геллеспонт. Каждую ночь Геро зажигала фонарь на башне, а Леандр переплывал

Геллеспонт. Однажды буря погасила огонь маяка, и юноша утонул; Геро в отчаянии бросилась в море и погибла. Миф лег в основу многих произведений мировой литературы.

Будущу ему на среде пути — когда он был на середине пути.

Мазаные валдайские и зимногорские сирены. Радищев иронически использует античный миф о сиренах — прекрасных обольстительницах, полуженщинах-полуптицах. Своим волшебным пением сирены очаровывали мореходов, которые становились их добычей.

Едрово

Едрово — населенное ямщиками и их семьями большое село и почтовый ям Новгородской губернии в 23 верстах от Валдаев. «Дворец путевой и хорошие поселянские домы» отмечены в «Словаре географическом» А. Щекатова (М., 1807).

Без покрова хитрости — без кокетливо наброшенной кружевной или газовой косынки.

Не сделать... визита воспитательному дому — т. е. не отнести незаконнорожденного ребенка в воспитательный дом (см. «Спасская Полесть»).

Вы, право, того не стоите... Я побегу от вас во всю конскую рысь к моим деревенским красавицам и т. д. Внешнее и нравственное уродство щеголей и щеголих осмеяно в комедиях А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина («Бригадир»), Я. Б. Княжнина, сатирических журналах Н. И. Новикова, И. А. Крылова и во многих других произведениях XVIII века. У самого Радищева в «Беседе о том, что есть сын Отечества» нарисован не только смешной, но и страшный щеголь, «соделавший голову свою мучным магазином, брови вместилищем сажи, щеки коробками белил и сурика, или, лучше сказать, живописною па-

литрою»; его «распутная жизнь, знаменуема смрадом из уст и всего его тела происходящим, задушается целою аптекою благовонных опрыскиваний» (Соч., I, стр. 216). Этот противный «красавчик» сродни щеголихам, о которых идет речь в «Едрове». Сравнивая же два типа женской красоты, писатель повел наступление на основы современной ему эстетики. Сами по себе такие сравнения делались задолго до «Путешествия», но обычно идеалом считался облик «высокой госпожи». «Кто не следует природной склонности? Крестьянин не тронется во веки заразами (т. е. прелестями. — *Авт.*) несравненной О... хотя от ней четыре графа и шестеро дворян спокойствия лишаются, между тем крестьянин не меньше любит свою грубую красавицу. Маленькие животные со своим родом животных в воздухе пресмыкаются; всякая тварь с подобною себе сообщение имеет; красавица по сердцу приказных людей делает отвращение душам благородным; напротив того, приятности Калистины грубы и развратны кажутся целому роду Хамова поколения», — писали сотрудники журнала «Полезное увеселение» (1762, стр. 137). Признавая, таким образом, что в каждом сословии есть свое представление о красоте, автор статьи недвусмысленно ставит читателя в известность, что он отдает предпочтение «несравненной О.», прелесть которой недоступна простым людям. Радищев решает вопрос диаметрально противоположно. Бездельники и бездельницы считают смешными все черты, на которых лежит отпечаток труда; естественность и красота для них понятия несовместимые. Они уродуют ноги тесной обувью, затягиваются в корсеты с риском не только для себя, но и для будущих детей, которые рождаются с искривленными костями, украшают лицо белилами и румянами; душу — ложью. Им и противопоставлены естественные, здоровые, трудолюбивые, лучащиеся природной красотой крестьянские девушки. Вскоре мысль Радищева частично повторил Крылов: «Быть дородною, иметь природный румянец на щеках — пристойно одной крестьянке... В нынешнем просвещенном веке вкус во всем доходит до совершенства, и женщина большого света сравнена с голландским сыром, который только тогда хорош, когда он попорчен» (Крылов. Соч., I. М., 1945, стр. 330). В XIX веке, вероятно, независимо от Радищева, мысль о различном понимании идеала красоты в разных слоях общества и высокая оценка народного представления о

прекрасном обоснованы и развиты революционными демократами. Как не раз указывалось в литературе, избрание примеров для сравнения, отношение к ним и ход мыслей Радищева предвосхищают известный пример Н. Г. Чернышевского, сравнивающего представление о красавице в селе и в городе. «Свежий цвет лица и румянец во всю щеку — первое условие красоты по простонародным понятиям. Работая много, поэтому будучи крепка сложением, сельская девушка при сытной пище будет довольно плотна... светская «полувоздушная» красавица кажется поселянину решительно «невзрачною»... у сельской красавицы не может быть маленьких ручек и ножек, потому что она много работает» и т. д. «Увлечение бледною болезненною красотою — признак искусственной испорченности вкуса» (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949, стр. 10—11). Близка к рассуждениям Радищева и Чернышевского мысль Н. А. Добролюбова, который назвал «ложным идеализмом» восхищение бледностью лица, тонкостью талии, маленькими ручками и ножками и указывал, что источником его является «презрение к простому, здоровому развитию организма», ко всему, что «пробуждает мысль о физическом труде» (см.: Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, т. 2. М.-Л., 1962, стр. 438).

В пять вершков. Вершок — мера длины, $^1/_{16}$ аршина. Аршин — 71 см., вершок — около 4,4 см.

Трехчетвертной стан — талия в $^3/_4$ аршина, около 54 см. в обхвате.

Особливо с несчастными, подвластными их велениям, — т. е. особенно с крепостными.

В бывшее Пугачевское возмущение... (повесть сия не лжива) (т. е. истинна. — *Авт.)* и т. д. По поводу подчеркнуто правдивого рассказа о том, как крестьяне везли на расправу к Пугачеву «доброго» барина, который бесчестил крестьянок, Екатерина заметила: «Едва ли не история Александра Васильевича Салтыкова». Возможно, она права. Над женолюбием Салтыкова подсмеивались поэты XVIII века (Ю. А. Нелединский-Мелецкий), к старости за ним закрепилось прозвище «а ля-Кок» (вроде петуха, под петуха). Одно из имений Салтыкова находилось в Пензенской губернии, где жили родители Радищева. Писатель ездил к ним в 1775 году, сразу после восстания Пугачева, и мог услышать о только что происшедшей истории.

Вы искали правосудия в самозванце! Но почто вы не поведали сего законным судиям вашим? и т. д. Путешественник передает логический ход мысли современного ему читателя. Не самозванец, а законный суд должен судить насильника. Но тут же напоминает о случаях в Любани, Зайцово: «Крестьянин в законе мертв» — и впервые вносит оптимистическую ноту: «Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет». Об этих словах Екатерина написала: «Суть примечания достойны и суще возмутительны» (т. е. зовут к возмущению. — *Авт.*). Во время следствия Шешковский уделил особое внимание эпизоду, обвиняя Радищева в том, что он считал виновными в пугачевском восстании самих помещиков, оправдывал крестьян, давал волю «людям, не имеющим совершенно просвещения... страшною и бесчеловечною карать казнию в противность не только государственных, но и божеских законов, ибо никто в собственной обиде судьею быть не может». Писатель, оправдываясь, отрицал желание привести крестьян «к возмущению», но признал, что хотел дурных помещиков «посрамить, а не меньше и навести страх» (Процесс, 179).

Батюшка нам оставил пять лошадей и три коровы... мелкий скот. Анюта —дочь зажиточного ямщика: по закону ямщикам полагалось иметь три лошади. Беда семьи в отсутствии мужчины, который мог бы использовать лошадей по назначению.

Сватали... за парня десятилетнего и т. д. Браки между 9—10-летним мальчиком и взрослой девушкой были распространены. Обычно они совершались по воле помещика, которому нужна была лишняя «семья», чтобы наложить на нее тягло (повинность). Иногда они вызывались потребностью во взрослой работнице в самой крестьянской семье. Против таких браков резко возражал М. В. Ломоносов в статье «О размножении и сохранении российского народа». Правительственные указы 1775 и 1781 годов запрещали венчать мальчиков, но указы часто нарушались, особенно в крепостных имениях. В результате распространялось то, о чем идет речь далее, — сожительство свекра с невесткой, снохачество. Анюта могла отказаться от мужа-мальчика только потому, что она не крепостная, а дочь ямщика. Ямщики — казенные крестьяне, для которых подушная подать (см. «Любани») заменялась гоньбой на своих лошадях. Если почтовый ям становился городом,

как, например, Валдаи, ямщики записывались в сословие мещан, а при желании и наличии средств — в купцы. Трудность положения Анюты была в том, что отец жениха, лишавшийся работника, требовал выкуп — сто рублей, а их не было. Анюта же не могла уйти из дому, ибо была единственной работницей в семье.

Не пускай его... он идет на свою гибель и т. д. Путешественник уговаривает Анюту не пускать жениха в Петербург на заработки, мотивируя это страшным примером господ, который развращающе действует на служителей. В «Записке о податях Петербургской губернии» (Соч., III, стр. 112) Радищев писал о необходимости принять меры, затрудняющие отход крестьян в города, в связи с тем, что это пагубно сказывается на земледелии и снижает рождаемость. Как показывают исторические источники, в конце XVIII столетия более 1/3 взрослого мужского населения России занималось неземледельческими отхожими промыслами (см.: Барсков, 423).

Матушка... худое подумает и т. д. Боязнь Анюты, чтобы мать не огорчилась, не подумала плохо, ибо одно ее слово «тяжелее всяких побоев», говорит о глубоком уважении дочери, которое, по мнению крестицкого дворянина, является подлинным основанием духовной связи между родителями и детьми.

Принес ей то, что надобно для отвлечения препятствий в сем деле и т. д. Не слушая Анюты, Путешественник предлагает матери необходимые для свадьбы сто рублей. Ее отказ взять деньги, хотя они и предложены с самыми чистыми намерениями, исполненная чувства собственного достоинства отповедь обнаруживают высокую нравственность этой простой женщины и дают читателю повод для размышлений о поведении дворянских матушек в аналогичной ситуации.

Едущу мне из Едрова — Когда я ехал из Едрова.

Выпросит в почетные девицы — т. е. добьется придворного звания фрейлины.

Едущую четверней, если она ходит пешком, или едущую цугом вместо двух заморенных кляч и т. д. Чтобы устранить соперничество в роскоши выезда и вместе с тем поддержать престиж чиновных особ, правительство издало специальный закон, которым регулировалось число лошадей и характер украшения экипажей в зависимости от положения по «Табели о рангах» (см. «Тосна»). Особы пер-

вых пяти классов могли ездить в соответствующей каждому классу карете на шестерке или четверке лошадей. Лицам шестого — восьмого классов полагалась четверка лошадей. Обер-офицеры ездили в коляске, запряженной парой. Нечиновные, какими бы средствами они ни располагали, должны были довольствоваться одной лошадью. Выезд цугом — четверка или шестерка лошадей, запряженных попарно.

Первостатейного — здесь: вельможу.

Кан... бес... — каналья, бестия.

Анюта, Анюта... Для чего я тебя не узнал лет 15 тому назад и т. д. Мысль об активной силе добра и красоты характерна для многих европейских и русских просветителей. У Радищева она приобретает особую остроту благодаря тому, что он почти физически ощутимо воспроизвел состояние нравственного потрясения человека. Встреча с прекрасной во всех отношениях девушкой заставляет Путешественника пересмотреть жизнь, заглянуть в тайники своей души, признаться в поступках, о которых и исповедуясь не говорят. И потому так убежденно звучит его призыв к Анюте вернуть на путь добродетели тех, чьи сердца не заскорузли окончательно.

Обидящ, уязвляющ — готовый обидеть, уязвить.

Уже вижу двадцатый столп — двадцатый верстовой столб. Путешественник проехал двадцать верст.

Но что такое за обыкновение... Ее хотели отдать за десятилетнего ребенка и т. д. Возвращая Путешественника к мысли о вреде браков неравных по возрасту людей, автор передает свои раздумья. Уже при Павле I, когда ссылка в Сибирь была заменена ссылкой в село Немцово Калужской губернии, автор «Путешествия» вызвал недовольство крестьян, запретив женить мальчиков, о чем писал Воронцову: «Я вызвал неудовольствие своих крестьян, запретив им женить малолетних, что является здесь обычаем почти повсеместным и может быть причиною тому, что население вовсе не будет возрастать...» (Соч., III, стр. 495). Для уточнения заметим, что село принадлежало не писателю, лишенному за свою книгу прав и состояния, а его детям.

Прости, любезная моя Анютушка, поучения твои вечно пребудут в сердце моем впечатленны и сыны сынов моих наследят в них, — то есть внуки будут

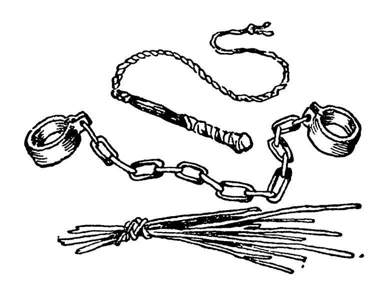
наследниками их (последуют им). Этими словами заканчивалась глава в рукописных редакциях.

Видно, барин... что ты на Анютку нашу призарился. Да уж и девка! и т. д. Разговор с ямщиком, двоюродным братом жениха Анюты, появился на последней стадии работы над «Путешествием». Как автоирония Путешественника, так и бытовые сцены, шуточные диалоги разряжали напряжение читателя, вызванное публицистическими или исповедальными монологами, трагическими картинами. С едровским ямщиком в произведение входил едва ли не единственный образ веселого крестьянина. «Улыбаясь и поправляя шляпу», молодой человек подсмеивается над барином: «Не одному тебе она нос утерла». Он довершает характеристику Анюты, одного из самых важных персонажей «Путешествия» как в идейном замысле книги, так и для понимания художественного метода Радищева. Н. К. Пиксанов сравнивал Анюту как реалистический образ с чувствительной героиней повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» («XVIII век», сб. 3. М., 1958, стр. 309—325). Созданный Радищевым образ важен и потому, что в нем воплощены те лучшие черты народа, которые помогают и автору и читателю верить в светлое будущее России, и потому, что каждая черта Анюты, каждый ее поступок мотивирован. «Девка в сие время смотрела на меня, выпяля глаза с удивлением», — замечает Путешественник. Перед нами не поэтическая «поселянка», а удивленная уважительным отношением крестьянка. Баре обычно наглы, развязны, а бывало и хуже: ямщики в жалобах императрице обвиняли порою господ не только в грабежах и битье, но и в «насильном забрании жен и содержании оных под караулом». Но в отличие от крепостных они имели право и сопротивляться (не зря их жен «под караулом» держали!), и жаловаться. Понятна поэтому и недоверчивость Анюты, и ее смелость: «Часто мы видим таких щелкунов... проходи своею дорогою». Ее, не крепостную, не ждет принудительный брак (см. «Медное», «Черная грязь»). И трудиться она для своей семьи вдохновенно: «Как пойдет в поле жать — загляденье», — нахваливает ямщик, не забывая прибавить: «Какая мастерица плясать! всех за пояс заткнет». Не все таковы, как Анюта. Люди различны от природы. Есть примеры окружающих. Барский разврат сказывается и в деревнях. И все-таки много в селах таких, каких «в городах слыхом не слыхано, видом не видано». Кол-

лективным портретом девушек (в начале главы) подчеркнута типичность внешности Анюты. Цельность ее души, нравственную чистоту, стойкость в испытаниях воспитала мать, благородству которой дивится Путешественник. Образ Анюты важен как свидетельство духовных сил, таящихся в народе. Радищев подчеркнул и обусловленность появления такого цельного характера, и его типичность. Через семьдесят с лишним лет мы узнаем его в величавом типе «красивой и мощной славянки», созданном Н. А. Некрасовым в поэме «Мороз, Красный нос».

Всяк пляшет, да не как скоморох... и подняв развертывая... Это обычная ироническая концовка, и усматривать в ней свидетельство скептического отношения Путешественника (и Радищева) к поднятому «проекту» нельзя (ср. «Торжок», «Тверь», «Черная грязь» и др.).

Хотилов

Хотилов — село и почтовый ям с деревянным императорским путевым дворцом в 36 верстах от Едрова.

Проект в будущем. Отсюда и до слов «...о нас да не скажет: они были» текст представляет собой проект манифеста, сочиненного, как выясняет далее Путешественник, его «искренним другом», которого он называет «гражданином будущих времен». Этому же персонажу принадлежит «проект» в «Выдропуске» и записки об аукционе в «Медном». Завершение «проектов» рассказом о продаже крестьян и вывод, что свободы можно ожидать лишь «от самой тяжести порабощения», т. е. от восстания угнетенных, показывают эволюцию взглядов «гражданина будущих времен». Нельзя, однако, употреблять по отношению к «Хотилову» (как и «Выдропуску») понятия «либеральный», «реформистски-монархический», переосмыслившиеся к началу 60-х годов XIX века, когда произошло размежевание

между либералами-постепеновцами и революционными демократами. История сложилась так, что декабристы, представители первого этапа русского освободительного движения, разделяли идеи «гражданина будущих времен». Нет в «проектах» также ни обращения к Екатерине II, ни сатиры на ее манифесты. Они вообще не имеют отношения к екатерининской России, поскольку речь в них идет об очень далеком будущем, и Радищев подчеркивает это многократно: на это указывают и заглавия «проекты в будущем», и то, что Радищев устами Путешественника именует автора «проектов» «гражданином будущих времен»; и конкретные черты социального уклада новой, будущей России, которые перечисляются в начале хотиловского «проекта», но которые никак не характерны для российской действительности конца XVIII века; об этом же с полной определенностью говорили имевшиеся во всех рукописных редакциях «Путешествия» (отчасти сохранившиеся и в печатном тексте) прямые и косвенные указания на то, что дело происходит в XIX столетии.

Доведя постепенно любезное наше отечество до цветущего состояния, в котором оное ныне находится... Наслаждаяся внутреннею тишиною, внешних врагов не имея. Эта преамбула «проекта в будущем» характеризует те изменения в жизни России, которые, по мысли «гражданина будущих времен», должны произойти для того, чтобы стало возможным издание манифеста. Черты новой, будущей России во всех пунктах отличаются от России XVIII века: науки, искусства и ремесла возведены до высочайшей степени совершенства (ср. суждения Радищева о современном их состоянии в «Спасской Полести»); человеческий разум «возносится везде к величию», не встречая препятствий (см. о цензуре в «Торжке») и не будучи скован заблуждениями (см. «Подберезье»); нет религиозных распрей, существует свобода вероисповедания (см. «Торжок»); законы основаны на разуме и науке (на неразумность существующих законов, путаницу в них, несоответствие основам естественного права Радищев указывал неоднократно: см. «Любани», «Чудово», «Спасскую Полесть», «Новгород», «Зайцово» и мн. др.); граждане равны перед властями, «равенству в имуществах» соответствует «ясность в положениях о приобретении и сохранении имения», частная собственность неприкосновенна и «всеми свято почитаема» (см. «Любани», вторую часть «Спасской Полести» и др.);

в этом государстве будущего царит внутренняя тишина (см. «Зайцово», «Едрово» и др.), оно не имеет внешних врагов (а во время завершения и издания «Путешествия» Россия воевала с Турцией и Швецией, очень напряженными были отношения с Пруссией и т. д.; см. примеч. к «Спасской Полести»).

Зверский обычай порабощать себе подобного человека и т. д. Автор «проекта» полагает, что крепостное право («рабство») не основано на законах, а является следствием «обычая». Подобные воззрения разделяли и многие декабристы. Так, например, в записке «О легкой возможности уничтожить существующий в России торг людьми», поданной Александру I в 1823 году, В. И. Штейнгель писал: «Таковое право продавать людей никаким законом положительно не утверждено; оно вкралось злоупотреблением и укоренилось временем... Законами, историею и государственным архивом подтверждаемая истина доказывает, что доныне существующая в России продажа людей, справедливое бесславие всей нации наносящая, никогда прямо не была дозволяема ее великими монархами и потому не может, по всей справедливости, почитаться законною» (Д е к., 1, стр. 235).

Словуты в коленах — прославлены в поколениях.

Известно вам... что мудрые правители нашего народа... старалися положить предел стоглавому сему злу. Здесь, очевидно, имеются в виду некоторые мероприятия Петра I и Екатерины II. Петр высказывался против торговли крепостными в розницу, пытался ограничить помещичий произвол в отношении браков крестьян, предписал отбирать имения у помещиков, злоупотреблявших крепостным правом, и т. д. По инициативе Екатерины Вольное экономическое общество в 1766 году объявило конкурс на тему: «Что полезнее для общества: чтобы крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение». В своем «Наказе» Комиссии по составлению нового Уложения Екатерина напоминала о законах Петра относительно помещиков, злоупотреблявших крепостным правом.

Державные предки наши... ухищрением помянутого в государстве чиносостояния подвигнуты стали на противные рассудку их и сердцу правила. В результате реформ Петра дворянство получило в наследственную собственность земли с приписанными к ним крестьянами, а затем и исключительное право владеть крепостными. При Екатерине, в

связи с отменой обязательной службы дворян и другими привилегиями дворянству, крепостные потеряли все гражданские права и стали «в законе мертвы» (см. подробнее примеч. к главе «Любани»).

Служители божества предвечного... старалися... доказать вам жестокость вашу, неправду и грех и т. д. Ничего подобного духовенство XVIII века помещикам не доказывало. Здесь автор «проекта» говорит опять-таки о будущем времени.

Но се несчастие смертного на земле: заблуждати среди света и не зрети того, что прямо взорам его предстоит. Это — повторение мысли Радищева, включенной в посвящение «А. М. К.»: «...бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы».

В училищах, юным вам сущим, преподали вам основания права естественного и права гражданского и т. д. Юным вам сущим — когда вы были юными. В училищах 80-х годов «основания права естественного и права гражданского» не преподавались (об этом и рассуждает семинарист в «Подберезье») и, говоря об обратном, Радищев еще раз подчеркивает, что в «проекте» речь идет о России будущей, существенно отличающейся от России екатерининского времени. О природном равенстве, о естественном и гражданском праве Радищев писал в главах «Любани», «Новгород», «Зайцово» и др.

Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; нерастленный закон гражданский скажет: собственное благо. Эта фраза — ответ монарха (от лица которого пишет свой «проект» «гражданин будущих времен») на вопрос, поставленный теорией «гражданского договора»: во имя чего люди «положили предел» свободе в естественном состоянии и вступили в гражданское общество. Как указал А. И. Старцев (стр. 151), ответ вымышленного монарха сформулирован почти в тех же словах, что и ответ на аналогичный вопрос судьи-просветителя Крестьянкина в главе «Зайцово»: «Для своея пользы, скажет рассудок; для своея пользы, скажет внутреннее чувствование; для своея пользы, скажет мудрое законоположение».

Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее? и т. д. Здесь и далее устами «гражданина будущих времен» Радищев выдвигает революционное требование: земля должна быть собственностью тех, кто ее обрабатывает,

то есть крестьян. При этом, помимо социальных и этических аргументов, Радищев говорит об экономической невыгодности крепостного труда для общества («избытка своего делатель обществу не отдаст, не имея нужного»). Анализируя главу «Хотилов», Г. А. Гуковский писал: «Радищев поставил с полной отчетливостью вопрос о социальном характере самого освобождения крестьян, к которому он стремился. Вопрос о земле, о том, кому должна принадлежать земля — крестьянину или помещику, еще долго после Радищева вызывал дискуссии. Еще у декабристов мы встретим взгляд о желательности освобождения крестьян без земли, т. е. с сохранением экономической власти помещиков. Решение вопроса о земле вплоть до середины XIX века, да и позднее, было одним из показателей революционного характера мировоззрения того или иного социального мыслителя. Радищев опередил свое время, разрешив этот кардинальный вопрос наиболее революционно, стремясь к полному устранению преобладания дворянства, становясь на крестьянскую точку зрения. Он требовал освобождения крестьян с передачей им всей земли» (Гуковский, Очерки, стр. 145).

Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. См. примеч. к главе «Яжелбицы».

Воззрим на предлежащую взорам нашим долину. По поводу этой части «Хотилова» (вместе с предшествующим текстом) Екатерина заметила: Радищев говорит «о крестьянах и их неволе и о войсках, кои в неволе же по причине строя и стройности; все сие...клонится к возмущению крестьян противу помещиков, войск противу начальства; сочинитель не любит слов тишина и покой» (Процесс, стр. 162).

И так да не ослепимся внешним спокойствием государства. Радищев снова напоминает о том, что речь идет об отдаленном будущем.

Европейцы, опустошив Америку, и т. д. Колонизация Америки сопровождалась бесчеловечным истреблением коренного населения — индейцев. Однако для разведения крупных плантаций на захваченных землях требовалась дешевая рабочая сила, и в 1619 году в Северную Америку (Виргиния) была доставлена первая группа рабов-негров. В XVIII веке работорговля, которую вели главным образом англичане, достигла широчайших масштабов: за период с 1680 по 1786 год в английские колонии было ввезено

более 2 000 000 рабов из Африки. В результате длительной войны с Англией (1775—1783 годов) бывшие колонии стали независимой республикой Соединенных Штатов Америки. Радищев в оде «Вольность» (строфы 45—46), написанной в начале 80-х годов, восторженно приветствовал новую республику, завоевавшую вольность в борьбе с английской монархией. Но дальнейший ход событий, за которым писатель внимательно следил, заставил его изменить отношение к Америке. Хотя в северных штатах республики рабство было отменено в результате войны за независимость, в южных оно продолжало существовать и даже значительно расширилось в связи с развитием крупных хлопковых, табачных, сахарных, цитрусовых и других плантаций. Новая конституция США, выработанная в 1787 году (вступила в действие с 1789 года) в интересах плантаторов и буржуазии, окончательно утвердила существование рабства в южных штатах, где негры, составлявшие местами большинство населения, были низведены до положения рабочего скота (рабство в США было формально ликвидировано только в результате Гражданской войны 1861—1865 годов). Именно эти обстоятельства и заставили Радищева выступить в «Хотилове» с проклятием в адрес американской буржуазной «демократии».

Во градах же, где известнее было «я», а не «мы», находим остатки великолепных царских чертогов и т. д. Осуждая «кичливых властителей», строивших огромные здания, бесполезные обществу, Радищев имеет в виду не только Древний Египет, Древний Рим времен империи и т. д., но и современную ему Россию. Екатерина II тратила громадные суммы на строительство «великолепных чертогов» не только для себя, но и для своих фаворитов. Рядом с Зимним дворцом в 1764—1775 годах был построен Малый Эрмитаж («Ламоттов павильон»), в 1771—1787 — Старый Эрмитаж, 1783—1787 — Эрмитажный театр и Лоджии Рафаэля. Многочисленные загородные дворцы строились для императрицы (Чесменский, Царскосельский и др.), наследника престола Павла Петровича (Гатчинский, Павловский, Каменноостровский). На государственные средства в 1768—1785 годах для графа Г. Г. Орлова воздвигнут Мраморный дворец; Аничковский дворец в 1778—1779 годах значительно перестроен для Г. А. Потемкина, а в 1783—1789 для него же возведен великолепный Таврический дворец и т. д.

Я таковую славу применю к шарам, в 18-м столетии изобретенным и т. д. Первый воздушный шар, сделанный из бумаги (вскоре ее заменили шелком) и наполненный горячим воздухом, был изобретен французами Жозефом и Этьеном Монгольфье и запущен 5 июня 1783 года, а 27 августа того же года взлетел изобретенный профессором Шарлем шар, наполненный водородом. 21 ноября 1783 года в Париже на шаре конструкции братьев Монгольфье в воздух поднялись Пилатр де Розье и маркиз д'Арлан; полет длился 25 минут, причем шар достиг высоты 1000 метров. 1 декабря на водородном шаре Шарль и Робер поднялись вдвое выше и продержались в воздухе 2,5 часа. В январе 1785 года француз Бланшар совершил перелет из Англии во Францию через Ламанш. В Петербурге первая публичная демонстрация воздушного шара состоялась в ноябре 1783 года.

Александр, Великим названный — Александр Македонский (356—323 до н. э.), великий древнегреческий полководец и государственный деятель. Начав в 334 г. до н. э. поход против Персидской державы, Александр завоевал Малую Азию, Египет, Месопотамию, Персию и в 329 году двинул войска в Среднюю Азию — Бактрию и Согдиану. Здесь Александр встречал ожесточенное сопротивление и с крайней жестокостью подавлял его, превращая в пустыни цветущие области, разоряя города. Вместе с тем в захваченных местностях Александр основывал новые города (например, Александрию в Египте). Поскольку Россия при Екатерине вела ряд войн, в результате которых были приобретены новые области, спешно заселявшиеся переселенцами, императрица верно усмотрела в этих строках «Путешествия» осуждение своей политики и специально отметила страницы, наполненные «бранию противу побед, побеждений, приобретений и населений» (Процесс, стр. 162).

Но, нисходя к ближайшим о состоянии земледелателей понятиям, колико вредным мы его находим для общества. В этом месте «проекта» Радищев отчасти использует типичные аргументы европейских и русских просветителей. Об экономической невыгодности крепостного труда (рабства) и о прямо противоположном отношении крестьянина к земле, которую он имеет в собственности, о вреде рабства для «размножения народа» писали Монтескье, Рейналь, Юсти и др. Кое-что из сочинений Монтескье Екатерина II

использовала в «Наказе» (см. §§ 295—296), однако она пишет только о праве собственности для крестьян, Радищев же прямо связывает вопрос о собственности с проблемой освобождения крепостных. Непосредственным учителем его в этом отношении был, по-видимому, Адам Смит, книга которого «Исследование о природе и причинах богатства народов» во французском переводе имелась в библиотеке Радищева (см. подробнее: Гуковский, Очерки, стр. 132—135). Об экономической невыгодности крепостного труда Радищев писал в главе «Любани». Здесь же он не ограничивается аргументами такого рода, а говорит о социально-этических и политических следствиях рабства.

Но ведаете ли — в издании 1790 года опечатка, обессмысливающая текст (вместо «но» — «не»).

Приведите себе на память прежние повествования. В рукописных редакциях было: «...плачевные повествования прошедшего столетия». Слова «прошедшего столетия» Радищев снял вместе с датировкой «проекта» XIX веком, заменив конкретное указание более обобщенным.

Даже обольщение колико яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные грубым самозванцем и т. д. Обольщение — обман; прельщенные — обманутые. Вождь Крестьянской войны 1773—1775 годов Е. И. Пугачев выступал под именем «царя Петра Федоровича», «Петра III». Радищев отрицательно относится к царистским иллюзиям крестьянства, и из дальнейшего видно, что основную слабость восстания он усматривает в том, что пугачевцы «искали паче веселие мщения, нежели пользу сотрясения уз», то есть, отомстив господам, не стремились к уничтожению самодержавия и крепостничества, которые в сознании Радищева были неразделимы.

Уже время, вознесши косу, ждет часа удобности, и первый льстец или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Льстец — обманщик, самозванец, «руководитель — царист» (ср. выше). «Однако «любитель человечества», при всей расплывчатости этого термина в просветительской публицистике XVIII столетия, означает человека, причастного к передовым идейным, социальным и моральным интересам эпохи. Таким образом, Радищев теоретически не исключает возможность крестьянского восстания, возглавлен-

ного передовыми в идейном отношении руководителями» (Старцев, стр. 174).

Блюдитеся. В рукописях было: «Блюдитеся да опять посечены не будете». О следующих двух абзацах Екатерина заметила: «Уговаривает помещиков освободить крестьян, да никто не послушает» (Процесс, стр. 162).

И с презрением о час да не скажет: они были. Во всех рукописных редакциях эта фраза оканчивается не точкой, а многоточием или несколькими тире, указывающими на намеренную незаконченность высказывания; после этого следует дата: «Дано в... 18... года». Подобные формулы с указанием места и времени употреблялись обычно в императорских манифестах.

Последний из проезжающих... был человек лет пятидесяти; едет по подорожной в Петербург. В рукописных редакциях было: «...пятидесяти; в подорожной написан он студентом, едет в Петербург». То, что автор «проектов» и «Медного» именовался студентом, характеризовало «гражданина будущих времен» как человека нечиновного и неслужащего. Однако в печатном тексте это конкретное указание писатель снял.

Но друг мой, ведая, что высшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно, начертал путь повременным законоположениям к постепенному освобождению земледельцев в России. Говоря о том, что правительство неспособно сразу, одним законом ликвидировать крепостное право, Радищев, вероятно, имеет в виду слова Екатерины II: «Не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных» («Наказ», § 260). Проект постепенного освобождения крестьян «сверху» неоднократно вызывал со стороны историков и литературоведов обвинения в либерализме (причем одни исследователи упрекали в этом самого Радищева, а другие говорили о либерализме «гражданина будущих времен»). Либерализм усматривался и в том, что освобождение, по мысли автора проекта, должно было прийти «сверху», и в том, что предусматривалась именно постепенная ликвидация крепостного права. Достаточно, однако, сравнить проект «гражданина будущих времен» с декабристскими проектами освобождения крестьян, чтобы увидеть его прогрессивность. Согласно «Проекту Конституции» одного из руководителей Северного общества Н. М. Муравьева, в стране устанавливался конституцион-

но-монархический строй; провозглашалась отмена крепостного права, но земля оставалась собственностью помещиков (Дек., I, стр. 301—302). Руководитель Южного общества П. И. Пестель в «Русской правде» предусматривал освобождение крестьян и наделение их землей. «Но поелику таковое важное предприятие требует зрелого обдумания и весьма большую в государстве произведет перемену, то и не может оное иначе к успешному окончанию приведено быть, как введением постепенным. О сем предмете должно Верховное правление потребовать проскты от грамотных дворянских собраний и по оным меропринятия распорядить». В освобождении же дворовых людей «Русская правда» предлагала два пути: освобождение за выкуп и «назначение числа годов, кои господину своему прослуживши дворовый человек делается вольным» (Дек., II, стр. 120—121). Общество соединенных славян, стремясь к уничтожению крепостного права, ставило перед собой задачу «прежде всего... приготовить народ к новому образу гражданского существования и потом уже дать ему оный». «Народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным» (Дек., III, стр. 23). Таким образом, следует признать справедливость оценки хотиловского проекта, которую дал Я. Л. Барсков: «В вопросе о крепостном праве Радищев стоит выше всех современных ему, а также и последующих писателей, выступавших до Герцена и Чернышевского; в этом вопросе он далеко опередил свое время» (стр. 437).

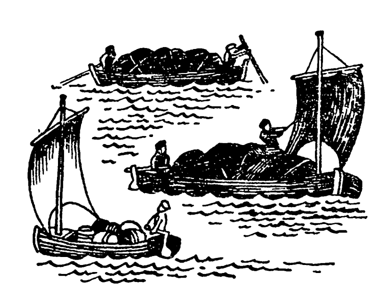
Я здесь покажу шествие его мыслей. Можно обнаружить известное сходство в формулировках некоторых пунктов следующего далее проекта «гражданина будущих времен» с сочинениями по крестьянскому вопросу разных авторов 60—80-х годов. Однако другие авторы предлагали отдельные меры для смягчения положения крепостных при сохранении крепостничества как основы социального строя России; проект же «гражданина будущих времен» ведет к полной ликвидации рабства. Детальной разработке этого проекта Радищев уделял большое внимание. В начальной редакции «Путешествия» проект выглядел следующим образом: «Первое положение относится к разделению сельского рабства и рабства домового, Сие последнее уничтожается прежде всего, запрещается поселян брать в домы. Буде помещик возьмет земледельца

в дом свой в город, то земледелец тем становится свободен. Второе положение относится к собственности и защите земледельцев. Удел в земле должны они иметь, ибо платят подушную подать. Восстановление земледельца во звание гражданина. Надлежит судиму ему быть ему равными, то есть в расправах, в кои и выбирать и из помещичьих крестьян. Запрещать произвольное телесное наказание без суда. — Исчезни...» и т. д.

Табель о рангах — «проект», занимающий главу «Выдропуск».

Но теперь дуга коренной лошади звенит уже в колокольчик и зовет меня к отъезду. На этом глава «Хотилов» в ранних редакциях заканчивалась. Ироническая концовка «и для того я за благо положил... нежели заниматься тем, что не существует» была прибавлена позднее. Некоторые исследователи усматривают в этой концовке насмешку Путешественника над найденными «проектами», другие видят в ней отрицательное отношение к «проектам» самого Радищева. Дело, однако, в том, что эта концовка появилась в книге после введения в нее новой главы — «Вышний Волочок», в которой рисуется реальная практика русских крепостников. Следовательно, смысл этой концовки — переход от мечты к действительности.

Вышний Волочок

Вышний Волочок — с 1772 года город и почтовая станция в 36 верстах от Хотилова. Размышления Путешественника об Америке и «некотором помещике», составляющие основную часть главы (которая была введена для разделения двух «проектов»), непосредственно связаны с «Хотиловом».

Никогда не проезжал я сего нового города, чтобы не посмотреть здешних шлюзов. Вышний Волочок издавна

занимал важное положение на торговом пути. Суда, следовавшие с Волги, разгружались на реке Тверце, и отсюда товары гужевым транспортом («волоком») перевозили к реке Цне, где их снова грузили на суда и отправляли к Новгороду. В связи с возвращением земель на Ладоге и Неве этот путь стал особенно важен, и 12 января 1703 года Петр I подписал указ о строительстве в Вышнем Волочке канала (позднее названного Тверецким), а на канале и Цне — шлюзов. Судоходство по Вышневолоцкой системе началось в 1709 году. Спустя 10 лет система была передана в частное владение купцу М. И. Сердюкову, который предложил Петру проект ее улучшения путем строительства новых каналов, шлюзов и т. п., а в 1774 году она была выкуплена за 176 000 рублей и перешла в ведение государства. Из-за маловодья непрерывное судоходство было невозможно, поэтому барки с хлебом, овсом, крупой, солью, кирпичом, шкурами и т. д. скапливались в большие караваны (от 750 до 1500 барок). По мере выпускания воды из искусственных водохранилищ караван продвигался по шлюзам, каналам и рекам. Таким образом в навигацию проходило три каравана: весенний, начинавший движение вслед за вскрытием рек; летний, проводившийся в июне; осенний — в августе.

Римляне строили большие дороги, водоводы, коих прочности и ныне по справедливости удивляются. Устройству дорог в Древнем Риме уделялось особое внимание. Завоевывая новые провинции, римляне сгоняли население на строительство, покрывая покоренную область сетью дорог, благодаря которым можно было быстро передвигать войска и поддерживать сообщения с Римом. Сеть из 372 больших дорог покрывала Италию, Галлию, Испанию, Британию, Малую Азию, Египет и др. Проложенные римлянами дороги отличались прочностью и долговечностью благодаря тому, что основание их состояло из нескольких чередующихся рядов толстых каменных плит с прокладкой из особого бетона; на это укладывалось мощеное каменное полотно, засыпанное сверху гравием. Для снабжения же городов водой римляне строили каменные водопроводы, некоторые из них служат еще и сейчас, так же как и остатки проложенных более 2000 лет назад дорог.

Ходя в летнее время по таможенной пристани. Здесь биография Путешественника совпадает с биографией самого Радищева: с 1780 года он был назначен помощником

управляющего петербургской портовой таможней Г. И. Даля, а поскольку Даль часто болел или находился в разъездах, то Радищев был фактическим руководителем таможни. Весной 1790 года, после смерти Даля, Радищев стал управляющим таможней.

Избытки Америки и драгие ее произращения, как-то: сахар, кофе, краски и другие, не осушившиеся еще от пота, слез и крови, их омывших при их возделании. На сахарных, кофейных и т. п. плантациях на островах Вест-Индии, в испанских колониях Южной Америки, южных штатах Североамериканских Соединенных Штатов трудились негры-рабы (см. «Хотилов»).

Словом, сей дворянин некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Подобные факты были хорошо известны современникам. «Есть и такие строгие помещики, — свидетельствовал еще в 1770 году П. И. Рычков, — которые крестьянам своим одного дня на себя работать не дают, а давая всем их семействам месячный провиант, употребляют их на господские работы повседневно» («Труды Вольного экономического общества», ч. 16, 1770, стр. 26—27). Имение одного из таких помещиков В. Н. Зубова находилось в шести верстах от села Верхнее Аблязово (Преображенское), которое принадлежало отцу писателя Н. А. Радищеву, и автор «Путешествия» лично знал Зубова. «Он славился жестокостью своею с крестьянами, — рассказывает П. А. Радищев. — Купив село Анненково с 250 душами и множеством земли, он прежде всего обобрал у мужиков, живших очень достаточно, весь хлеб, скотину, лошадей и посадил их на месячину, а в рабочую пору кормил их на барском дворе. В большие корыта им наливали щи, и они должны были довольствоваться тем, что отпускали им. За малейшие вины наказывали их строго, а за большие сажали в острог, устроенный им в другой, несколько отдаленной деревне» (Биография А. Н. Радищева, стр. 93—94). Типичность радищевских персонажей крепостников была неоднократно подтверждена и читателями следующих поколений. Так, в одном из списков «Путешествия» читатель преддекабрьской поры на полях «Вышнего Волочка» воскликнул: «Сей 2-ой есть истинный Алехин!» Пушкин в статье «Путешествие из Москвы в Петер-

бург» полностью привел «повествование о некотором помещике» и дополнил его своим рассказом о барине — «тиране по системе и убеждению».

Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению лакедемонян пировали вместе на господском дворе. Радищев иронически переосмысляет легенду о спартанском законодателе Ликурге (см. «Новгород»). В переведенной в 1773 году Радищевым книге Мабли «Размышления о греческой истории» говорилось: «Ликург, желая граждан сделать достойными истинную вкушати вольность, учредил в имении их совершенное равенство... Он учредил народные столы, где каждый гражданин принужден был непрестанный подавать пример воздержания и строгости» (Соч., II, стр. 237. Отмечено Ю. М. Лотманом, см.: «XVIII век», сб. 3. М. — Л., Изд. АН СССР, 1958, ст. 290).

Мясоед — период, когда правила православной церкви разрешали употреблять мясную пищу (за исключением постных дней — см. дальше). Осенний мясоед продолжался с 15 августа по 14 ноября, зимний — с 25 декабря до масленицы.

Посты и постные дни — время, когда церковные правила запрещали есть мясную, молочную пищу, яйца и т. д. К числу многодневных постов относились великий пост (длился шесть недель до пасхи), петровский, или апостольский (начало его зависело от пасхи, продолжительность менялась от восьми дней до шести недель), успенский (с 1 до 14 августа), рождественский (с 14 ноября до 24 декабря). Кроме того, бывали однодневные посты — среда и пятница каждой недели (кроме святочной, пасхальной и некоторых других недель), а также 5 января, 29 августа и 14 сентября.

Святая неделя, или пасхальная, — неделя после великого поста, большой церковный праздник.

Таковым урядникам — то есть: таким образом устроенным людям (от «урядить» — устроить, снабдить).

Человеколюбивое мщение. Переосмысляя в духе революционного гуманизма традиционное содержание понятий «человеколюбие» и «мщение» (которые этика обычно противопоставляла), Радищев «имеет в виду разрушение революционным путем старой феодальной законности во имя новой демократической законности, восстановление общественной справедливости и конечное общественное

благо» (С т а р ц е в, стр. 173). Екатерина отметила, что рассказ о «господине некто» написан «для приведения в омерзение помещиков тех, кои пашни отымают у крестьян: сочинитель их казнит, тут же достается и правлению» (П р о ц е с с, стр. 162).

По нивам, на них же — по нивам, на которых.

Выдропуск

Выдропуск — почтовый ям в 33 верстах от Вышнего Волочка.

Здесь я опять принялся за бумаги моего друга. Только эта и следующая фразы принадлежат Путешественнику. Остальной текст главы — та самая «табель о рангах», которую Путешественник обнаружил среди бумаг своего друга «между многими постановлениями, относящимися к восстановлению по возможности равенства во гражданах» («Хотилов»).

Придворные чины — постоянный объект сатиры Радищева (см. «Спасскую Полесть», «Зайцово», «Завидово»; о «табели о рангах» — «Тосну»).

Проект в будущем. Этот «проект», как и хотиловский, относится к отдаленному будущему. Однако сама идея о восстановлении «равенства во гражданах» была настолько революционной, что Екатерина увидела здесь следование «французскому развратному нынешнему примеру», хотя «Выдропуск» имелся уже в начальной редакции «Путешествия», завершенной в 1788 году, то есть за год до начала французской революции, и в процессе переработки и доработки книги эта глава (в отличие от многих других) не дополнялась. Главная мысль проекта — придворные не приносят обществу пользы, поскольку обслуживают лишь особу монарха, — была воспринята от Радищева

декабристами. Кратко воспроизводит радищевскую аргументацию § 104 «Проекта Конституции» Н. М. Муравьева: «Так называемый двор не может иметь существования, признанного законами в земле благоустроенной, и для того император властен иметь обер-камергеров, камергеров, обер-гофмаршалов, обер-церемонимейстеров, обер-гофмейстеров, обер-шенков, шталмейстеров, камер-юнкеров, камер-пажей, пажей, штатс-дам, гоффрейлин и прочее. Но все сии звания иностранные не дают особам, носящим оные, права почитать себя в общественной службе, когда они себя посвятили служению одного лица, и потому они не получают ни жалованья, ни каких-либо вознаграждений из общественного казначейства; но император имеет право давать им жалованье из отпускаемых ему 8 000 000. Сверх того они лишаются на то время прав Гражданства, т. е. права избирать и преимущества быть избранным в общественную должность, поелику они находятся в частном служении». Любопытно, однако, что эта мысль, заимствованная Муравьевым из выдропускского «проекта», показалась слишком радикальной другому революционеру-декабристу, и он высказался против нее: «Представитель нации должен иметь соответствующую званию своему помпу... что же будет значить император, встречающий посланника посреди своих слуг?» (Дек., I, стр. 319, 686).

Вводя нарушенное в обществе естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши и т. д. Речь идет о борьбе самодержавия со старой феодальной аристократией (см. главу «Тосна»).

Многие государи возмнили, что они суть боги и вся, его же коснутся, блаженно сотворят и пресветло. Вся, его же коснутся — все, к чему прикоснутся. Мысль о пагубном действии самовластия на самих самодержцев, сходная с идеей о развращающем воздействии крепостного права на крепостников, развивалась в «Спасской Полести».

На таковой блуждения мысли воздвигли цари придворных истуканов, кои истинные феатральные божки, повинуются свистку или трещотке. То есть воздвигли придворных кумиров, которые подобны выступающим в роли богов театральным актерам, повинующимся сигналам режиссера.

Пройдем степени придворных чинов и с улыбкою сожаления отвратим взоры наши от кичащихся служением

своим; но возрыдаем, видя их предпочитаемых заслуге. Выступая против придворных чинов, «гражданин будущих времен» возлагает на самих царей всю вину за то, что окружающие их «тунеядцы» и «лелеятели» предпочтены людям, служащим «пользе общей». Об этом же писал Фонвизин в комедии «Недоросль».

Дворецкий мой, конюший и даже конюх и кучер и т. д. Радищев употребляет русские названия должностей, а не применявшиеся в XVIII веке немецкие названия придворных чинов (очевидно, потому, что русские яснее выражали сущность занятий обличаемых «тунеядцев» и были понятнее далекому от придворной жизни читателю).

Чертоги, в них же сокрытая твоя робость завесою величавости мужеством казалася — чертоги, в которых твоя робость, прикрытая завесой величавости, казалась мужеством.

А сии упитанные тельцы сосцами нежности и пороков... наследят в стяжании нашем — а эти телята, раскормленные сосцами нежности и пороков... становятся наследниками того, что добыто нами.

Нума Помпилий — легендарный царь Древнего Рима, заключивший мир с соседними племенами, установивший богопочитание и обряды богослужения; он научил римлян земледелию, содействовал развитию торговли и ремесел, реформировал календарь и т. п. В этих деяниях Нуме помогала нимфа Эгерия, в ночных беседах передававшая ему волю и советы богов.

Манко Капак — мифический основатель и первый правитель государства древних инков (на территории Перу, Боливии, части Чили и Эквадора). Он называл себя сыном Солнца, научил перуанцев, живших до него в дикости, почитать Солнце и других богов, обучил своих соплеменников земледелию, добыванию и обработке металлов, строительству жилищ и каналов, орошению полей и т. д.

Магомет — см. «Подберезье».

Моисей — см. «Бронницы».

Ариман — см. «Бронницы».

Се слабая картина всех пагубных следствий пышного царей действия. Выписав одну за другой все страницы, которые в книге занимает «Выдропуск», Екатерина так сформулировала свое впечатление от главы: «Тут царям достается крупно и кончится сими словами: «како власть

со свободою сочетать должно на взаимную пользу». Сие думать можно, что целит на французский развратный нынешний пример. Сие тем более вероятно становится, что сочинитель везде ищет случай придраться к царю и власти» (Процесс, стр. 163).

Торжок

Торжок — с 1775 года уездный город Тверской губернии, почтовая станция в 33 верстах от Выдропуска. В ранних редакциях глава состояла только из «размышлений» «порицателя цензуры» и оканчивалась словами «...тмит прозрачность вод»; в конце 1789 года Радищев ввел в нее «Краткое повествование о происхождении ценсуры» и абзац, соединивший обе части («Прощаяся со мною... скачи мимо»). В 1790 году писатель вносил дополнения в корректуру. Внимание Радищева именно к этой главе не случайно: дело в том, что в конце 80-х годов вопрос о цензуре стал одним из самых злободневных. До 1762 года борьба правительства с печатью имела эпизодический характер; Екатерина с самого начала царствования сделала попытку ограничить число книг, выписываемых из-за границы. Поскольку частных типографий до 1776 года не было, цензурный надзор за изданиями осуществляли те учреждения, при которых состояли типографии (Академия наук, Московский университет, Сухопутный, Артиллерийский и инженерный, Морской корпуса, Военная коллегия). Сочинения, затрагивавшие религиозные вопросы, в соответствии с указом Петра I, следовало посылать на дополнительную цензуру в Синод, однако это правило на практике соблюдалось далеко не всегда. В середине 70-х годов встал вопрос о реорганизации книжного дела, поскольку

казенные типографии работали плохо. Поначалу их стали сдавать в аренду частным предпринимателям (так, Артиллерийский и инженерный корпус передал свою типографию книгопродавцу И. К. Шнору; с 1779 по 1789 год Н. И. Новиков был «содержателем» типографии Московского университета и т. д.), однако заведение собственных типографий частными лицами правительство старалось оттянуть всеми мерами. Только когда выяснилось, что из попыток организовать новые казенные типографии ничего не вышло, Сенат начал выдавать разрешения («привилегии») на право заведения вольной (т. е. частной) типографии одному лицу за другим: И. И. Вейтбрехту и И. К. Шнору (1776), Шнору на вторую типографию (1778), Б. Ф. Брейткопфу (1780), Е. Вильковскому, Ф. Галченкову, О. Г. Мейеру (1782). Цензура над изданиями этих типографий была установлена троякая: духовные книги должен был цензуровать Синод, светские — Академия наук, объявления — полиция. Но поскольку цензор-академик не мог справиться с просмотром рукописей для посторонних типографий, «Устав благочиния» 1782 года предусматривал передачу части цензорских функций полиции. Окончательно эти функции за управами благочиния закрепил указ о вольных типографиях от 15 января 1783 года, которым позволялось «каждому по своей собственной воле заводить оные типографии... с наблюдением однако ж, чтоб ничего в них противного законам божиим и гражданским или же к явным соблазнам клонящегося издаваемо не было». Цензура сочинений духовного содержания, как и раньше, оставалась за Синодом. Однако Академия и университет по-прежнему имели право цензуровать издания находившихся в их ведении типографий, чем и воспользовались московские мартинисты, в распоряжении которых была арендованная Новиковым университетская типография и несколько вольных, организованных в соответствии с указом 1783 года. Новиков развернул широчайшую книгоиздательскую деятельность, причем, наряду с книгами просветительного характера, печатал множество масонских сочинений — и не только религиозно-мистических, но и затрагивавших политические проблемы. Для борьбы с масонством Екатерина поначалу активизировала духовную цензуру (указы от 23 декабря 1785 года и 27 июля 1787 года). Если первое

следствие 1785—1786 годов затронуло лишь книжную лавку Новикова, то расследование 1787—1788 годов охватило всю Россию (в результате обоих было запрещено 20 изданий, главным образом масонских). Не сумев справиться с масонами при помощи церкви, Екатерина прибегла к административным мерам: университетскому начальству было предписано не возобновлять с 1789 года контракта с Новиковым на аренду типографии. Позднее последовал и полный разгром розенкрейцеров: Новиков и некоторые другие мартинисты были арестованы (см. также «А. М. К.»). В конце 80-х годов активизируется и полицейская цензура. В ответ на это лучшие люди России выступают против учреждения «строгой» цензуры за свободу печати. Одни из них успешно использовали для этой цели «эзопов язык», весьма понятный современникам (например, Д. И. Фонвизин в журнале «Друг честных людей, или Стародум»). Проект демократизации цензуры в 1789 году выдвинул Ф. В. Кречетов (см. «Подберезье»). Радищев устами своего персонажа — «порицателя цензуры» — показывает ненужность и вред существующей русской цензуры, а затем дополняет размышления о современности историческим «Кратким повествованием о происхождении ценсуры» (о цензуре и книгопечатании см.: В. А. Западов, Цензура, стр. 94—135; В. А. Западов. К истории «вольных типографий» в XVIII столетии. «XXIII Герценовские чтения». Л., 1970, стр. 35—37).

Недоросль всегда будет Митрофанушка. Д. И. Фонвизин работал над «Недорослем» в 1779—1781 годах. Премьера комедии состоялась 24 сентября 1782 года.

Послушаем Гердера. Следующий абзац — цитата из рассуждения немецкого просветителя Иоганна Готфрида Гердера (1744—1803) «О влиянии правительства на науки и наук на правительство», которое было представлено в 1780 году на конкурс в Берлинскую академию наук. Превосходный радищевский перевод очень точен, но неполон, поскольку автор «Путешествия» цитирует только тезисы в защиту свободы печати.

Ценсор, в клобуке ли он или с темляком — то есть цензор духовный или полицейский (клобук — монашеский головной убор, темляк — тесьма с кистью на шпаге). Этот оборот внесен Радищевым в текст Гердера применительно к особенностям России, где существовали духовная и полицейская цензуры.

Откупы в помышлениях — монополия в мыслях.

Один несмысленный урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред. Передача цензуры в ведение полиции вызывала протест в передовых кругах общества. Так, например, литератор и вольнодумец Ф. В. Каржавин написал на экземпляре переведенной им книги С. Леклерка «О пяти чинах архитектурных» (Спб., 1790), которую цензуровал петербургский полицеймейстер А. Жандр: «Может ли полицеймейстер палошник судить о науках и художествах! А особливо Жандр!» (см.: Старцев, стр. 112). О необразованности и глупости петербургского обер-полицеймейстера Н. Рылеева (который подписал к печати «Путешествие» и отдельно «Слово о Ломоносове») рассказывали анекдоты. Не лучше обстояло дело и в Москве. Московский главнокомандующий князь А. А. Прозоровский, требуя организации специальных цензурных органов, мотивировал это необразованностью высших чинов полиции: «Отправлять полиции цензуру книг весьма неудобно. Бывший обер-полицеймейстер ни одного иностранного языка не знал, полицеймейстер хотя и знает французский язык, но никогда на чтение книг себя не употреблял».

Слова не всегда суть деяния, размышления же не преступления. Се правила Наказа о новом уложении. Радищев имеет в виду §§ 480 и 477 «Наказа»: «Слова не вменяются никогда во преступление, разве оные приуготовляют, или соединяются, или последуют действию беззаконному». «Человеку снилося, что он умертвил царя; сей царь приказал казнить его смертию, говоря, что не приснилось бы ему сие ночью, если бы он о том днем наяву не думал. Сей поступок был великое тиранство: ибо если бы он то и думал, однако ж на исполнение мысли своей еще не поступил; законы не обязаны наказывать никаких других кроме внешних, или наружных действий».

Какой вред может быть, если книги в печати будут без клейма полицейского? Предложение печатать по европейскому образцу в конце самой книги разрешение цензора было высказано в докладе Сената, подписанном императрицей 19 января 1776 года. В 80-х годах «полицейское клеймо» («С указного дозволения», «С дозволения управы благочиния» и т. п.) помещалось на титульном листе издания.

Но если думаешь, что хулением всевышний оскорбит-

ся, урядник ли благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему в трещотку или бьющему в набат доверия не даст. Высказывание Радищева, возможно, навеяно Мабли. «Бог не Плутарх, — пишет Мабли, — он не человек, которого можно оскорбить нашей бранью... Бог не нуждается в нас, чтобы отомстить за себя» (см.: Барсков, стр. 443). Говоря об «урядниках благочиния», Радищев метит и в полицейскую цензуру (трещотки применялись в случае тревоги полицией), и в духовную («бьющему в набат»). Подобное объединение полиции и церкви в одной формуле «урядники благочиния» было возможно потому, что в XVIII веке слово «благочиние» обозначало и полицию, и церковный округ, включающий несколько церквей и приходов; соответственно «благочинным» именовался и священник этого круга, и полицейский.

Тот его обижает, кто мнит, возможет судити о его обиде — тот обижает бога, кто полагает, что сможет судить за обиду, нанесенную богу.

Отступники откровенной религии — раскольники. О расколе и троеперстии см. «Любани».

Афеист — атеист. Как отметил Я. Л. Барсков, Радищев не согласен с Мабли в его оценке атеизма. «При атеизме нельзя ни на что надеяться, — утверждал Мабли. — Атеизм уничтожает человека... Он развращает общество, разрушая всякое доверие и всякую безопасность между гражданами... Атеизм всегда более погубен для людей, чем война, голод и чума» (Барсков, стр. 443—444).

Их в России много, и для того служение им дозволяется. После возникновения раскола в конце XVII — первой половине XVIII века против раскольников принимались самые решительные меры, вплоть до смертной казни. При Петре I им было разрешено открыто жить в городах и селах, но пропаганда их учения жестоко каралась. Им было запрещено быть свидетелями на суде, занимать общественные должности и т. д. Правительственные преследования вызывали у раскольников отпор, который часто принимал форму самосожжения, «огненной смерти»; принявшие смерть в огне в глазах раскольников становились мучениками, святыми. Это ожесточенное сопротивление заставило правительство пойти на смягчение мер против раскольников. В 1762 году Петр III разрешил им совершать богослужение по-своему, они были приравнены в отношении свободы вероис-

поведания к другим иноверцам, жившим в России. При Екатерине II раскольникам дано право выступать на суде (1769), с них снят двойной налог (1782), разрешено занимать общественные должности (1785). Однако нелегальные печатные издания раскольников подвергались преследованиям. Радищев и говорит о нелепости такого положения, когда правительство запрещает книги раскольников, узаконив сам раскол. О том, что служение раскольникам дозволяется, Радищев знал не только из указов: в самом центре Петербурга, в Апраксином переулке совершенно официально находился раскольничий «молитвенный дом».

Что запрещено, того и хочется. Мы все Евины дети. Радищев иронически вспоминает библейский миф о грехопадении первых людей — Адама и Евы. Наущаемая дьяволом-змеем, Ева из любопытства подстрекнула Адама попробовать яблоко с древа познания, что было им запрещено богом.

Не бояйся — не боящийся.

До внутренности потрясенный вольнодумец прострет дерзкую, но мощную и незыбкую руку к истукану власти, сорвет ее личину и покров и обнажит ее состав. Всяк узрит бренные его ноги, всяк возвратит к себе данную им ему подпору, сила возвратится к источнику, истукан падет. Радищев четко формулирует мысль о роли революционного слова, предшествующего революции. Более подробно эту мысль он развивает в «Вольности» (см. «Тверь»), особенно в строфах 11, 12, 23-й. Здесь же содержатся размышления Радищева о роли примера, роли личности, которые также будут развиты далее («Слово о Ломоносове»).

Дикинсон — Джон Диккинсон (1732—1808) — участник конгресса 1776 года в Филадельфии, на котором было решено начать войну за независимость Америки. С 1782 года — губернатор штата Пенсильвания, затем президент высшего исполнительного совета.

Итак, ценсура да останется на торговых девок, до произведений развратного хотя разума ей дела нет. Радищев опровергает не только «Устав благочиния» и указ о вольных типографиях, но и точку зрения Гердера, который считал в данном плане цензуру необходимой.

Ныне поверхность только гладка, но ил, на дне лежащий, мутится и тмит пространство вод. По поводу первой

части «Торжка» Екатерина заметила, что «тут довольно смело и поносительно говорится о власти и правительствах, которые сочинителем, как видно, ненавидимы» (Процесс, стр. 163).

Краткое повествование о происхождении цензуры. Посвятив предыдущую часть «Торжка» критике правительственных узаконений о цензуре и цензурной практики управы благочиния, во второй части главы Радищев помещает историко-публицистический трактат, направленный против духовенства. Не имея возможности выступить с развернутой критикой русской церковной цензуры, писатель гневно осуждает действия древних жрецов и католической церкви. Прерывая историческое повествование публицистическими отступлениями, он ясно дает понять читателю, что речь идет об истории ради современности, и прежде всего, конечно, русской. Исследования Я. Л. Барскова и А. И. Старцева показали, что в работе над историческим очерком о цензуре Радищев изучил множество материалов. В конечном счете он создал такой очерк истории цензуры, который обилием фактического материала превосходит соответствующие статьи «Энциклопедии» Дидро, «Словаря» Бейля и других справочных изданий XVII—XVIII веков (Подробнее см.: Барсков, стр. 445—449; Барсков, Торжок, стр. 59—73; Старцев, стр. 113—122).

Протагор (481—411 до н. э.) — древнегреческий философ-софист; по обвинению в атеизме был приговорен к смертной казни, а его сочинение «О богах» сожжено.

Сократ — см. «Бронницы» и «Крестьцы».

Тит Ливий — см. «Подберезье».

Нума — см. «Выдропуск».

Светоний — Гай Светоний Транквилл (ок. 70 — после 122) — древнеримский историк, автор «Жизни двенадцати цезарей».

Кесарь Август — Октавиан Август (63 до н. э. — 14 н. э.), первый римский император (цезарь).

Тит Лабиений — Лабиен (ум. ок. 12 н. э.), римский историк и оратор, сторонник республики, противник императорской власти.

Сенека, Луций Анней, по прозванию «Старший», или «Ритор» (ок. 54 до н. э. — ок. 39 н. э.) — автор руководства по риторике и обзора римской истории от начала гражданских войн до правления Тиберия.

Цицерон, Марк Туллий (106—43 до н. э.) — великий римский оратор и государственный деятель.

Ария Монтан, Бенедикт (1527—1598) — испанский ученый и богослов, составитель списка запрещенных книг в Нидерландах, находившихся под властью Испании. Впоследствии в подобный список попали и его собственные труды.

Кассий Север (ум. 32) — римский писатель и оратор. За резкие нападки на знатных лиц, близких к императору Августу, он был сослан на Крит, а сочинения его уничтожены.

Кремуций Корд (ум. 34) — римский историк, автор «Анналов», излагавших события от убийства Цезаря до смерти Августа. При императоре Тиберии (правил в 14—37 годах) ему было предъявлено обвинение в том, что в «Анналах» он воздал хвалу вождю заговора против Цезаря, Бруту, и назвал второго вождя заговора, Гая Кассия Лонгина (а не Кассия Севера, как указывает Радищев), «последним римлянином». Кремуций Корд кончил жизнь самоубийством, а сочинения его сенат постановил уничтожить, но они уцелели, так как списки были тайно сохранены. Тацит рассказывает об этом в «Анналах» (книга IV, главы 34—35). Вводя цитату из Тацита в намеренно заостренном виде, Радищев, по-видимому, не только осуждал прошлое, но и предвидел будущее — судьбу собственной книги.

Антиох IV Епифан — царь Сирии в 175—164 до н. э., пытался эллинизировать иудеев и распространить среди них греческое многобожие.

Диоклетиан (243—313/316) — римский император в 284—305 годах; его царствование отличалось жестоким преследованием христиан.

Арнобий (ум. ок. 327) — христианский писатель.

Константин (ок. 285—337) — римский император с 306 года; в борьбе за власть жестоко расправлялся со своими соперниками и их сторонниками. При нем были усилены наказания рабов, однако он покровительствовал христианской церкви ради объединения сил господствующего класса, за что и был причислен к лику святых.

Арий (256—336) — священник из Александрии, родоначальник «арианской ереси». Осужден в 325 году I Вселенским собором христианской церкви в Никее, на котором председательствовал Константин, высказавшийся

против арианства (вскоре, однако, Константин принял сторону ариан и возвратил Ария из ссылки).

Феодосий II (401—450) — император Восточной Римской империи. Созванный им в 431 году Вселенский собор в Эфесе осудил как еретическое учение константинопольского патриарха Нестория (ум. 439?), сам Несторий был отправлен в ссылку, а его последователи подверглись жестоким гонениям.

Халкидонский собор в 451 г. осудил ересь монофизитов, родоначальником которой был константинопольский архимандрит Евтихий.

«Пандекты» Юстиниана (или «Дигесты») — пятидесятитомное собрание систематизированных выписок из всех известных сочинений римских законоведов, ценнейший источник по истории римского права. Этот свод составлен в 530—538 годах по поручению императора Восточной Римской империи Юстиниана (ок. 483—565, правил с 527 года) и является одной из четырех частей громадного законодательного труда «Основы гражданского права».

Лютер — см. «Подберезье».

Декарт, Рене (1596—1650) — великий французский философ, математик и физик. Картезианская философия (от латинизированной формы фамилии Декарта — «Картезиус») считала главным орудием познания разум, а потому отвергла слепую веру как основной аргумент. Мысль о всемогуществе человеческого разума, идея о разумном преобразовании жизни человека, материалистическая физика Декарта открыли дорогу развитию новой философии и естествознания и стали одним из основных источников просветительской философии и новых естественных наук XVII—XVIII веков.

Амвросий Оперт, или Амброзиус Аутперт (ум. 778) — монах бенедиктинского ордена, аббат монастыря святого Викентия.

Апокалипсис, или «Откровение апостола Иоанна Богослова» (написан в середине 68 — начале 69 годов) — одна из священных книг, в которой рассказывается о «светопреставлении» — «конце света» — и о «страшном суде» Христа над злыми и грешными.

Стефан III — римский папа в 768—772 годах.

Абелард — Пьер Абеляр (1079—1142) — французский литератор, философ и богослов, выступавший против «сле-

пой веры», некритического восприятия сочинений церковных «авторитетов» и выдвигавший требование «понимать, чтобы верить», т. е. отдававший предпочтение человеческому разуму перед верой. Взгляды Абеляра были осуждены на Суассонском соборе 1121 года, а после второго их осуждения на Сансском соборе в 1140 году папа Иннокентий II (1130—1143) повелел уничтожить его сочинения.

Колумб, Христофор (1446?—1506) в 1492 году достиг острова Сан-Сальвадор в Багамском море, а затем открыл Южную Америку (хотя полагал, что достиг восточных берегов Азии).

Кеплер, Иоганн (1571—1630) — немецкий астроном, открывший основные законы движения планет, объяснивший морские приливы и отливы притяжением Луны и т. д.

Ньютон, Исаак (1642—1727) — английский физик и математик, открывший закон всемирного тяготения, дифференциальное и интегральное исчисления и т. д.

Коперник, Николай (1473—1543) — польский астроном, положивший начало современному представлению о Вселенной. Коперник «родился» «в то же время», когда монахи учреждали цензуру и когда «дерзал Колумб».

Разум философский в XVIII столетии произвел иллуминатов. Под иллюминатами Радищев разумеет масонов (см. «Подберезье»). Во время следствия писатель сослался на эту фразу в доказательство своего отрицательного отношения к мартинистам (Процесс, стр. 174).

Морфей Жирардо — так ошибочно именуется Маффео Герардо (Гирардо).

В самом том городе, где изобретено книгопечатание. Книгопечатание было изобретено около 1445 года в немецком городе Майнце Иоганном Гутенбергом (1400—1468). В 1455 году его типография перешла в руки И. Фуста, а с 1466 года ее владельцем стал П. Шеффер. В 60-х годах XV века появляются типографии в Бамберге, Страсбурге, Кельне, Магдебурге и других городах Германии, затем в Италии и других странах Европы.

Указ о неиздании книг переведен Радищевым с латинского языка из сборника «Кодекс дипломатический документов, превосходно иллюстрирующих дела могунтинские, франкские, тревериански, гассиакские и соседних стран и

не только германское право и историю Священной Римской империи, том IV. Из мрака вызвал к свету, расположил и снабдил примечаниями Валентин Фердинанд Священной Римской империи барон Гуденус, асессор имперской камеры» (Франкфурт и Лейпциг, 1758).

Майнцкия епархии архиепископ, в Германии архиканцлер и курфирст. Архиепископы Майнца с XI века постепенно приобретают права светских владык, становятся крупными территориальными князьями. Правда, в середине XIII века город добился самоуправления, но с 1462 года Майнц снова подпал под зависимость от архиепископов. В политической жизни Священной Римской империи майнцские архиепископы играли весьма заметную роль: они были архиканцлерами (эрцканцлерами) империи, председательствовали на имперских рейхстагах и в коллегии курфюрстов, которая состояла из семи крупнейших феодалов, имевших право избирать императора (в их число в XV веке входили три архиепископа — майнцский, трирский, кельнский — и четыре светских владыки — князья Саксонии, Бранденбурга, Пфальца, король Чехии).

Немецкий язык удобен ли — т. е. пригоден ли.

Сравнить с ним можно дозволение иметь книги иностранные всякого рода и запрещение таковых же на языке народном. По-видимому, это примечание Радищева намекает непосредственно на Россию. В царствование Екатерины во многих частных библиотеках имелись сочинения французских просветителей, которые нельзя было опубликовать на русском языке. В числе писателей, чьи произведения могли читать только лица, владевшие французским языком (т. е. в подавляющем большинстве дворяне), были, например, Гольбах, Гельвеций и другие, запрещены были некоторые произведения Руссо («Эмиль») и т. д. Последний факт такого рода относится как раз ко времени, когда Радищев перерабатывал «Торжок»: в сентябре 1789 года императрица предписала, чтобы собрание сочинений Вольтера, выходившее в 1784—1789 годах под редакцией Бомарше, «отнюдь не было печатаемо ни в одной здешней типографии» без духовной цензуры; 22 октября 1789 года аналогичный указ был издан Синодом. Тем самым на издание собрания сочинений Вольтера на русском языке был фактически наложен запрет, хотя

французское издание свободно доставлялось через границу.

Неистовые!.. вы стяжаете превратностию дать истине опору — вы стараетесь дать истине опору ее противоположностью (т. е. ложью).

Какая в том вам польза боротися самим с собою и исторгать шуйцею, что десницею насадили? Обращаясь к современным правительствам, Радищев спрашивает, какую пользу им принесет поддержка взаимоисключающих явлений: с одной стороны, в XVIII веке развивается просвещение, открываются вольные типографии и школы и т. п., с другой — поддерживается цензура, сеющая невежество и предрассудки.

Почувствуйте на себе оковы, если не всегда оковы священного суеверия, то суеверия политического, не столь хотя смешного, но столь же пагубного. Разумея здесь, как и в других местах, под «священным суеверием» религию, под «суеверием политическим» Радищев имеет в виду монархию, деспотизм, самодержавие. Прямо связывая вопрос о свободе слова с проблемами политическими, писатель в ходе дальнейшего повествования показывает, что цензура особенно свирепствует в абсолютных монархиях (Франция, Англия, Испания). «Просвещенные» государи способны лишь отчасти и ненадолго ослабить цензурный гнет, но отнюдь не уничтожить цензуру (Дания, Пруссия, Австрия). И только в странах, в которых революционным путем установился республиканский или конституционно-монархический строй, цензура уничтожена (Англия, Америка). Неясно, как будет с цензурой во Франции, где только что началась революция.

Священный Тиверий — то есть церковник — злодей, убийца и тиран (в рукописных редакциях вместо имени римского императора Тиверия стояло «Нерон»).

Александр VI Борджиа (1431—1503) был римским папой в 1492—1503 годах. Прославился своей жестокостью, вероломством и развратом. Следующая далее дата «1507» является результатом ошибки переписчика: цитируемая Радищевым булла (т. е. грамота, декрет папы) относится к 1501 году.

О! вы, цензуру учреждающие, воспомните, что можете сравниться с папою Александром VI, и устыдитеся. Оборот «можете сравниться» объясняется тем, что в России в 70—80-х годах конфискованные книги опечатывались, но

не сжигались. Первым изданием, публично сожженным рукой палача, было «Путешествие» Радищева; затем та же судьба постигла трагедию Княжнина «Вадим Новгородский».

Прения различных властей в продолжение тридесятилетней войны произвели много книг, которые явилися в свет без обыкновенного клейма цензуры. Богословские споры и политическая борьба во время Реформации и Тридцатилетней войны между католиками и протестантами в Германии (1618—1648) породили множество памфлетов, сатир и т. п. (коллективное произведение «Письма темных людей», памфлеты Ульриха фон Гуттена и др.).

Виллиам Какстон — Уильям Кекстон (около 1422—1491), первый английский типограф и переводчик. Первой книгой, напечатанной в 1474 году на английском языке, была переведенная Кекстоном «История Трои» Рауля ле Февра; второй — перевод книги «Шахматная игра» Кессолиса, вышедший в свет в 1475 году. По мнению большинства библиографов XIX и XX веков, обе книги были изданы не в Англии, а за границей (в Нидерландах или Германии). Вернувшись в Англию, Кекстон завел типографию в 1476 году, где в 1477 году было напечатано «Собрание речений и слов философов». Однако данные, приведенные Радищевым, не являются результатом его ошибки, они отражают состояние библиографической науки XVIII — начала XIX веков. О «Шахматной игре» как первой книге, напечатанной в Англии в 1474 году, пишет и Вальтер Скотт в романе «Антикварий» (закончен в 1816 году).

Звездная палата была учреждена в Англии в 1488 году как высший административно-судебный трибунал, заседания которого проходили в зале с потолком, украшенным звездами (отсюда и произошло название трибунала). Созданная первоначально для обуздания вельмож-феодалов, Звездная палата впоследствии взяла под свой контроль умственную жизнь страны, ее ведению подлежала печать и т. д., причем приговоры отличались особой жестокостью. Так, например, в 1634 году протестант-пуританин Вильям Пренн, выступивший в печати с осуждением светских развлечений, был приговорен к штрафу размером в 5000 фунтов стерлингов, стоянию у позорного столба, отсечению ушей и пожизненному заключению.

Инквизиция в Испании появилась в XIII веке. С XVI века трибуналы инквизиции стали заниматься цензурой книг.

Тайная канцелярия учреждена Петром I для расследования тайных политических дел, из которых важнейшим было дело царевича Алексея (1718). При Петре III Тайная розыскных дел канцелярия была уничтожена, однако при Екатерине II она фактически возникла вновь под названием Секретной экспедиции I департамента Сената. Начальником ее почти во все время царствования Екатерины был С. И. Шешковский (1727—1794), «домашний палач» императрицы, по выражению А. С. Пушкина. Через его руки прошли дела Мировича, Пугачева, впоследствии Новикова. Шешковский же вел следствие о «Путешествии» Радищева.

Со смертию графа Страфорда рушилась Звездная палата и т. д. Томас Вэнтворт граф Страффорд (1593—1641) — английский государственный деятель, один из ближайших помощников короля Карла I (1600—1649, правил с 1625 года). Реакционная политика правительства, высокие налоги и дополнительные произвольные поборы, жестокие преследования протестантов-пуритан и т. п. приходили в противоречие с интересами буржуазии и «нового дворянства». В условиях создавшейся революционной ситуации Карл I был вынужден согласиться на созыв в ноябре 1640 года так называемого «Долгого парламента» (просуществовал до 1653 года), и это событие явилось началом английской буржуазной революции. Уже через неделю после созыва парламента Страффорд был арестован и казнен в 1641 году. Тогда же была уничтожена Звездная палата, и вскоре появилось множество произведений, напечатанных без цензуры. Однако в 1643 году парламент ввел обязательную предварительную цензуру, хотя несколько смягчил цензурный гнет, который существовал и после казни Карла I в 1649 году. Новая волна цензурных гонений поднялась при восстановлении на английском престоле королей из династии Стюартов — Карла II (правил в 1660—1685 годах) и Иакова II (1685—1688). После революции 1688 года («по совершении премены») на английский престол был возведен Вильгельм III (1688—1702), при котором в 1696 году цензура была уничтожена.

В Дании вольное книгопечатание было мгновенно и т. д. Королем Дании с 1766 года был Христиан VII

(1749—1808). Вследствие его слабоумия страной фактически правили другие лица. В 1770 году главой тайного королевского кабинета стал Иоганн Фридрих Струэнзе (1737—1772), попытавшийся осуществить ряд реформ в просветительском духе. Указом 14 сентября 1770 года, изданным от имени короля, в Дании провозглашалась свобода печати. В январе 1771 года Вольтер в стихотворении «Королю Дании, Христиану VII, на свободу печати» приветствовал этот указ. Однако реформы Струэнзе вызывали сопротивление феодально-аристократической верхушки; свободой печати воспользовались в борьбе с главой правительства реакционные круги, и в 1771 году цензура была вновь восстановлена. В результате дворцового переворота в январе 1772 года Струэнзе был арестован и вскоре казнен.

Американские правительства приняли свободу печатания между первейшими законоположениями и т. д. Материалы об американских законах, касающихся печати, Радищев извлек из французского издания американских конституций, которое вышло в свет во время войны за независимость, в 1778 году (Старцев, стр. 113—117).

В Бастильских темницах томилися несчастные, дерзнувшие охуждать хищность министров и их распутство. Так, например, в 1717 году за обличительные стихотворения, направленные против регента — правителя Франции — и близких к нему лиц, в Бастилию был заключен Вольтер; в 1725 году он попал туда вторично.

Но общее употребление французского языка побудило завести в Голландии, Англии, Швейцарии и Немецкой земле книгопечатницы, и все, что явиться не дерзало во Франции, свободно обнародовано было в других местах. Со многими подобными изданиями Радищев был хорошо знаком. Так, переведенная им в молодости книга Мабли «Размышления о греческой истории» напечатана в Женеве; «Исторический и критический словарь» Бейля (см. «Подберезье») опубликован в Амстердаме; «Генриада» Вольтера (см. «Тверь») после запрещения во Франции вышла в Лондоне; собрание сочинений Вольтера издавалось Бомарше в немецком городе Келе и т. д.

Ныне, когда во Франции все твердят о вольности... цензура во Франции не уничтожена. Свобода провозглашена программным документом Французской революции, «Декларацией прав человека и гражданина» (при-

нята Учредительным собранием 26 августа 1789 года), однако цензура отменена не была.

Мы недавно читали... О Франция! ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей. Здесь у Радищева идет речь о так называемом «деле Марата». 18 января 1790 года из печати вышел изданный в тайной типографии памфлет Жана Поля Марата, направленный против министра финансов Неккера и контрреволюционной экономической политики двора и правого большинства Учредительного собрания. Учредительное собрание санкционировало репрессии против Марата, и 22 января его дом был окружен крупным отрядом во главе с маркизом де Лафайетом (1757—1834), который когда-то прославился, сражаясь добровольцем на стороне американских штатов, а после взятия Бастилии был избран командующим Национальной гвардией. Типография Марата была разгромлена, но самому писателю-революционеру при помощи народа удалось скрыться. Эти события широко освещались во французской печати в январе 1790 года, а 19 февраля заметка о них появилась в «Санктпетербургских ведомостях». «Строки о «деле Марата» в «Путешествии» свидетельствуют, во-первых, о том, что Радищев внимательно следил за революционным процессом во Франции и, во-вторых, что он различал в ходе этого процесса борьбу противоречивых направлений и сил и усматривал опасность для революции в недостаточно последовательном осуществлении демократических свобод» (Старцев, стр. 121—122).

Векерлин, Вильгельм-Людвиг (1739—1792) — немецкий просветитель, писатель-сатирик и публицист. В своих журналах («Хронологи», 1779—1781; «Седое чудовище», 1784—1787; «Гиперборейские письма», 1788—1790) боролся с церковным мракобесием и феодальным гнетом. За памфлет, направленный против бургомистра г. Нердлингена, по указу эттинген-валлер-штейницкого правительства Векерлин был посажен на 4 года под домашний арест, находясь под которым продолжал литературно-публицистическую деятельность.

Фридрих II — см. «Подберезье».

Император Иосиф II рушил отчасти преграду просвещения, которая в Австрийских наследных владениях, в царствование Марии-Терезии тяготила рассудок и т. д. При императрице Марии-Терезии (1717—1780)

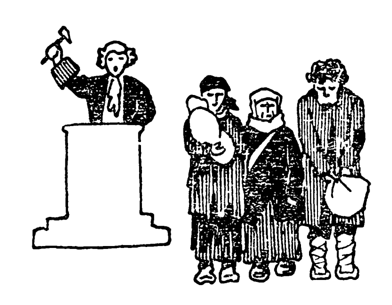
в Австрии цензура находилась в руках католической церкви, которая жестоко подавляла любую мысль, могущую поколебать ее авторитет. Иосиф II (1741—1790) выступал против «строгой цензуры» еще будучи соправителем матери, а после ее смерти, в 1781 году издал указ о веротерпимости, тем самым ослабив духовный гнет; затем появился новый цензурный устав, которым был уничтожен цензурный комитет, однако сама цензура не отменена.

В новейших известиях читаем, что наследник Иосифа II намерен возобновить ценсурную комиссию, предместником его уничтоженную. После смерти Иосифа II его преемник Леопольд II (император с 1790 по 1792 год) вновь даровал ряд привилегий католической церкви, о чем сообщала европейская и русская печать. «Гамбургская газета» (которую Радищев регулярно читал) в номере от 6 апреля 1790 года сообщала: «Пишут из Вены от 27 марта: «Духовенству уже даны новые различные преимущества, которые ему не были представлены при прежнем правительстве. Цензурный комитет вновь становится на ноги, каким он был раньше, пока его не уничтожил в бозе почивший император». Аналогичное известие появилось в «Московских ведомостях» 20 апреля 1790 года. Сопоставив эти сообщения с «Путешествием», Я. Л. Барсков пришел к справедливому выводу, что примечание об австрийской цензуре внесено в книгу не ранее середины апреля (Барсков, Торжок, стр. 72—73), то есть тогда, когда основной текст произведения был уже набран.

Он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской? Выписав эти слова, Екатерина отметила: «Сочинитель не любит царей, и где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкою смелостию» (Процесс, стр. 163).

В России... Что в России с ценсурою происходило, узнаете в другое время. У Радищева не было никакой нужды снова говорить о русской цензуре, поскольку цензурное законодательство, равно как и практика полицейской и духовной цензуры были детально проанализированы в первой части главы, а также в намеках «Краткого повествования».

Медное

Медное — почтовая станция в 33 верстах от Торжка.

Во поле береза стояла... где бы ты ни был, внемли и суди. В ранних редакциях вместо первого абзаца была одна фраза: «Между бумагами моего приятеля нашел я следующее» — и сразу следовали записки автора «проектов» о продаже крестьян: «Каждую неделю...». Однако Радищев счел нужным начать главу с картины хоровода и упоминания о «радостном гласе нехитростного веселия», которые предваряют последующий трагический рассказ. Этот как будто бы не связанный с повествованием об аукционе эпизод чрезвычайно важен. Свидетельствуя, что русский народ, несмотря на крепостное рабство, сохранил в себе бодрость духа, внутренние силы и т. п., писатель не только снял с главы в целом пессимистическую окраску, но и подготовил конечный вывод о том, что народ сможет сам освободить себя.

Каждую неделю два раза выходили обе русские газеты — «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости», в которых печатались объявления о продаже крепостных, подобные приведенному в тексте «Медного», например: «Продается дворовый человек, годный в рекруты, которому от роду 25 лет, с женою 20 лет, да дочерью 4 лет»; «У секретаря Громова, живущего против Владимирской церкви в доме купца г. Купреянова, есть продажные взрослые девки, мальчики лет по 14, весьма хороший плотник и еще целая семья людей» и т. п.

Крымский поход. В мае 1736 года русская армия под командованием генерал-фельдмаршала Х. А. Миниха (1683—1767) вторглась в Крым, однако осенью из-за недостатка продовольствия и воды отошла на Украину.

Франкфуртская баталия — так Радищев называет битву под Кунерсдорфом (селение в 4 верстах от Франкфур-

та-на-Одере) 1 августа 1759 года во время Семилетней войны. В этом сражении прусская армия была наголову разбита русскими войсками.

Воспитанницы — то есть воспитательницы.

Иль думаешь... что насильственное венчание во храме божием может назваться союзом? Согласно закону 1724 года никто не имел права насильственно принуждать к браку, но на практике закон не исполнялся.

Детина лет 25, венчанный ее муж, спутник и наперсник своего господина и т. д. Этот дворовый, «раб духом, как и состоянием», не только примирившийся со своей участью, но и помогающий господину во всех его мерзостях, — первый в русской литературе предшественник некрасовских рабов, на чью душу легло неизгладимое пятно многовекового гнета («А я князей Утятиных Холоп — и весь тут сказ!»).

Едва ужасоносный молот испустил тупой свой звук. Молот — молоток, употребляемый на аукционах. Описываемое здесь «торжище» беззаконно, ибо указом 5 августа 1771 года была запрещена продажа крепостных без земли за долги помещика на аукционах. А в 1792 году новый указ разъяснил, что крестьян продавать можно, но без употребления молотка.

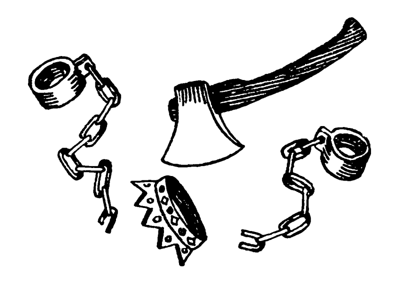
О квакеры! если бы мы имели вашу душу, мы бы сложилися и, купив сих несчастных, даровали бы им свободу. Имеется в виду эпизод из «Истории обеих Индий» Рейналя, рассказывающий о том, как члены религиозной секты квакеров освободили принадлежавших им негров-рабов (см.: Барсков, стр. 471).

Он незаконнорожденный. Закон его освобождает. Специальный пункт «генерального права Воспитательного дома» (см. «Спасская Полесть») провозглашал, что все незаконнорожденные питомцы воспитательных домов, а также их будущие дети и потомки навсегда останутся вольными и не могут быть закабалены или сделаны крепостными.

Ты проклинал некогда обычай варварский в продаже черных невольников в отдаленных селениях твоего отечества. Судя по этим словам, чужестранец, друг рассказчика, скорей всего англичанин или француз, поскольку под «отдаленными селениями», очевидно, подразумеваются английские или французские (менее вероятно — испанские) колонии в Америке, где существует рабство негров.

А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения. «То есть надежду полагает на бунт от мужиков», — прокомментировала эту фразу Екатерина, процитировав вторую ее половину (Процесс, стр. 163). Конечный вывод «Медного», действительно, чрезвычайно важен, но Радищев подводит читателя к мысли о народной революции, а не «мужицком бунте».

Тверь

Тверь — главный город Тверской губернии; почтовая станция в 30 верстах от Медного. В композиции «Путешествия» «Тверь» — вторая кульминационная глава. Подобно тому, как «Спасская Полесть» — вершина среди глав, обьединенных темой всеобщего беззакония, так «Тверь» венчает открывающийся «Подберезьем» цикл глав, посвященных поискам путей изменения существующего уклада жизни (см. стр. 112). Народная революция — таков наиболее реальный путь ликвидации крепостничества и самодержавия, двух главных зол русской жизни. Вместе с тем «Тверь» имеет и свою, весьма оригинальную внутреннюю структуру. Обоснование мысли о неизбежности взрыва и теория народной революции содержатся в оде «Вольность»; сама же ода включена в текст как иллюстрация к рассуждениям об истории новой русской поэзии и состоянии стихосложения, которые крайне резко и заостренно развивает встреченный Путешественником «новомодный стихотворец».

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье и т. д. В первой трети XVIII века в русской поэзии господствовала силлабическая система стихосложения, основанная

на том, что в каждом стихе было определенное число слогов, ударения же располагались как попало, за исключением одного — на рифме. Чаще всего фиксированное ударение приходилось на второй от конца слог (так называемая «женская рифма»), гораздо реже — на последний слог («мужская»), совсем редко — на третий от конца («дактилическая»). По представлениям теоретиков XVIII века, силлабическая система была заимствована русскими поэтами из польского стихосложения. В 1735 году Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1769) положил начало реформе русского стихосложения, предложив ввести понятие «стопы» — сочетания двух слогов, ударного и неударного. Из повторения подобных стоп получался новый стихотворный размер «хорей» («трохей»), который Тредиаковский считал наиболее пригодным для русского языка. Из повторения стоп с обратным расположением слогов — сначала безударного, потом ударного — получался ямб, сферу применения которого Тредиаковский резко ограничивал. Кроме того, он предлагал при помощи новой системы, названной им «тóнической» (теперь она именуется силлабо-тонической), писать только длинные, многосложные стихи, в коротких же сохранить силлабический принцип (теория Тредиаковского изложена в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», Спб., 1735). В 1739 году Михайло Васильевич Ломоносов (1711—1765) прислал из-за границы в Академию наук «Письмо о правилах российского стихотворства». Резко критикуя теорию Тредиаковского за ограниченность, Ломоносов предлагал вообще отказаться от силлабики и распространить силлабо-тонический принцип на всю поэзию. Связав отдельные размеры с эмоциональным воздействием, Ломоносов утверждал, что ямб соответствует мыслям «высокого» содержания, а хорей — «нежного». Не ограничиваясь двустопными размерами, Ломоносов предложил использовать в русской поэзии трехстопные — анапест (с ударением на третьем слоге; может использоваться в «высоких» стихах, подобно ямбу) и дактиль (ударение на первом слоге; подобно хорею, размер «нежный»), а также смешанные, составленные из разных дву- и трехсложных стоп: ямбо-анапестический, дактило-хореический и пр. Для иллюстрации своей теории Ломоносов к теоретическому «Письму» приложил «Оду на взятие Хотина», написанную четырехстопным ямбом. Академия наук пере-

дала трактат Ломоносова на рецензию Тредиаковскому, который отверг предлагавшиеся Ломоносовым теоретические нововведения. Поэтому «Письмо о правилах российского стихотворства» напечатано не было (оно увидело свет только в 1778 году), однако появившиеся в печати по возвращении Ломоносова в Россию оды показали преимущество его теории, и в 40-х годах силлабический принцип в светской поэзии исчезает. Победе силлабо-тоники немало способствовал Александр Петрович Сумароков (1717/1718—1777), выдающийся поэт, основатель новой русской драматургии, крупнейший теоретик. Именно Сумароков окончательно завершил теорию силлабо-тонического стихосложения: он дополнил число трехсложных размеров амфибрахием (ударение на втором слоге); создал многочисленные образцы произведений, написанных всеми двусложными и трехсложными размерами (Ломоносов, за редкими исключениями, писал ямбом); теоретически обосновал невозможность писать «чистыми» ямбами и хореями и доказал неизбежность употребления спондеев и пиррихиев; ввел в русскую поэзию вольный (разностопный) ямб и начал писать полиметрические произведения (то есть такие, в которых, в зависимости от содержания, поэт чередует разные размеры: после куска, написанного, например, четырехстопным ямбом, следует кусок четырехстопного хорея, шестистопного ямба, дактиля, анапеста и т. п.). Сумароков разработал теорию жанров и вместе с Ломоносовым — теорию «трех штилей» (обычно создание этой теории приписывается одному Ломоносову, что не совсем верно: в трудах 40-х годов Ломоносов писал о двух стилях; Сумароков же в «Эпистоле о стихотворстве» 1747—1748 годов распределил жанры между тремя; в соответствии с этим в конце 50-х годов Ломоносов в работе «О пользе книг церковных» лингвистически обосновал теорию именно трех стилей).

Ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы и т. д. «Новомодный стихотворец» совершенно прав, когда отмечает количественное преобладание стихов, написанных ямбом. Но он неправ, когда объясняет это явление «великим примером» Ломоносова и Сумарокова. Дело в том, что теория Ломоносова — Сумарокова требовала соотнесения определенного содержания с определенной формой, и в сознании современников и последующих поэтов и читателей определенные

жанры связались с определенными размерами, типами строф, способами рифмовки и пр. (психология XX века находит объяснение этому явлению в учении о динамическом стереотипе). Четырехстопный ямб стал размером «высокой» лирики (оды торжественные, публицистические, философские, духовные); трехстопный ямб и четырехстопный хорей применялись в анакреонтических одах и песнях; вольный ямб — в баснях, шуточных поэмах и дружеских посланиях; шестистопный ямб — в эпических поэмах, трагедиях, «серьезных» теоретических посланиях (эпистолах) и т. д. Сатирические произведения (поскольку они обычно были пародийны по отношению к определенным жанрам — эпическим поэмам, одам, трагедиям и пр.) также писались либо четырехстопным, либо шестистопным ямбом. В кантатах, ораториях, операх применялась полиметрия — чередование разных размеров. Таким образом получалось, что сфера действия разных видов ямба была наиболее широкой, а это привело к количественному преобладанию ямбических стихов над всеми другими размерами.

Иов — мифический персонаж, которому приписывалось авторство одной из частей Библии — «Книги Иова», по мотивам которой Ломоносов написал четырехстопным ямбом духовно-философскую «Оду, выбранную из Иова».

Псалмопевец — библейский царь Давид, автор входящей в Библию «Псалтири». Ломоносов переложил ямбом псалмы 1, 26, 34 и другие (однако у него есть и хореическое «Преложение псалма 14»).

«Семира» или «Димитрий» — трагедии Сумарокова «Семира» (1751) и «Димитрий Самозванец» (1771), написанные шестистопным ямбом.

Херасков Михайло Матвеевич (1733—1807) — выдающийся поэт, драматург и писатель. Многие стихотворения его написаны хореем, но эпическая поэма «Россияда» (1770—1778) — шестистопным ямбом.

Не дивлюсь, что древний треух на Виргилия надет ломоносовским покроем. «Энеида» Виргилия переведена шестистопным ямбом Василием Петровичем Петровым (1 песнь — 1770, полностью — 1781—1786).

Ексаметр — гекзаметр, шестистопный дактиль, в котором часть дактилических стоп заменена хореическими. В 1778 году М. Н. Муравьев начал переводить «Илиаду» гекзаметром, но перевел лишь пять стихов.

Костров Ермил Иванович (1755—1796) — поэт и переводчик. В 1787 году вышли из печати первые шесть песен «Илиады», переведенные им шестистопным ямбом (песни 7—9-я опубликованы посмертно, в 1811 году).

Неутомимый возовик Тредиаковский немало к тому способствовал своею «Тилемахидою». О «Тилемахиде» см. стр. 34. Во всех рукописных редакциях Радищев так развивал эту мысль: «Если бы он из Фенелонова романа извлек токмо, так сказать, эссенцию, оставив все скучное и поэме неприличное, то и он бы мог иметь подражателей».

Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредиаковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекеспира или Вольтера. Радищев говорит, что произведение любого поэта, написанное гекзаметром, покажется подражанием «Тилемахиде» (которая в представлении современников является «примером... худого стихосложения») и потому сочтено уродливым; так будет до тех пор, пока не родится великий поэт, который сможет преодолеть силу традиционного мнения. Действительно, пример Тредиаковского настолько напугал современников, что к гекзаметру не рисковал обращаться почти никто. Через 11 лет после выхода «Тилемахиды» М. Н. Муравьев осмелился написать гекзаметром стихотворение «Роща» (напечатано в 1778 году). Но лишь в 90-е годы началось широкое освоение античного наследия, и в частности поиски форм стиха, соответствующих древнегреческой и римской метрике (Н. А. Львов, А. Х. Востоков, сам Радищев и др.). Данный же Радищевым совет перевести «Илиаду» гекзаметром был реализован через сорок лет: в 1829 году вышел в свет перевод Н. И. Гнедича (причем сначала Гнедич начал переводить Гомера шестистопным ямбом, но потом — не без влияния Радищева и Востокова — обратился к гекзаметру). Интересно, что оценка труда Гнедича, данная В. Г. Белинским: «Перевод «Илиады» — эпоха в нашей литературе» (Белинский. Полное собрание сочинений, т. 5, 1954, стр. 553), — явно перекликается с тем, что Радищев написал о Кострове: если бы Костров перевел Гомера гекзаметром, он «сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением».

Тогда и Тредиаковского выроют из поросшей мхом забвения могилы, в «Тилемахиде» найдутся добрые стихи

и будут в пример поставляемы. Первую попытку объективной переоценки «Тилемахиды» сделал сам Радищев в статье «Памятник дактило-хореическому витязю» (написана, по-видимому, в начале 1801 года). Оправдав Тредиаковского за слабости содержания поэмы (поскольку оно принадлежит Фенелону, автору романа), хотя и с оговоркой, что «сама мысль преложить «Телемака» в стихи есть неудачное нечто», Радищев основное внимание обратил на анализ поэтики Тредиаковского. Продемонстрировав ее сильные и слабые стороны, Радищев сделал вывод: «В «Тилемахиде» находятся несколько стихов превосходных, несколько хороших, много посредственных и слабых, а нелепых столько, что счесть хотя их можно, но никто не возьмется оное сделать. Итак, скажем: «Тилемахида» есть творение человека ученого в стихотворстве, но не имевшего о вкусе нималого понятия» (Соч., II, стр. 202, 218, 221.)

Привыкшее ухо ко краесловию — ухо, привыкшее к рифме.

Слышав долгое время единогласное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Заявление «новомодного стихотворца», что в русской поэзии не применяется безрифменный («белый») стих, нельзя понимать буквально: от Кантемира до Державина трудно назвать поэта, который не писал бы белым стихом. Речь, очевидно, может идти только о том, что белый стих сравнительно мало используется в крупных произведениях. В этом смысле «Тилемахида» Тредиаковского, княжнинский перевод «Генриады» Вольтера представляют собой довольно редкие явления. Сумарокову, часто писавшему белым стихом небольшие произведения, Г. А. Потемкин предложил сочинить трагедию без рифм. Сумароков от этого предложения отказался и попутно выругал Княжнина за переведенную белым стихом трагедию Корнеля «Смерть Помпеева».

Виргилий — см. «Подберезье».

Мильтон, Джон (1608—1674) — английский поэт, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай».

Расин, Жан (1639—1699) — французский поэт и драматург.

Вольтер — см. «Подберезье» и «Торжок».

Тассо, Торквато (1544—1595) — итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим».

Перевод «Генриады», героической поэмы Вольтера, был осуществлен безрифменным («некраесловным») шестистопным ямбом Я. Б. Княжниным (1740—1791); вышел из печати в 1777 году.

«Вольность»... Ода. О колебаниях Радищева, в каком виде включать «Вольность» в «Путешествие», см. дальше.

Но я очень помню, что в Наказе... сказано: «Вольностию называть должно то, что все одинаковым повинуются законам». То ли действительно цитируя екатерининский «Наказ» по памяти, то ли желая создать подобное впечатление относительно «новомодного стихотворца», Радищев скомбинировал приводимую цитату из двух разных параграфов «Наказа»: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам»; «Чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтоб... боялися бы все одних законов» (§§ 34 и 39).

Брут — Марк Юний Брут (85—42 до н. э.), один из организаторов убийства Юлия Цезаря; в XVIII веке его имя было символом стойкого, несгибаемого республиканца, борца с деспотизмом, цареубийцы.

Телль Вильгельм — герой народного сказания, крестьянин, борец с австрийским владычеством в эпоху войны швейцарских патриотов за независимость в начале XIV века, убийца наместника-тирана; это убийство послужило сигналом к восстанию и свержению австрийского ига.

Стих «Во свет рабства тьму претвори». Он очень туг и труден на изречение ради частого повторения буквы Т и ради соития частого согласных букв... хотя иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия. Разъясняя принципиальные основы своей поэтики, Радищев комментирует так называемый «трудный стих» — один из приемов звуковой и ритмической организации словесного материала в поэзии. Уже Феофан Прокопович, первый теоретик русского классицизма, разрабатывая проблему соответствия содержания и формы в поэзии, требовал, чтобы «внешность предмета нашла себе словесное выражение». Идея связи смысла, звука и ритма в теории классицизма развивалась в двух аспектах. С одной стороны, Ломоносов сделал попытку установить эмоционально-смысловое значение отдельных букв («Риторика» 1748 года) и на этой

основе строил свои оды; затем на эту теорию опирались Петров и другие одописцы ломоносовской школы, причем они злоупотребляли звуком в ущерб смыслу, что вызвало решительный протест Сумарокова. С другой стороны, практическое воплощение связи звука и смысла в пределах одного стиха привело к созданию особого приема — «трудного стиха» в двух разновидностях — произносительно трудного и ритмически трудного. В этом случае нарочитое скопление согласных (или употребление нескольких односложных слов подряд, то есть применение спондеев в хореях и особенно в ямбах; употребление внеметрических ударений, то есть постановка на безударное по схеме размера место важного по смыслу слова, на котором необходимо сделать сильное ударение) создавало «трудный» для произношения стих. Эта трудность должна быть связана с трудностью изображаемого действия, «важностью» содержания и т. д. В 70-е годы оформилась новая теория — звуковой и произносительной нейтральности стиха во имя «плавности», «гладкости», «легкости», «сладостности» и т. п. Эта теория (в наше время получившая условное название «эстетика отказов») лежит в основе художественной практики сентиментализма и особенно так называемой «легкой поэзии» (Херасков, Богданович, позднее Карамзин и др.). В борьбе с «эстетикой отказов» Державин и Радищев на новой основе разработали теорию «изразительной гармонии» (термин Радищева в «Памятнике дактило-хореическому витязю») и воплотили ее в собственной поэтической практике. В отличие от сентименталистов и приверженцев «легкой поэзии», у Державина и Радищева звук чрезвычайно активен, причем они используют самые различные приемы — от простого звукоподражания до сложных развернутых звуковых картин, разные виды «трудного стиха» и т. п. В отличие от классицистов, Державин и Радищев связывали звук и эмоциональное содержание не механически, а диалектически дифференцированно; определяющую роль при этом играла не заранее предустановленная теория, а индивидуально-поэтический контекст. Именно такой подход к соотношению звука, ритма и содержания ляжет в основу пушкинской поэтики. В стихе «Во свет рабства тьму претвори» сочетаются обе разновидности «трудного стиха». Об одной из них говорит «новомодный стихотворец», указывая на нарочитое скопление согласных, затрудняющее произ-

ношение. Вторая — ритмическая затрудненность — оставлена без комментария автора. Здесь дело в следующем: согласно ритмическому движению ямба (или ямбической схеме) ударения должны падать на четные—2, 4, 6, 8-й — слоги («Да Брут и Телль еще проснутся»); тут же под сильным ударением стоят 2, 4, 5, 8-й слоги (поскольку слово «тьму», чрезвычайно важное по смыслу, проговорить безударно, «проглотив» ударение, нельзя). В результате ямбический ритм ломается, и на фоне соседних данный стих останавливает внимание и чтеца, и слушателя. «Трудный стих» Радищев применяет в «Вольности» и дальше, например:

Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает...

Чугунный скиптр обвил цветами...

Радищев счел нужным в «Путешествии» не только прокомментировать прием (тем самым он обратил внимание читателя на то, о трудности какого действия идет речь в стихах), но и указал, что у него есть противники в поэзии — сторонники «сладостного стиха», заявляющие, что «на российском языке толико же можно писать сладостно, как и на италианском». Далее Радищев, чтобы обратить особое внимание читателя на «Вольность», цитирует еще один стих и подчеркивает в комментарии «новомодного стихотворца» его политический смысл: «Желать смятения царю есть то же, что желать ему зла; следовательно...» В дальнейшем такого рода комментария в книге нет, и все внимание читателя сосредоточивается на политическом смысле «Вольности», развивающей радищевское учение о народной революции.

Позвольте, чтобы я вашим был чтецом. Следующий далее текст (за исключением последнего абзаца главы) представляет собой изложение оды «Вольность», из 50 строф которой «новомодный стихотворец» часть цитирует, часть пересказывает. Однако существует текст «Вольности», состоящий из 54 полных строф (см.: Соч., I, стр. 1—17; Барсков, стр. 213—231; «Хрестоматия по русской литературе XVIII века», сост. А. В. Кокорев и т. д.). Что же Радищев создал раньше: «Вольность» как самостоятельное произведение из 54 строф или «Вольность» как часть «Путешествия» в составе неполных 50 строф? Первым обратился к изучению «Вольности»

В. П. Семенников («Радищев», стр. 1—24), который установил, что 46-я строфа представляет собой пересказ отрывка из напечатанной в 1781 году книги Рейналя об американской революции. С другой стороны, в 34-й строфе говорится о Вашингтоне как вожде армии (он перестал им быть в 1783 году); некоторые строки «Вольности» перекликаются со стихами из «Оды на рабство» В. В. Капниста (написана также в 1783 году). Отметив эти факты, Семенников сделал вывод, что Радищев создал «Вольность» в 1781—1783 годах, задолго до издания «Путешествия». Эта датировка до недавнего времени была общепринятой, но в 1964—1966 годах Г. П. Шторм и Д. С. Бабкин сделали попытку опровергнуть ее. Они заявили, что в 1788 году у Радищева было готово только 50 строф, а четыре будто бы дописаны и вставлены в оду только в 1799—1800 годах. Однако специальное текстологическое исследование списков «Путешествия» и «Вольности» показало, что ни о каком «дописывании» оды в конце столетия не может быть и речи, поскольку полный текст «Вольности» в 54 строфы есть уже в том списке «Путешествия», который восходит к радищевскому оригиналу 1788 года (см.: В. А. Западов. Работа А. Н. Радищева над «Путешествием». — «Русская литература», 1970, № 2, стр. 165, 168). Таким образом, «Вольность» как самостоятельное произведение была завершена около 1783 года, однако, работая над «Путешествием», Радищев долго колебался, как и в каком объеме включить ее в книгу. Сначала он собирался ввести оду объемом в 28 строф, избранных из 54 так, чтобы они составили законченное стихотворение. Это сокращение полного текста писатель производил в два приема. На первом этапе он сократил оду до 42 строф, заново перенумеровав на полях полного списка «Вольности» только избранные строфы и оставив двенадцать без нумерации (это были строфы 9, 24, 26, 28 и 30—37-я, как показывает один из списков оды, в котором эта нумерация скопирована сыновьями Радищева). Затем, на втором этапе, писатель в начальной редакции «Путешествия» перечислил подряд номера двадцати семи строф (причем номера указывал по редакции в 42 строфы), которые вместе с приведенной ранее первой составляли опять-таки целостное завершенное произведение. Выглядело это в рукописи следующим образом: «Строфы 3. 4. 6. 7. 10. 11. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 22. 23.

24. 25. 30. 31. 32. 35. 38. 39. 40. 41. 42». В полном тексте «Вольности» этим номерам соответствуют строфы 3, 4, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 27, 29, 42, 43, 44, 47, 50, 51, 52, 53, 54. При изготовлении цензурной рукописи (Ан) Царевский переписал указанные Радищевым строфы подряд. Однако писатель не был удовлетворен: редакция из 28 строф не отражала всей совокупности идей, содержащихся в оде. Но и текста в 42, а тем более в 54 строфы Радищев дать не мог и не хотел по разным причинам — и прежде всего потому, что длинный сплошной стихотворный текст разрывал повествование книги. Кроме того, иногда текст оды слишком явно дублировал то, что уже было сказано в предыдущих главах (так, о роли Лютера в истории, чему посвящены связанные между собой 24, 26 и 28-я строфы, говорилось в введенных после цензуры частях «Путешествия» — новом тексте «Подберезья» и «Кратком повествовании о происхождении ценсуры»). В некоторых случаях взгляды самого Радищева со времени создания «Вольности» изменились настолько, что он уже просто не мог повторить того, о чем писал раньше. Характерный пример такого рода — строфы 45-я и особенно 46-я, в которых выразилось восторженное отношение Радищева к Америке в начале 80-х годов, впоследствии сменившееся резко отрицательным (см. «Хотилов» и «Вышний Волочок»). Наконец в некоторых случаях, по-видимому, Радищеву казалось, что мысль выражена не вполне удачно или слишком длинно (так, двадцать стихов 42-й и 43-й строф писатель заменил одной фразой, сформулированной предельно кратко и афористически четко: «Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство»). В конечном счете Радищев принял решение 13 строф (не считая первой) привести полностью, 14 пересказать с включением отдельных строк или отрывков, 22 изложить в более или менее общем виде.

Я в свет исшел и ты со мною. Речь идет о человеке в «естественном состоянии» (см. «Любани», «Новгород», «Зайцово», «Хотилов»).

Но что ж претит моей свободе и т. д. В 3—6-й строфах речь идет о добровольном ограничении людьми своих ничем не ограниченных желаний при объединении на началах «общественного договора» для пользы каждого и для общей пользы (см. «Зайцово» и «Хотилов»), возник-

новении закона, равно справедливого по отношению к каждому члену гражданского общества.

Крин — лилия, в литературе — символ чистоты и невинности.

Олива — маслина, символ мира.

Паросска мармора белее. Мрамор, добываемый на острове Парос (Греция), славился белизной.

Безжалостно и хладнонравно, Глухое божество — закон, не знающий снисхождения из личных симпатий, равно беспристрастный ко всем и не прислушивающийся ни к кому из отдельных лиц.

Гнушаясь жертвенныя тли — т. е. тленных, презренных подношений (презирая подкуп).

Равно делит и мзду и казни. Мзда — здесь: воздаяние, награда.

Чудовище ужасно — религия.

Священное суеверие — религия.

Власть называет оное изветом божества — власть называет религию законом, данным (сообщенным) богом.

В мире и тишине — см. «Яжелбицы», «Хотилов», «Торжок».

Суеверие священное и политическое, подкрепляя друг друга, союзно общество гнетут. Утверждая, что религия и самодержавие («политическое суеверие») угнетают общество совместно («союзно»), взаимно поддерживая друг друга, Радищев расходится с Руссо, который считал, что церковь и светская власть борются между собой.

Чело надменное вознесши и т. д. Явная перекличка с изображением самодержца в «Спасской Полести» (особенно в стихах «Где я смеюсь, там все смеется; Нахмурюсь грозно, все смятется», соотносящихся с саркастической картиной горести придворных при зевке монарха и радости при чихании).

Се мститель грядет, прорицая вольность. Исходя из мысли, что слово предваряет действие, Радищев оценивал себя как предшественника грядущей революции в России.

«Под игом власти сей рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал», —

так скажет в далеком будущем о Радищеве юноша, пришедший к его могиле (строфа 47-я полного текста).

Право мщенное природы — право мщения, основанное на естественном (природном) законе (см. «Любани», «Зайцово», «Хотилов»).

Влечет его, как гражданина, К престолу, где народ воссел и т. д. Народ-суверен судит монарха как преступника, нарушившего «общественный договор». «Радищев отказывается рассматривать восстание угнетенных как противозаконную акцию, нарушение правопорядка. Напротив, он считает в этом случае действия народа направленными на восстановление правопорядка, угнетателей же, в том числе монарха, — преступниками, находящимися в состоянии противозаконного мятежа против народа-суверена... Правовая мысль Радищева заострена против формально-юридического истолкования закона и законности, направленного на защиту старого феодального порядка. Радищев не только не абсолютизирует действующий гражданский закон, но его теория революционного восстания предусматривает признание гражданского закона вообще недействительным на весь период революции... Угнетенные члены общества... освобождаются от обязанности соблюдать положенные законом ограничения своей воли и действуют в соответствии с неотъемлемым «естественным правом» на самосохранение. Их действия вдохновляются в этом случае стремлением к самозащите и мотивом воздаяния за обиду» (Старцев, стр. 168—169). Сходные идеи развиваются в речи Крестьянкина («Зайцово»).

Тебя облек я во порфиру — то есть сделал тебя царем (порфира — мантия багряного цвета, один из атрибутов монархической власти). Как неоднократно отмечалось в научной литературе, изображая суд народа над монархом, Радищев опирался на конкретный исторический пример — суд английского парламента над королем Карлом I (см. «Торжок»). Ряд пунктов обвинительной речи народа, обращенной в «Вольности» к монарху, перекликается с обвинительным актом, предъявленным Карлу 20 января 1649 года. Следует отметить также, что в 15-й строфе (16-я полного текста) народ обращается к царю с теми же обвинениями, какие в Псалтири предъявляет земным владыкам бог (псалом 81). При этом, однако, радищевские стихи стилистически и лексически близки не столько к формулировкам самой Псалтири, сколько к преложению

81-го псалма в стихотворении Г. Р. Державина «Властителям и судиям» (1779—1780, 1787). Ср.:

Радищев	Державин
Тебя облек я во порфиру Равенство в обществе блюсти, Вдовицу призирать и сиру, От бед невинность чтоб спасти... Устройством зло предупреждати...	Ваш долг есть: сохранять законы, На лица сильных не взирать, Без помощи, без обороны Сирот и вдов не оставлять. Ваш долг: спасти от бед невинных...

Народ в «Вольности» выступает как истинный бог, верховный судия, и это не случайно. В 18-й строфе (19-я полного текста) народ, обращаясь к царю, обвиняет его за то, что он «Возмнил, что ты господь, не я», и за то, что царь «Взывать стал не ко мне, но к богу».

Покрыл я море кораблями и т. д. В 16—17-й строфах (17—18-я полного текста) народ выступает как творец всех материальных благ, существующих на земле, и как единственный источник силы и могущества.

На что ж, скажи, их недостало, Что рубище с меня сорвал? и т. д. — На что же тебе недостало тех сокровищ (которые я достаю «кровавым потом»), что отбираешь у меня последние нищенские крохи? На то, чтобы одаривать льстивого любимца, бесстыдных фавориток!

В отличность знак изобретенный — орден.

Сгружденные полки в защиту и т. д. Ведешь ли собранные полки на бой во имя гуманности? Нет, кровавые битвы нужны тебе для удовлетворения пустого честолюбия, чтобы слава достигла отдаленных стран.

Великий муж, коварства полный, и т. д. Строфа 22 (23-я полного текста) посвящена всесторонней оценке Оливера Кромвеля (1599—1658), выдающегося деятеля английской революции XVII века. Ревностный пуританин (см. «Подберезье»), Кромвель обратил на себя внимание резкими выступлениями против католической церкви. Талантливый военачальник, он в ходе революции выступал за демократизацию парламента и армии, однако после победы в 1-й гражданской войне и пленения короля вел очень изворотливую и двуличную политику. После победы

во 2-й гражданской войне и казни Карла I Кромвель становится главнокомандующим, а затем лордом-протектором, диктатором Англии. Подавление демократических свобод и усиление единоличной власти Кромвеля в конечном счете привели к тому, что через полтора года после его смерти, в 1660 году, в стране была восстановлена монархия. Давая диалектическую оценку личности и деятельности Кромвеля, Радищев считает, что «пример великий», поданный Кромвелем, — это первая в истории казнь короля на основании приговора, вынесенного парламентом как представителем народа.

И се глас вольности раздается во все концы... На вече весь течет народ и т. д. После победы революции и казни монарха общая воля народа разрушает старый порядок и создает новое гражданское общество, новую законность; дух свободы велик и созидателен, как бог.

Самсон — библейский силач, который так потряс стены храма, что они рухнули и погребли под собой множество врагов.

Марий, Сулла. Гай Марий (156—86 до н. э.) и Луций Корнелий Сулла (138—78 до н. э.) вели гражданскую войну за единоличную власть в Риме.

Август — см. «Торжок».

Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство. О циклическом развитии человечества Радищев писал в «Подберезье».

Следующие 8 строф содержат прорицания о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее. Предсказывая будущее России, Радищев полемизирует с Руссо, который полагал, что республиканское правление возможно лишь в территориально небольших странах, а для больших необходима монархия. В одной из заметок Радищев писал: Руссо «с умствованием много вреда» сделал тем, что «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие» (Соч., III, стр. 47). Радищев же полагал, что большие размеры самодержавного государства с увеличением расстояния от источника власти ослабляют силу деспотизма. Гнет самодержавия приведет к революции и гражданской войне, в ходе которой государство разделится на ряд республик; объединившись в федеративный союз, они совместно «задавят» монархию:

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей возжег, —
Возникнут малые светила:
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцом.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность воссияла. В рукописных редакциях, где не «новомодный стихотворец» излагал «Вольность», а сам Путешественник читал ее стихотворный текст, продолжение было иное: «Прочитав, я ему сказал: «Если вы, государь мой, ни за чем другим едете в Петербург, как дабы истребовать дозволение на напечатание ваших стихов, то возвратитесь в покое домой и потщитесь исправить их от двух погрешностей: от нелепости выражений и, сказать вам могут, от нелепости мыслей». Он, поглядев на меня с презрением: «Прочтите сию бумагу и скажите мне, не посадят ли и за нее... Читайте: сие долженствовало быть для великого поста, некоторым случаем не докончено. Да будет оно примером, как можно писать не одними ямбами». Развернув, прочел следующее:

«Творение мира.
Песнословие.
Хор.
Тако предвечная мысль, осеняясь собою и проч.».

—«Вы уже улыбаться начинаете, вам кажется уже, что читаете «Тилемахиду». Но смейтесь, как хотите; «Чудище обло, огромно, с тризевной и лаяй» не столь дурной стих. Но о сем теперь не к стате, продолжайте и смейтесь». Дальше следовал текст полиметрического «песнословия» (т. е. оратории, кантаты духовного содержания) «Творение мира», которое развивало характерный для Радищева взгляд на мысль и слово как на ту силу, которая призвана бороться с несовершенством мира. После незавершенного «песнословия» следовало такое окончание главы: «Конца нет. — «Что ж вы скажете о употреблении в одном сочинении разного рода стихов? Но сие смешение не только прилично малому и для пения определенному стихотворению, но удачно будет и в эпопее. Не мой сей есть

совет, но Мармонтелев» (Жан-Франсуа Мармонтель (1723—1799) — французский писатель и философ-просветитель. — *Авт.*). — Я, собрав мои мысли, хотел ему на его стихи сказать нечто, может быть, ему и не приятное. Но колокольчик на дуге возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, оставляя Пегаса в парнасской конюшне, и для того я поспешно с новомодным моим стихоплетчиком простился». Радищев снял «Творение мира», по-видимому, после того как в «Путешествие» вошла расширенная «Вольность», и соответственно сократил окружающий «песнословие» прозаический текст.

Вот и конец, сказал мне новомодный стихотворец. Екатерина по поводу «Вольности» писала: «Содержится, по случаю будто стихотворчества, ода совершенно явно и ясно бунтовская, где царям грозится плахою. Кромвелев пример приведен с похвалами. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские» (Процесс, стр. 163).

Пегас — мифологический крылатый конь, символ поэтического вдохновения.

Городня

Городня — село и почтовая станция в 28 верстах от Твери.

Не стихотворческим пением слух мой был ударяем. По мнению А. Г. Татаринцева, слова о «стихотворческом пении» в ранних редакциях «Путешествия» соотносились с «Творением мира» («для пения определенным стихотворением»); после исключения «песнословия» из книги эти слова стали «смысловой неувязкой» (см.: «Русская литература», 1966, № 1, стр. 256).

Рекрутский набор — способ комплектования армии, введенный в России при Петре I, в 1699 году. В зависимости от военной потребности устанавливалось общее число нового набора, а затем вычислялось, сколько человек необходимо взять в армию с определенного количества душ мужского пола, подлежащих рекрутской повинности. Поскольку дворянство, духовенство, купечество, лица свободных профессий (художники и др.), а также ряд окраинных местностей, фабрики и заводы в екатерининское время были от рекрутской повинности освобождены, вся тяжесть падала преимущественно на крестьян внутренних губерний России. Рекрутчина была особенно тяжела для крестьянства еще и потому, что при подсчетах правительство исходило из общего числа душ мужского пола, в котором значительная часть приходилась на стариков, детей, больных и мужчин низкорослых, для армии непригодных. В результате русская деревня ежегодно теряла десятки тысяч наиболее здоровых и крепких работников в возрасте от 16 до 40 лет — причем теряла навсегда, поскольку солдатская служба была пожизненной. В конце 80-х годов, когда Радищев работал над книгой, Россия одновременно воевала с Турцией и Швецией, и один рекрутский набор следовал за другим. 27 августа 1787 года был издан указ о наборе по 2 рекрута с каждых 500 душ (а на деле, по подсчетам Радищева, не с 500, а с 150—160, — см.: Соч., III, стр. 108—109). 25 ноября 1787 года появился новый указ — о наборе еще по 3 рекрута с 500 душ; 1 июля 1788 года объявлено о приеме рекрутов, которых помещики сдадут по доброй воле, 29 августа того же года вышел указ о наборе по 5 рекрутов; 27 августа 1789 года — снова по 5 рекрутов с 500 душ. Вопрос о рекрутчине стоял так остро, что это сознавало само правительство. Екатерина II незадолго до подписания последнего указа, 10 августа 1789 года, говорила: «Может у нас в черни произвесть ферментацию (брожение. — *Авт.*) рекрутский набор не с 500 одного, но с 500 пяти» (Храповицкий, стр. 176). В этих условиях глава «Городня» приобретала особо злободневное звучание.

Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? и т. д. Слова матери рекрута и дальше его невесты — это причитания, особый жанр устного народного творчества. Любовная лирика, подблюдные и свадебные песни, пословицы и поговорки, сказки, в меньшей степени былины

неоднократно привлекали внимание дорадищевской литературы. Радищев первым вводит в литературу причитания. Включая в книгу слова матери, писатель-революционер воспроизводит плач, порожденный не бессилием человека перед лицом смерти, а горем, которого могло бы и не быть, если бы законы самодержавной России не заставляли смотреть на рекрутчину как на погребение заживо, как на страшное несчастье, хуже которого может быть только участь крепостного крестьянина. Воспроизведя причитания невесты, в которых проклинаются не злая разлучница, а «бесчеловечные старосты», Радищев показывает, как рождается фольклор, как одаренные русские люди в тяжкую минуту изливают горе в поэтических произведениях и как получают новое звучание традиционные образы устного народного творчества (см.: Кулакова. Очерки, стр. 309, ср.: «Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.)». Л., «Наука», 1970, стр. 417—419).

На меня пал жеребий. При объявлении набора власти определяли для каждой общины — городской, уездной, сельской — лишь общее число рекрутов (в зависимости от количества душ). В крепостных деревнях отдача в рекруты целиком зависела от помещика, в государственных же и казенных определялась жребием, по списку, очередность записи в котором устанавливалась местным начальством (отсюда возможность злоупотреблений — отдачи «не в очередь», зачисления в список единственного кормильца в семье и т. д.).

Экономическое селение. Так назывались деревни, ранее принадлежавшие монастырям, а с 1764 года ставшие государственными.

Посредственного роста — т. е. среднего.

Смурый кафтан — кафтан крестьянского некрашеного сукна из темной шерсти.

Если вы не поскучаете слышать моей повести, то я вам скажу, что я родился в рабстве и т. д. Повесть, рассказываемая рекрутом — крепостным интеллигентом, достаточно типична для XVIII века. Нередки были случаи, когда по желанию владельца, которому нужен был образованный слуга, художник, музыкант и т. п., крепостной приобщался к культуре. Выдающиеся живописцы Аргуновы, писатель и драматург В. Вороблевский, актриса П. Жемчугова,

композитор и капельмейстер С. Дегтярев и другие были крепостными графов Шереметевых. Крепостной генерала Г. И. Бибикова Д. Н. Кашин учился у известного композитора Сарти; с 1790 года он сам сочинял музыку и выступал с концертами, но только в 1799 году удалось добиться его освобождения. Судьба подобных интеллигентов, остававшихся в крепостной зависимости, нередко складывалась драматически. Известны случаи самоубийства; некоторые пытались бежать за границу, дабы обрести свободу. История одного из таких «беглецов» давно уже привлекает внимание исследователей жизни и творчества Радищева. Крепостной князей Голицыных, Николай Семенович Смирнов (1767—1800), обучался разным наукам сначала дома, а потом в Московском университете (куда он ходил по особому разрешению директора, которое сумел получить для него отец, управляющий голицынскими имениями). Некоторое время спустя учение пришлось бросить — отцу понадобилось оставить сына дома для занятий «по делам господским», учиться же самостоятельно, без руководителей, было трудно. Отец неоднократно просил господ дать сыну вольную, но встречал отказ, так как тем нужен был образованный дворовый. Наконец и сам молодой человек подал письмо, в котором просил или предоставить ему свободу, или отдать в солдаты. Снова последовал отказ, и тогда Смирнов задумал бежать за границу с поддельной подорожной. В конце концов в 1785 году он был пойман и приговорен петербургской Палатой уголовного суда к наказанию кнутом, вырезанию ноздрей, клеймению и каторге. Каким-то образом его история получила огласку, в дело вмешалась императрица: Смирнову было велено подробно описать свою «вину» и покаяться. Затем последовало «помилование» — Смирнова отдали в солдаты и отправили в Тобольск, откуда он был переведен в Забайкалье. В Сибири он занялся литературой, печатался в тобольском журнале и посылал свои произведения в Москву. История Николая Смирнова могла стать известной Радищеву еще в 1785 году, во всяком случае, они встречались в Тобольске, о чем сообщил П. А. Радищев (Биография А. Н. Радищева, стр. 72; автобиография Смирнова опубликована К. В. Сивковым, см.: «Исторический архив», V. М.—Л., 1950, стр. 288—299; см. также: «Поэты 1790—1810-х го-

довъ». Л., «Советский писатель», 1971, стр. 195—202; Старцев, стр. 89—96).

Старый мой барин, человек добросердечный, разумный и добродетельный, нередко рыдавший над участью своих рабов и т. д. Создавая образ старого барина, Радищев вступает в полемику с лучшими людьми своего времени. Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин и другие, борясь с злоупотреблениями крепостным правом, возлагали надежду на «доброго помещика». Радищев показывает иллюзорность этих надежд: старый барин действительно добрый помещик, но коренного изменения в положении своих крепостных он не производит (да и не может произвести). Даже судьба крепостного интеллигента, которому барин дает образование наравне с собственным сыном, в конечном счете оборачивается трагедией. В то же время в идейно-композиционном плане этот эпизод соотносится с «Крестьцами». Крестицкий дворянин, верящий в могущественную силу воспитания, вместе с тем допускает, что обстоятельства могут оказаться сильнее и «порок воцарится в сердце» детей. Справедливость этих сомнений подтверждается в «Городне» образом молодого господина.

Племянник моей барыни... влюбился в горнишную девку своей тетушки и, скоро овладев опытною ее горячностию, сделал ее матерью. И этот эпизод достаточно заурядеи для крепостнической действительности, но следует обратить внимание на слова «опытною ее горячностию». «Господский пример заражает верхних служителей», — писал Радищев в «Едрове», вернулся к этой мысли в «Хотилове» и более подробно развил ее в «Медном». «Горнишная девка», которую хотят выдать замуж за рассказчика, очевидно, развращена примером господ: недаром барыня ее «жаловала прежде», да и теперь хочет «покрыть грех» служанки, «любя ее в самом ее преступлении».

Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаяния исступила из очей его. — Я прижал его в сердцу моему. Лицо его новым озарилось веселием. — «Не все еще исчезло, ты вооружаешь душу мою, — вещал он мне, — против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое не бесконечно». Эпизод этот чрезвычайно многозначителен. Читатель может лишь догадываться, чем «вооружил душу» рекрута

Путешественник, ибо его слов Радищев не приводит, и только пропуск в повествовании, пунктуационно обозначенный в тексте «Путешествия» (между словами «из очей его.— Я»), намекает на то, что какие-то слова сказаны были. Однако достаточно и ответа рекрута, чтобы обратить особое внимание на этот образ: ведь образованный рекрут — единственный в книге крестьянин, с которым Путешественник находит общий язык. А это играет в идейно-композиционном замысле «Путешествия» важнейшую роль. Дело в том, что, подведя читателя к идее народной революции в предшествующих «Городне» главах, Радищев, собственно, не говорит о том, кем и как революция может осуществиться. Сами крестьяне способны лишь на «мщение» («Зайцово») или стихийное восстание типа пугачевского («Хотилов»). К идее народной революции приходят лучшие люди из дворян — сам Путешественник, автор «проектов» и записок в «Медном», автор «Вольности». Но найдут ли они сами, непосредственно, общий язык с народом? Радищев на этот вопрос отвечает недвусмысленно отрицательным образом: и в начале, и в середине, и в конце путешествия героя-дворянина не принимают ни крепостные, ни свободные крестьяне. Путешественник не может найти общего языка ни с пахарем в Любанях, ни с семьей Анюты в Едрове, ни с крепостной крестьянкой в Пешках. Но он находит этот язык в разговоре с рекрутом, — а отсюда ясна первостепенная важность данного эпизода и данного персонажа в «Путешествии»: образованные крепостные, осознавшие тяжесть неволи, — вот та прослойка, которая сможет соединить революционную мысль передового дворянства со стихийной реальной мощью крестьянства. Так завершается в «Городне» встречей с крепостным интеллигентом тема поисков путей изменения существующего уклада, начинающаяся с «Подберезья». Но Радищев отлично сознает, что революция — дело грядущего. В настоящем же существует самодержавно-крепостническая действительность, и писатель вновь обращается к ее изображению, сознательно повторяя тематику начальных глав: беззаконие и произвол (следующий эпизод «Городни», «Черная грязь»), «колдовство вельмож» («Завидово»), духовные и душевные свойства народа («Клин»), тяжелое положение крепостного крестьянства («Пешки», «Черная грязь»). Следующие после «Го-

родни» главы охватывают тот же круг тем, что и главы от «Софии» до «Спасской Полести». Но будущее не безнадежно, и порукой тому потенциальные силы русского человека, столь могучие, что они время от времени прорываются даже в сковывающих условиях самодержавия (Анюта, рекрут, Ломоносов).

Они принадлежали одному помещику, которому занадобилися деньги на новую карету, и для получения оной он продал их для отдачи в рекруты казенным крестьянам. Эта ситуация, очевидно, подсказана комической оперой Я. Б. Княжнина «Несчастие от кареты» (1779), где барин писал приказчику: «К празднику надобна мне необходимо новая карета... Мало ли есть способов достать денег? Например, нет ли у вас на продажу годных людей в рекруты. Итак, нахватай их и продай». Во исполнение барского приказа крепостного Лукьяна заковывают в цепи. Вообще продажа крепостных для отдачи в рекруты была необычайно доходна для помещиков, и при объявлении каждого набора широко развертывалась торговля людьми. Дело дошло до того, что для предотвращения «злоупотреблений» само правительство вынуждено было 29 сентября 1766 года издать указ, запрещавший заключать сделки на куплю-продажу крепостных в течение трех месяцев до начала набора. Но поскольку помещики не обращали внимания на запрещение, 13 января 1769 года появился новый указ, грозивший строгими карами за нарушение закона, а в следующем году был издан еще один такого же содержания. Новое подтверждение закона 1766 года вышло 22 октября 1789 года. Но уже в 1769 году Ф. А. Эмин в сатирическом журнале «Адская почта» описал один из способов, при помощи которых грозные распоряжения правительства нарушались весьма легко. Помещику, желающему купить крепостного для отдачи в рекруты во время, когда запрещено совершать сделки, чиновник разъясняет, как можно обойтись и без оформления купчей: «Продавец может будто отпустить на волю продаваемого крестьянина и дать ему письмо (т. е. вольную. — *Авт.)*, потом от мужичка написать челобитную, что он по причине дороговизны не может себя пропитать, желает к вам вступить в подданство, на что по указам дается вам и крепость; тогда вы вольны с ним делать, что хотите». Аналогичный способ обхода законов изображен и

Радищевым, с той разницей, что в «Городне» крепостных покупают не дворяне, а казенные крестьяне; это еще одно беззаконие, поскольку крестьянам владеть крепостными было запрещено законом 1746 года. Любопытно, что описанный Радищевым маневр — продажа крепостных под видом освобождения и приписка их к казенным деревням для отдачи в рекруты — через два года, в 1792 году, был узаконен правительством.

Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени и т. д. Мысль о том, что народ, перебив дворян, может выдвинуть выдающихся деятелей, подготавливается в «Путешествии» образом крепостного интеллигента и утверждается великим примером М. В. Ломоносова («Слово о Ломоносове»).

Когда нас поставят в меру. По прибытии на сборный пункт рекрутам измеряли рост, ибо в солдаты не брали ниже «указной меры» — 2 аршинов 3³/₄ вершков (около 167,5 см.).

Любек — город в Германии.

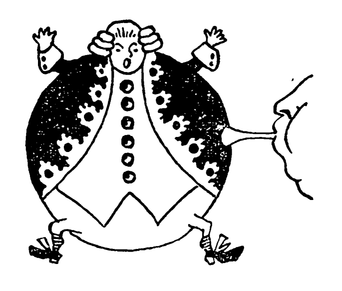
Прусские наборщики — т. е. вербовщики.

Мемель — древний литовский город, в XVIII веке принадлежавший Пруссии (ныне — г. Клайпеда Литовской ССР).

Советовали мне... искать в Москве учительского места. Я им сказал, что худо читать умею. Но они мне отвечали: «Ты говоришь по-французски, то и того довольно». Рассказ Радищева о французе-лакее, ставшем учителем, не зная грамоты, окрашен в сатирические тона, однако опирается на реальную действительность. Как бывшему пажу, писателю, конечно, было известно, что когда И. И. Шувалов выписал из Франции восемь лакеев для Пажеского корпуса, то петербургские баре тотчас переманили их к себе для воспитания детей. А в Москве был случай, когда уроженец Прибалтики выдал себя за француза и обучал воспитанников вместо французского языка — финскому. Классическое воплощение невежественного учителя-иностранца — бывший кучер Вральман в «Недоросле» Д. И. Фонвизина.

Отправился в путь. По поводу «Городни» Екатерина писала: «Повесть о рекрутском наборе, о отягченных крестьянах и тому подобное, служащее к проповедованию вольности и к искоренению помещиков» (П р о ц е с с, стр. 163).

Завидово

Завидово — почтовый ям в 26 верстах от Городни. В цензурной рукописи сохранилось более обширное начало: «Лошади мои были уже почти впряжены, и за сто верст хотя от Москвы я помышлял, где мне, приехав, пристать можно будет; рассматривал, что полезнее и почтительнее для меня быть может: взъехать на почтовый двор в Ямской или во французский трактир; с которого конца начать в Москве мое пребывание: начать ли скакать по улицам сломя голову и, заезжая на каждый знакомый двор, оставлять изображенное на карте знамение моего имени; или объездить все соборы, церкви, часовни, где есть мощи и чудотворные образа, поставить по свечке и отпеть по молебну; или явиться прежде всего в управу благочиния, дабы поскорее узнали в городе чрез газеты, что я прибыл в столичный город; в сем последнем случае я ошибался, ибо по имени означену быть в газетах надлежит принадлежать к первым пяти классам; а я, будучи не пятиклассный, был бы означен просто цыфирью, а как изображение их есть арабское, то, арабский язык будучи мало в Москве известен, никто бы под цыфирью не узнал, что газетчик арабскою иероглифою меня разумеет. Но из размышлений моих...» (Дальнейшего текста в рукописи нет). Все это шуточное начало Радищев снял, сконцентрировав, таким образом, внимание на блестящем памфлете, направленном против «колдовства вельмож».

Как у Виргилия в «Энеиде» речь Эола к ветрам: «Я вас!» Радищев в данном случае ошибся. В 1-й песне «Энеиды» (см. «Тверь») рассказывается о том, как Эол, повелитель ветров, выпустил их для того, чтобы погубить корабли троянцев; покровительствовавший же Энею бог моря Нептун, усмиряя ветры, воскликнул: «Я вас!»

Эолова острога — трезубец, постоянный атрибут Нептуна.

Полкан — сказочный воитель, получеловек-полуконь; здесь — всадник-драчун.

А вот лошади у меня будут... — и, схватя старика за бороду, начал его бить по плечам плетью нещадно. Весь этот эпизод соотносится с «Софией», проясняя причину испуганного вопроса не продравшего еще глаз комиссара: «Кто приехал? не...» «Миролюбивому человеку» среднего чина угрожает следствие, если он сделает «преступление на спине комиссарской». У «гвардейского полкана», предупреждающего желание «его превосходительства», даже не возникает сомнения, имеет ли он право прибегать к плети.

Дон Кишот, конечно, нечто чудесное бы тут увидел и т. д. Помимо внешнего гротеска в описании «его превосходительства особы», который предстает «от пыли серовиден, отродию черных подобным», в ссылке на роман Сервантеса также скрыта язвительная сатира: ведь перед Дон Кихотом из тучи пыли предстало стадо баранов.

Кто ведает из трепещущих от плети, им грозящей, что тот, во имя коего ему грозят, безгласным в придворной грамматике называется и т. д. Радищев ссылается на «Всеобщую придворную грамматику» Д. И. Фонвизина. Эта сатира построена в форме вопросов и ответов так, как обычно составлялись в XVIII веке учебники. Глава вторая «Грамматики» «О гласных и о частях речи» содержит пересказываемый Радищевым текст:

«Вопрос: Что разумеешь ты чрез гласных?

Ответ: Чрез гласных разумею тех сильных вельмож, кои по большей части самым простым звуком, чрез одно отверзтие рта, производят уже в безгласных то действие, какое им угодно. Например: если большой барин при докладе ему о каком-нибудь деле нахмурясь скажет: «о!» — того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном другим образом, и он, получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: «а!» — тогда дело обыкновенно в тот час и решено.

Вопрос: Сколько у двора бывает гласных?

Ответ: Обыкновенно мало: три, четыре, редко пять...

Вопрос: Что разумеешь ты чрез придворных безгласных?

Ответ: Они у двора точно то, что в азбуке буква «ъ», то есть сами собою, без помощи других букв, ника-

кого звука не производят». «Грамматика» Фонвизина должна была явиться частью журнала «Друг честных людей, или Стародум»; хотя его издание управа благочиния запретила, сатира получила широчайшее распространение в списках. Впрочем, Радищев мог познакомиться с текстом произведения и у самого Фонвизина, которому приходился дальним родственником и с братом которого (Петром) учился в Пажеском корпусе.

Он друг всякого придворного истопника и раб едва-едва при дворе нечто значащего. В «Житии Ф. В. Ушакова» Радищев охарактеризовал обстановку при дворе аналогичным образом (см. «Крестьцы»).

Клин

Клин — почтовая станция в 26 верстах от Завидова, с 1785 года — уездный город Московской губернии.

Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь. Слепой старик поет духовную песнь об Алексее, божьем человеке, представляющую собой стихотворную обработку жития святого Алексея (V в.). Сын знатного римлянина Евфремиана (он в духовном стихе именуется «боярин-князь Ефимиан»), Алексей, с детства отличавшийся благочестием, покинул родительский дом во время своей свадьбы и пространствовал много лет по «святым местам». Затем он вернулся и жил неузнанным в родительском доме, творя добрые дела; только после его смерти, благодаря разным чудесам, узнали, кто он такой. В разных вариантах трогательная духовная песнь об Алексее исполнялась нищими слепцами; она была одним из самых популярных произведений этого жанра, часто она встречается в рукописных сборниках. «Радищеву нужна была эта глава для того, чтобы... указать, какова, кроме

хлеба с мякиной и кислого кваса, была духовная пища крепостной деревни. До последней четверти XIX века, много лет спустя после «освобождения», даже грамотное крестьянство питалось преимущественно «житиями» святых; недаром народники и пропагандисты вкладывали в эти «жития» листовки подпольной печати» (Б а р с к о в, стр. 497).

Неискусный хотя его напев... проницал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели взрощенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди. Нередко эта фраза истолковывается в том смысле, что Радищев отдает предпочтение фольклору перед искусством, противопоставляет их и осуждает искусство. Однако такого противопоставления у писателя не было, он отлично понимал и ценил значение и силу подлинного искусства, в частности музыки и пения. «О вы, душу в исступление приводящие, Глюк, Паизиелло, Моцарт, Гайден, о вы, орудие сих изящных слагателей звуков, Маркези, Мара...» — восклицал Радищев в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» (II, стр. 51—52). У Радищева действительно есть противопоставление, но оно идет по другой линии: эстетическую и душевную чуткость простых слушателей, внемлющих «неискусному напеву» слепца, он ставит выше эстетической восприимчивости образованной столичной аудитории по отношению к виртуозному пению выдающихся мастеров. Названных в «Путешествии» итальянских певцов, знаменитых по всей Европе, Радищев, конечно, слышал во время их петербургских гастролей. Катарина Габриелли (1730—1796) пела на столичной сцене в 1774—1775 годах; Мария Франческа Лючия Тоди (1748—1793) была в России в 1780, а затем в 1784—1787 годах; Луиджи Маркези, или Маркезини (1755—1829), певец-сопрано (кастрат), приезжал в 1785—1788 годах.

Вертер — роман И. В. Гете «Страдания молодого Вертера» (1774). Произведение пользовалось огромным успехом у русских читателей еще в 70-е годы, когда с ним могли знакомиться в оригинале, а в 1781 году оно вышло в русском переводе Ф. Галченкова под названием «Страсти молодого Вертера».

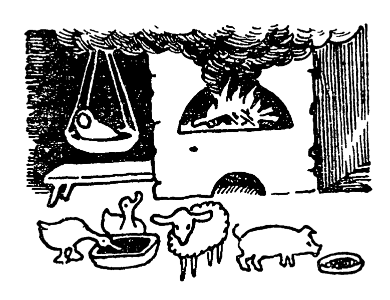
Денежки и полушки — мелкие медные монеты; две полушки составляли денежку, две денежки — копейку.

Терпеливо сношу его прещение. Прещение — здесь: наказание, воздаяние за грехи.

О! вы, последующие мне — т. е. те, кто младше меня, молодое поколение.

Тридцать лет сряду ем я свой пирог. Сопоставив эти слова с предшествующим рассказом старика, можно понять, что он служил в царствование Елизаветы Петровны и потерял глаза в одном из сражений с пруссаками во время Семилетней войны.

Пешки

Пешки — почтовая станция в 31 версте от Клина.

Плодами пота несчастных африканских невольников — см. «Вышний Волочок».

Бурмистр — деревенский староста или управляющий барским имением.

Да и то слава богу при нынешних неурожаях и т. д. Во второй половине 80-х годов Россия претерпела ряд неурожайных лет.

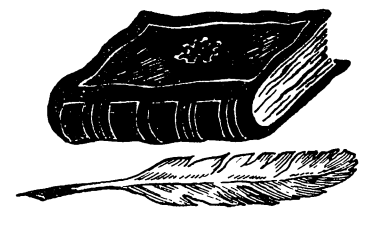
Четыре стены, до половины покрытые так, как и весь потолок, сажею и т. д. «В главе «Пешки» Радищев дает описание крестьянской избы — настолько точное и реалистичное, что советские музеи быта по нему изготовляют макеты «черной» избы XVIII века», — писал Н. К. Пиксанов (см.: «XVIII век», сб. 3. М.-Л., 1958, стр. 319). Действительно, во всей русской литературе XVIII века нет ничего равноценного радищевскому описанию избы. Отчасти предваряет его только «Отрывок путешествия в *** И*** Т***», напечатанный в 5-м и 14-м листах журнала «Живописец» за 1772 год. Опираясь на сходство содержания «Отрывка» с главами «Пешки» и «Любани» и на свидетельство П. А. Радищева о сотрудничестве

отца в «Живописце» (Биография А. Н. Радищева, стр. 105), большинство литературоведов считает автором «Отрывка» Радищева. Другие исследователи, расшифровывая буквы «И. Т.» как «издатель «Трутня», полагают, что «Отрывок» принадлежит перу Н. И. Новикова (см. также «Введение»).

Обувь, данная природою, — т. е. босые ноги.

О! если бы человек... исповедал бы неукротимому судии своему, совести, свои деяния. Претворенный в столп неподвижный громоподобным ее гласом, не пускался бы он на тайные злодеяния; редки бы тогда стали губительства, опустошения... и пр. и пр. и пр. В цензурной рукописи последняя фраза кончалась так: «... тогда стали на земли гибели и опустошения, коих причины сокрываются от нас в нощи неведения». Заменив концовку патетической тирады словами «и пр. и пр. и пр.», Радищев перевел ее в отчетливо иронический план, дабы отнять у читателя всякую возможность иллюзии, что «громоподобный глас» совести может заговорить в тех, кого писатель раньше назвал «зверями алчными», «пиявицами ненасытными».

Черная Грязь

Черная грязь — почтовый ям в 23 верстах от Пешек (и в 28 от Москвы).

Здесь я видел также изрядный опыт самовластия дворянского над крестьянами. О принудительном браке по воле барина Радищев писал в «Медном».

И неустройство сие в законе останется ненаказанным! Указ Петра I 1724 года, запрещавший родителям и помещикам принуждать к браку детей и крепостных, на практике постоянно нарушался (см. «Едрово», «Медное»). Радищев далее вскрывает социальные причины этого явления. Первая — корыстолюбие и зависимость священника («наемника») от помещика. Вторая — солидарность дво-

рян: наместник и губернатор, призванные соблюдать законы, такие же дворяне, как и помещик, нарушающий их.

Конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих. После этих слов в цензурной редакции следовало такое окончание «Путешествия»: «Погруженный в сих мыслях я, выехав с почтового стана, приближался уже к Москве. Проехал уже Всесвятское и сравнялся с краем прекрасной рощи, по конец его стоящей. Вдруг услышал выстрел и после того стенания болящего человека». Путешественник находит раненого, который покушался на самоубийство. «Я родился в изобилии, — рассказывает самоубийца, — возрощен в неге, не ведал нужды николи, был почитаем, отличен и в уважении; касался, казалося, воскраия сосуда сладостей, любил и был любим. Но все сие исчезло яко прах и сон. Нищ, презрен в горячности моей, уготован на поругание, — что остается делать тому, кто лишен и надежды?» История самоубийцы связана с похищением казны, но кто ее похитил, мы, читатели, не можем узнать, потому что в рукописи отсутствует два листа. «Мое блаженство, — заканчивает исповедь самоубийца, — теперь еще в моих руках; и дабы и ты не был жесток, сохраняя еще мне жизнь...

С проворством несказанным вложив пистолет в рот, спустил взведенный курок и приник к земле, не произнося ни малейшего стона.

Я с поспешностию удалился от сего полоумного, и въезд мой в Москву был скорбен.

Москва! Москва!»

Такое завершение книги Радищева не удовлетворило: в последней главе один трагический эпизод усугублялся другим, и это придавало концу произведения пессимистическую окраску. Введя в «Путешествие» новое окончание, писатель оптимистически завершил свою трагическую книгу. Сохранив восклицание об отдаленности революции, Радищев сразу же смягчил горький характер этой мысли шутливо-ироническим абзацем о «парнасском судье», вернув, таким образом, читателя к воспоминанию о «Вольности». «И вдруг мажорный конец — «Слово о Ломоносове», этом выходце из народа, панегирик гению ученого и укоризна придворному за лесть, неискренность, — «Слово о Ломоносове», утверждающее принцип действия, борьбы, дерзания, прокладывания новых путей», — так справедливо оценил идейно-композиционный смысл «Слова»

Г. П. Макогоненко (см.: «XVIII век», сб. 2. М.-Л., 1940, стр. 44).

Парнасский судья — «новомодный стихотворец», автор «Вольности» и «Слова о Ломоносове».

Слово о Ломоносове. Радищев начал работу над «Словом» как самостоятельным произведением в 1780 году, завершил в 1788 году. В цензуру оно было сдано отдельно, разрешено Н. И. Рылеевым к печати 25 сентября 1789 года. При включении «Слова» в «Путешествие» Радищев его несколько переработал. В XVIII веке «слово» — жанр ораторской прозы, проповедь или речь на тему религиозного или светского содержания. В «Слове о Ломоносове» Радищев вполне оригинален в жанровом отношении, ибо его произведение не подпадает под определения существовавших жанров. В какой-то мере «Слово о Ломоносове» близко к панегирикам (похвальным словам), но Радищев объединяет в нем свойства, присущие двум разным типам панегириков, — «слову похвальному высокой особе» и «слову похвальному действия достохвального». Вместе с тем Радищев далеко выходит за пределы «похвальных слов», резко критически оценивая слабые и уязвимые (с его, Радищева, точки зрения) моменты деятельности Ломоносова. Наконец, в «Слово» включены обобщения философского характера и политические размышления, есть элементы и того жанра, который через много десятилетий получит название историко-литературного эссе. К образу Ломоносова Радищева привели размышления о роли личности в истории; здесь конкретизируются теоретические положения по вопросу о путях формирования и значении выдающейся личности. Наряду с этим «Слово» — порождение той борьбы по вопросам литературы и культуры, которая велась во второй половине XVIII века и в которой имя Ломоносова в разное время играло разную роль. В 1780 году, когда Радищев начал писать «Слово», печатных материалов о Ломоносове было немного. Смерть великого поэта и ученого почти не нашла отклика в печати. Причина этого — неприязненное отношение к Ломоносову правительства и Академии наук, где руководящую роль играли давние враги Ломоносова. Первое публичное похвальное слово Ломоносову, произнесенное доктором медицины Леклерком, опубликовано не было. Первый печатный панегирик, сочиненный графом А. П. Шуваловым, появился летом 1765 года за границей на французском язы-

ке. Гениальный одиночка, выросший в дикой стране, великий поэт, не имевший ни предшественников, ни последователей (для «доказательства» этого автор изо всех сил чернит Кантемира, Тредиаковского и Сумарокова), — таким выглядит Ломоносов в изображении Шувалова, который всемерно подчеркивает благодеяния, коими будто бы осыпали Ломоносова русские императрицы и меценаты. Наряду с этим в ряде академических статей (особенно Я. Я. Штелина) доказывается, что Ломоносов был простым подражателем немецких поэтов. В возглавлявшемся Екатериной журнале «Всякая всячина» (1769) основное внимание направлено на борьбу с сатирой Сумарокова. О Ломоносове правительственный журнал просто умалчивает, зато расхваливается «второй Ломоносов» — близкий к придворным кругам поэт В. П. Петров. Такой позиции «Всякой всячины» журнал Н. И. Новикова «Трутень» противопоставляет стремление к объективной оценке писателей. Статья Новикова в его «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) положила начало изучению биографии Ломоносова. В 1774 году издал «Слово похвальное Михайле Васильевичу Ломоносову» поэт М. Н. Муравьев, который и позднее многократно писал о великом ученом, человеке и поэте, отмечал самобытность его гения. Это было последнее значительное произведение, посвященное Ломоносову, к моменту, когда Радищев начал работу над «Словом», ибо биография, приложенная к «Собранию разных сочинений» Ломоносова 1778 года, перепечатана из «Опыта» Новикова. Однако в первой половине 80-х годов Екатерина, доказывавшая в «Записках касательно российской истории» (см. «Новгород»), что благоденствие народа, его культура и даже язык зависят от государей, сочла необходимым прибегнуть к авторитету Ломоносова для поддержания стремительно падавшего престижа похвальной оды, которая все чаще подвергалась осмеянию. На Ломоносова набрасывается одеяние придворного — и только придворного — поэта, и такой подретушированный лик поэта прошлого становится как бы образцом для поэтов настоящего. Ломоносов велик как «певец Елисаветы» (иногда добавлялось: «и Шувалова»), его «благонамеренная» поэзия призвана противостоять сатире, «громкие оды» — предмет для подражания «певцам Екатерины». Эта официозная точка зрения пропагандируется в написанной М. И. Веревкиным биографии, которая открывает первый

том собрания сочинений Ломоносова, изданный Академией наук в 1784 году; здесь же вновь воскресает давняя версия о несамостоятельности его творчества, о зависимости Ломоносова от немецкой поэзии и теории стихосложения. Статский советник, милостью меценатов достигший славы, официальный одописец, певец «владычицы россов», но поэт-подражатель — таким должен был войти Ломоносов, согласно правительственной версии, в сознание потомства. Радищев и борется против этого позолоченного облика, доказывая, что не мундир статского советника, а обновление «российского стихотворства и красноречия» определяет облик Ломоносова-поэта, являясь частью его общей грандиозной деятельности.

Выгнала меня из моей кельи. Радищев жил на Грязной улице (ныне — ул. Марата, д. 14), недалеко от Александро-Невской лавры.

Невский монастырь (Александро-Невская лавра) был основан Петром I в 1713 году в память о победе, одержанной Александром Невским над шведами в 1240 году. Строительство монастыря велось на протяжении всего столетия, до 1790 года.

Озерки — так в XVIII веке называлась местность, расположенная за Невским монастырем. Она принадлежала Г. А. Потемкину.

Легкая завеса ночи едва-едва ли на синем своде была чувствительна. Примечание Радищева к этим словам — «Июнь» — имеет целью указать, что его прогулка происходила в белую ночь.

Невское кладбище — основанное в 1716 году Лазаревское кладбище, самое старое из расположенных на территории лавры. Здесь в 1765 году похоронен Ломоносов, в 1783 году — А. В. Радищева (Рубановская).

Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство и т. д. Граф М. Л. Воронцов воздвиг на могиле Ломоносова мраморный монумент с надписями на латинском и русском языках с перечислением его заслуг. Обе надписи были напечатаны в 10-м листе журнала «Трутень» за 1770 год, а в помещенной за ними статье говорилось: «Не можно воздержаться, чтобы не отдать справедливую похвалу покойному его сиятельству графу Воронцову. Монумент, воздвигнутый его тщанием и иждивением в честь имени покойного г. Ломоносова, возвестит позднейшим потомкам

состояние словесных наук нашего века». С последней фразой непосредственно и полемизирует Радищев.

Сужденный делить время свое между рыбным промыслом и старанием получить мзду своего труда. В. Д. Ломоносов был рыбаком и подрядчиком, поставлявшим припасы в окрестные города и монастыри. На промыслах и при денежных расчетах помощником отца был будущий поэт.

Обитель иноческих мусс (т. е. монашеских муз) — Славяно-греко-латинская академия, старейшее высшее учебное заведение, основанное в Москве в 1685 году.

Упорное прилежание в учении языков сделало Ломоносова согражданином Афин и Рима и т. д. Подробно говоря о важности знаний, полученных будущим поэтом и ученым в России, Радищев по существу опровергает легенду, согласно которой Ломоносов все знания в области поэзии, языка, теории стихосложения приобрел в Германии. Радищев пишет о том, что еще в академии Ломоносов изучил древние языки, ознакомился с античной культурой и с древнерусской литературой. Греческие и римские писатели открыли ему красоту поэтического слова, у них он получил основные понятия о теории искусства, о всех его «уловках». Античная поэзия учила его пониманию природы, изображению простых человеческих мыслей и чувств. Знакомство с «древними рукописями», «частое чтение церковных книг» положили основание «изящности слога» Ломоносова, были национальным источником его творчества и реформы в области литературного языка, которая явилась фундаментом реформы поэзии.

Какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство российского слова. Радищев имеет в виду статью Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке».

Он ученик стал славного Вольфа. С 1 января 1736 года Ломоносов был определен студентом университета при Академии наук в Петербурге. 13 марта 1736 года он с двумя товарищами назначен к отправке за границу для изучения математики, механики, физики, философии, химии, французского и немецкого языков, а затем — горного дела и металлургии. 3 ноября 1736 года русские студенты прибыли в немецкой город Марбург к профессору Христиану Вольфу (1679—1754), крупнейшему ученому-математику, физику и философу. Применение строго математического

метода к изложению философии было объективно направлено против церковной схоластики (поэтому у Радищева дальше: «Отрясая правила схоластики... преподанные ему в монашеских училищах». О схоластике — см. «Подберезье»).

Ломоносов... отправился в Фрейберг. В 1739 году русские студенты переехали в немецкий город Фрейберг, где их должен был обучать горному делу и металлургии профессор Генкель.

Желаешь ли снискать вящее искусство извлекати сребро и злато? Или не ведаешь, какое в мире сотворили они зло? Или забыл завоевание Америки? «Завоевание Америки, по Рейналю, имело пагубные последствия, так как увеличило алчность европейцев к золоту, повело к истреблению туземцев и вызвало торговлю невольниками» (Барсков, стр. 504).

Трепещущ нисходит в отверстие и т. д. Ломоносов использовал пребывание во Фрейберге для самостоятельного изучения горного дела, поскольку Генкель был плохим преподавателем, да и знания его были отсталыми. Результаты наблюдений и обобщений в этой области Ломоносов изложил в книге «Первые основания металлургии, или рудных дел» (1763), с приложением сочинений «О движении воздуха в рудниках» и «О слоях земных». Содержание этих работ и приводит Радищев в данном абзаце, обобщенно излагая идеи Ломоносова, явившиеся настолько новым словом в науке, что к ним мало что прибавило и следующее столетие. «Ломоносов впервые указал тот метод изучения геологических процессов, который был окончательно оформлен и введен в науку трудами Гоффа и Лайэлля лишь в XIX столетии. Он дал ряд гипотез, возникновение которых обыкновенно приписывали XIX столетию, например о происхождении каменного угля из торфяников, о растительном происхождении янтаря... Поднятие земных пластов и землетрясения он объяснял взрывами газов, накоплявшихся в воздушных парах... В «Слове о рождении металлов» он дает описание четырех видов землетрясений, к которым еще в конце XIX века геологи ничего не могли прибавить. Происхождение рудных жил, дающих металлы, Ломоносов объясняет их образованием из трещин, остающихся после землетрясений. Образование рудных отложений и россыпей он объясняет растворяющим действием воды и повторных землетрясе-

ний. Все это, высказанное 200 лет назад, весьма близко к современным взглядам на эти вопросы», — писал академик В. А. Стеклов (см.: Барсков, стр. 504).

Симеон Полоцкий (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, 1629—1680) — один из крупнейших деятелей древнерусской литературы, проповедник, драматург и поэт. В 1678 году Симеон предпринял переложение Псалтири в силлабические стихи, а в 1680 году «Псалтирь рифмотворная» издана в типографии, организованной Симеоном. Эта книга была одной из первых, прочитанных Ломоносовым.

Беседуя с Горацием, Виргилием и другими древними писателями, он давно уже удостоверился, что стихотворение российское весьма было несродно благогласию и важности языка нашего и т. д. Радищев говорит о том, что сравнение русских силлабических стихов (которыми написана «Псалтирь» Симеона Полоцкого) с греческими и латинскими показало Ломоносову еще в России («давно уже»), что силлабическое стихосложение («стихотворение») не соответствует природе русского языка, не раскрывает всех заложенных в нем богатых данных. Эти выводы подтвердились за границей наблюдениями над немецкими поэтами, в произведениях которых «стопы в стихах были расположены по свойству языка их». Так у Ломоносова возникла мысль создать новые правила стихосложения, «на благогласии нашего языка основанные», и сделать первый «опыт сочинения новообразными стихами».

Ода... на взятие Хотина (см. «Тверь») была прислана не из Марбурга, а уже из Фрейберга.

Сие первородное чадо стремящегося воображения по непроложенному пути в доказательство с другими купно послужило, что, когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет не одной тропинкою, но многими стезями вдруг. В последних словах Радищев говорит о деятельности Ломоносова как результате петровских преобразований. Этим тезисом и утверждением, что «Ода на взятие Хотина» оригинальна (выше Радищев указывал, что и мысль о необходимости реформы стихосложения родилась в России), автор «Слова о Ломоносове» решительно спорит как с панегириком А. П. Шувалова, рисовавшим поэта гениальным одиночкой в варварской стране, так и с академическими биографами Ломоно-

сова, доказывавшими, что и мысль о реформе стихосложения была заимствована в Германии, и «Ода на взятие Хотина» является переводом (Я. Штелин) или подражанием (М. И. Веревкин) немецкой оде поэта Гюнтера.

Сила воображения и живое чувствование не отвергают разыскания подробностей. Это положение — одно из важнейших в эстетической системе Радищева. Утверждая необходимость совмещения в искусстве эмоционального и рационального начал, говоря о необходимости укрепить природное дарование учением, советуя проникнуть в тайны художественного мастерства великих художников, Радищев, по существу, снимает противопоставление вдохновения рассудку. Употребляя позднейшую терминологию, можно сказать, что конфликт между романтическим (точнее предромантическим) и классицистическим отношением к искусству не существует для Радищева. А это не только помогает понять, почему Радищев, принимая одно в творческом наследии Ломоносова, отвергает другое, но и объясняет, почему сам Радищев вступил на путь реалистического метода, уходя в равной мере и от классицизма, и от предромантизма.

Ломоносов, давая примеры благогласия, знал, что изящность слога основана на правилах, языку свойственных. Радищев имеет в виду §§ 164—165 «Риторики» 1748 года, где Ломоносов утверждал, что «чистота штиля» «зависит от основательного знания языка», чему «способствует прилежное изучение правил грамматических». В более общем виде значение грамматики утверждается в посвящении к «Российской грамматике» 1755 года: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики» (Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7. М.—Л., 1952, стр. 236, 392).

Ломоносов составил свою грамматику. Написанная в 1754—1755 годах, «Российская грамматика» вышла из печати только в 1757 году. Далее Радищев вкратце излагает основные мысли, изложенные в «наставлении первом» грамматики Ломоносова «О человеческом слове вообще». Эту часть ломоносовской грамматики (Радищев далее именует ее «философическим рассуждением о слове вообще») автор «Слова о Ломоносове», по-видимому, оценивал выше других разделов. Во всяком случае, когда Радищев пишет о «малопритяжательном труде» Ломоносова

в целом, явно не случаен скептический оборот, касающийся «грамматических терний». В цензурной рукописи «Слова» ирония была выражена очень отчетливо: «Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебе славу; не чтут тебя они, яко нахмурившегося учителя, преподающего сухие и тощие правила своей речи, издряхлевшего над бесплодным разысканием различия падежей». Не «сухие и тощие правила» речи сами по себе, не «бесплодное разыскание различия падежей» в «грамматических терниях», считает Радищев, а широкий философский подход к языку позволил Ломоносову создать первую научную грамматику русского языка, в течение многих десятилетий бывшую образцом для всех последующих грамматик и выдержавшую к 1790 году семь изданий.

Ломоносов вознамерился руководствовать согражданам своим в стезях тернистых Геликона, показав им путь к красноречию, начертавая правила риторики и поэзии и т. д. В соответствии с классицистической теорией Ломоносов полагал, что в основе ораторского искусства и поэзии лежат общие правила красноречия, риторика. Поэтому он задумал труд в трех книгах, из которых первая, «Риторика», содержала в себе «учение о красноречии вообще, поколику оно до прозы и до стихов касается», вторая, «Оратория», должна была содержать «наставление к сочинению речей в прозе», третья, «Поэзия», — «учение о стихотворстве». «Риторика» вышла из печати в 1748 году и многократно переиздавалась, остальные же две части Ломоносов написать не успел. Решительно отвергая регламентацию искусства классицистическими «правилами», Радищев считает бесплодной теоретическую часть («томные предписания») ломоносовской «Риторики» и признает за ней известную ценность только из-за приводимых в ней примеров из сочинений древних и новых ораторов и поэтов.

Таков был Демосфен и т. д. Радищев называет знаменитейших ораторов прошлого и современности: древнего грека Демосфена (384—322 до н. э.), древнего римлянина Цицерона (106—43 до н. э.), англичан Уильяма Питта Старшего (1708—1778), Эдмунда Берка (Бурка, 1730—1797), Чарльза Джеймса Фокса (1749—1806), француза Оноре Габриеля Рикетти Мирабо (1749—1791).

Но если тщетный его был труд в преподавании правил тому, что более чувствовать должно, нежели твердить

и т. д. Вновь подчеркивая бесплодность «правил» для творческого процесса, Радищев далее, говоря о «столь редком, столь мало подражаемом, столь свойственном ему благогласии речи», указывает на то главное, что делает Ломоносова великим поэтом — индивидуальное своеобразие и оригинальность поэтического мастерства, природное дарование и талант («силу творения»).

Воображению вещал: лети в беспредельность мечтаний и возможности, собери яркие цветы одушевленного и, вождаяся вкусом, украшай оными самую неосязательность. «Беспредельность мечтаний и возможности» означает, по Радищеву, что весь мир конкретно-чувственный, мир материальной природы, и все, что постигает человек посредством мысли, абстракции, достойно поэтического вдохновения. Радищевская формула противостоит всем определениям «поэтической материи» в XVIII веке, она ломает ограниченные рамки классицизма, недооценивавшего конкретно-чувственный мир, и сентиментализма, ибо «мечтания» Радищева не уводящая от действительного мира богиня Фантазия дворянских сентименталистов. Эта формула раскрывает сущность творчества не столько Ломоносова (который сознательно ограничивал пределы поэзии высокими жанрами, призванными воспевать «славу героев, славу народа», и резко отрицательно относился как к сатире, так и к изображению в литературе личных чувств), сколько самого Радищева, и на примере его собственного творчества она может быть понята до конца. Именно творчество Радищева включало в себя изображение «блистательных картин обновляющейся природы» и нищей крестьянской избы, ставило глубочайшие философские вопросы и рассказывало о браке Дурындина, потрясало картинами человеческого страдания и позволяло заметить «краснопевую овсянку на смородинном кусточке». Но само открытие беспредельных возможностей поэзии Радищев приписывает Ломоносову.

И се паки гремевшая на Олимпических играх Пиндарова труба возгласила хвалу всевышнего во след псальмопевца. Пиндар (518? — 442 или 438 до н. э.) — древнегреческий лирик. В своих одах воспевал мир и согласие, прославлял победителей Олимпийских и Пифийских игр. Имя Пиндара в XVIII веке стало синонимом одописца, «громкого» лирика. В этой фразе Радищев пользуется именами Пиндара и Давида только как синонимами, обозначаю-

щими торжественные оды и духовные преложения псалмов. Речь идет лишь о Ломоносове, и смысл фразы таков: «И вот снова труба поэта, гремевшая громкие оды, возгласила хвалу всевышнему в преложениях псалмов». Радищев имеет в виду начало ломоносовского «Преложения псалма 145»: «Хвалу всевышнему владыке Потщися, дух мой, воссылать».

На ней возвестил Ломоносов величие предвечного, восседающего на крыле ветренней и т. д. Это краткий пересказ «Преложения псалма 103».

Умеряя глас трубы Пиндаровой, на ней же он воспел бренность человека и близкий предел его понятий и т. д. Здесь Радищев говорит о философской оде Ломоносова «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния» (1743), которая, в отличие от торжественных и духовных од высокого «штиля», написана средним «штилем» (на это указывает оборот: «Умеряя глас трубы Пиндаровой»):

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас сокрылись прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

Не Ломоносову, а Радищеву принадлежит вопрос: «Что есть разум человеческий?» — и ответ: «Се ты, о Ломоносов, одежда моя тебя не сокроет».

Не завидую тебе, что, следуя общему обычаю ласкати царям... ты льстил похвалою в стихах Елисавете и т. д. Императрице Елизавете Петровне (1709—1761, вступила на престол 25 ноября 1741 года) посвящено большинство од Ломоносова. В значительной части они имели программный характер, но иногда были и просто хвалебными. Именно эту сторону од Ломоносова официальная точка зрения выдвигала на первый план. Радищев же то, что признавалось в 80-х годах главным в деятельности Ломоносова, относит за счет наносного — влияния окружающей среды и личных качеств характера поэта, его «признатель-

ной ко благодеяниям души». В похвалах Елизавете не сила Ломоносова, а слабость, умолчать о которой «без уязвления истины и потомства» нельзя, но Радищев показывает то незначительное место, какое занимала лесть Елизавете в поэзии и тем более в общей грандиозной деятельности Ломоносова: «Прославиться всяк может подвигами, но ты был первый». Доказывая, что не льстивые оды, а обновление «российского стихотворства и красноречия» определяет облик Ломоносова, Радищев отвоевывал поэта для общенациональной, а не придворной культуры. Все же более объективный отзыв о программных одах Ломоносова дал М. Н. Муравьев, который одним из первых понял, что суть ломоносовской поэзии заключается не столько в прославлении, сколько в поучении царей: «Повелители народов, наместники божеския власти, градоначальники, притеките на глас гремящего витии, научитеся в стихах его должности своей», — обращался Муравьев к сильным мира сего (Слово похвальное Михайле Васильевичу Ломоносову. Спб., 1774, стр. 13).

Позавидует прелестной картине народного спокойствия и тишины, сей сильной ограды градов и сел, царств и царей утешения. Радищев имеет в виду 1-ю строфу «Оды на день восшествия на всероссийский престол... императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Но если ведаете, какое действие разум великого мужа имеет над общим разумом, то ведайте еще, что великий муж может родить великого мужа; и се венец твой победоносный. Плодотворность деятельности и истинное величие писателя, считает Радищев, определяются его воздействием на современников и последующие поколения.

О! Ломоносов, ты произвел Сумарокова. Слова эти крайне полемичны: Радищев спорит здесь и с самим Ломоносовым, пренебрежительно относившимся к Сумарокову

как писателю-сатирику и автору лирических стихотворений; называя Сумарокова «великим мужем», отвергает отрицательное отношение правительства к личности и деятельности писателя; возражает и Сумарокову, до конца жизни не признавшему своей зависимости от Ломоносова, и почитателям Сумарокова, которые утверждали, что он «своими бессмертными стихотворениями открыл еще прежде славного господина Ломоносова истинный путь к российскому Парнасу» («Санктпетербургский вестник», 1778, ч. I, стр. 39). Наконец, признав Ломоносова реформатором русской поэзии, а Сумарокова его достойным продолжателем-современником, Радищев отказывается от противопоставления двух крупнейших поэтов — противопоставления, которое еще при жизни обоих писателей исходило из придворных кругов и усиленно поддерживалось проправительственной печатью в 80-е годы.

Но если действие стихов Ломоносова могло размашистый сделать шаг в образовании стихотворческого понятия его современников, красноречие его чувствительного или явного ударения не сделало, и т. д. Равного Сумарокову последователя Ломоносова в области прозы и ораторского искусства («витийства») Радищев не находит и усматривает влияние его прозы более на «общем образе письма», чем в области гражданского красноречия. Подобно Фонвизину, утверждавшему, что недостаток ораторов в России объясняется отсутствием условий, способствующих развитию искусства красноречия (нет ни народных собраний, ни парламента), Радищев, не говоря прямо о причинах (хотя к этому ведет данный им выше перечень имен знаменитейших ораторов-республиканцев или деятелей парламентов), называет «бесплодно употребленными» блестящие ораторские приемы похвальных слов Ломоносова, не удовлетворявших писателя-революционера своим содержанием. Он предсказывает появление прозаика, который, учтя великолепное искусство Ломоносова («будет твой воспитанник»), проложит путь новому, действительно гражданскому витийству, незнакомому самодержавной России. «Далеко ли время сие или близко, блудящий взор, скитаяся в неизвестности грядущего, не находит подножия остановиться».

Но ты, зревший самого Ломоносова и в творениях его поучаяся, может быть, велеречию, забвен мною не будешь. Говоря о воздействии красноречия Ломоносова на цер-

ковных проповедников, Радищев обращается к митрополиту московскому Платону Левшину (1737—1812), славившемуся ораторским искусством. Значительно упростив язык своих проповедей (в чем Радищев усматривает влияние Ломоносова), Платон делал свои речи более доходчивыми для слушателей, чем церковные ораторы XVII — начала XVIII века. Иногда он поражал слушателей смелым и неожиданным оборотом речи, внезапным движением. Об одном таком эпизоде говорит Радищев. После получения известия о победе русского флота над турецким в Чесменской битве Платон читал проповедь в Петропавловском соборе. Перечислив в своей речи подвиги Петра I, он вдруг сошел с кафедры, подошел к гробнице Петра и, коснувшись ее, воскликнул: «Восстань теперь, великий монарх, отечества нашего отец! Восстань и воззри на любезное изобретение твое, оно не истлело от времени, и слава его не помрачилась. Восстань и насладися плодами трудов твоих» (см.: Барсков, стр. 507). В 1763—1773 годах Платон был при дворе в Петербурге, и Радищев неоднократно слушал его публичные проповеди, когда был в Пажеском корпусе и служил в Сенате.

В Платоне душа Платона... тому учило его сердце. Отдавая должное душе и сердцу митрополита Платона, Радищев сравнивает его с древнегреческим философом Платоном (438/37—348/47 до н. э.). Платон Левшин был выдающимся церковным писателем, имел склонность к философии и отличался достаточной независимостью по отношению к императрице. Так, например, получив указ Екатерины от 23 декабря 1785 года с повелением «испытать» Н. И. Новикова в религиозных вопросах (причем императрица весьма недвусмысленно писала о масонских «умствованиях» Новикова, «не сходных с простыми и чистыми правилами веры нашей»), Платон ответил: «Я одолжаюсь по совести и сану моему донести тебе, что молю всещедрого бога, чтобы... во всем мире были христиане таковые, как Новиков» (М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, стр. 035).

Истина есть высшее для нас божество. Выдвинув принцип «истины» «в люблении», Радищев борется против канонизации образа Ломоносова.

Следуя истине, не будем в Ломоносове искать великого дееписателя — т. е. историка. Радищев весьма низко оценивает исторические труды Ломоносова (см. «Новгород»)

и отказывается поставить его в один ряд с великим римским историком, обличителем императорского Рима Тацитом (см. «Подберезье»), выдающимися историками-просветителями Гийомом Рейналем (см. «Чудово») и Уильямом Робертсоном (1721—1793), автором «Истории Америки».

Маркграф — Андреас Сигизмунд Маргграф (1709—1802) — немецкий химик.

Ридигер — по-видимому, Андреас Рюдигер (1673—1731), немецкий ученый. Менее вероятно, что Радищев имеет в виду немецкого астронома Христиана Фридриха Рюдигера (1760—1808).

Многие дни жития своего провел он в исследовании истин естественности, но шествие его было шествие последователя. В оценке деятельности Ломоносова-естествоиспытателя Радищев несправедлив. Только наука XX столетия смогла в полной мере оценить гениальность научных открытий Ломоносова, и только теперь ясно, насколько Ломоносов в ряде проблем опередил свое время. Однако Радищев руководствовался, по-видимому, отзывами ученых — современников и недругов Ломоносова, которые утверждали, что он умеет только «избирать полезнейшее из иностранных книг» и «оное сообщает российским согражданам» («Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», 1763, ноябрь, стр. 455), то есть именовали Ломоносова последователем и популяризатором чужих открытий.

Франклин Вениамин (1706—1790) — один из наиболее крупных деятелей американской революции, ученый-физик, изобретатель громоотвода. Приведенная Радищевым надпись под его бюстом: «Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей» — взята у Рейналя. При этом Радищев несколько изменил текст, поставив слово «царей» (т. е. монархов вообще) вместо значившегося в оригинале «тиранов», тем самым превратив тираноборческую тираду в антимонархическую (см.: Карякин и Плимак, стр. 103). Считая Ломоносова последователем Франклина в изучении электричества и изобретении громоотвода, Радищев ошибается. Здесь истина на стороне М. Н. Муравьева, который утверждал, что Ломоносов изучал явления электричества независимо от Франклина и «силою собственного размышления доходил до тех же заключений и разделял с ним славу изобретения» (М. Н. Муравьев. Полное собрание сочинений, ч. III. СПб., 1820, стр. 216).

Бакон Веруламский — Френсис Бэкон (1561—1626), английский философ-материалист, родоначальник научного метода, опирающегося на наблюдение и опыт, и основатель естественных наук нового времени.

И мы не почтем Ломоносова для того, что не разумел правил позорищного стихотворения — то есть драматургии. Радищев говорит о неудачных трагедиях Ломоносова «Тамира и Селим» (1750) и «Демофонт» (1750—1751), в которых лирические элементы преобладают над драматургическими. В гораздо большей степени Радищева удовлетворяли трагедии Сумарокова, величайшим же трагиком он считал Шекспира. Под «правилами позорищного стихотворения» Радищев понимает законы драматургического творчества, а не классицистические «правила трех единств» — времени, места и действия, — которые у Ломоносова соблюдены. Далее Радищев скептически отзывается об эпической поэме «Петр Великий» (1756—1761), критикует Ломоносова за отсутствие в стихах чувствительности, за многословие его од. К этому следует добавить рассуждения «новомодного стихотворца» — «автора» «Слова» — о метрическом однообразии ломоносовской поэзии (см. «Тверь»).

Но внемли: прежде начатия времен и т. д. Радищев прибегает к библейскому мифу о сотворении мира (который он раньше использовал в оратории «Творение мира» и заключительной строфе «Вольности»).

Первый мах в творении всесилен был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия и т. д. Истинное бессмертие личности, считает Радищев, заключается в ее воздействии на умы современников и грядущие поколения. Тот, кто дает новый толчок прогрессу, достоин признательности потомства. Когда Радищев писал эти слова, он имел в виду не только Ломоносова, но и себя, первого «прорицателя вольности», первого революционного писателя России.

Оно нелицемерно. Екатерина II написала о «Слове»: «Тут вмещена хвала Мирабоа, который не единой, но многия висельницы достоин; тут императрице Елисавете Петровне оказано непочтение. Тут видно, что сочинитель не сущий христианин. И вероподобие оказывается, что он себя определил начальником, книгою ли, или инако, исторгнуть скипетры из рук царей» (Процесс, стр. 164).

Всесвятское — село под Москвой (ныне находится в черте города).

Москва! Москва!!! После этих слов в печатном тексте следует: «С дозволения Управы Благочиния». По существовавшим законам цензурная помета должна была находиться на титульном листе книги, и Радищев об этом правиле отлично знал. Поэтому очевидно, что помещение цензурного разрешения на последней странице вместо титульного листа входило в авторский замысел Радищева: только еще взяв «Путешествие» в руки, читатель сразу должен быть ощутить необычный, бесцензурный, противозаконный характер первой русской революционной книги — «Путешествия из Петербурга в Москву».

СЛОВАРЬ УСТАРЕЛЫХ И РЕДКО УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СЛОВ

Авгуры — римские жрецы, гадатели по полету и крику птиц.
Амо — где, куда.
Арг — Аргус, стоглазый великан в греческой мифологии; в переносном значении — неусыпный страж.
Аруспиции — гаруспики, римские жрецы, предсказывавшие будущее по внутренностям жертвенных животных.

Благогласие — гармония.
Бо — ибо, так как.
Брашно — еда, пища.
Бриарей — мифический сторукий и пятидесятиголовый великан.
Буде — если.
Бурлак — крестьянин, ушедший из деревни на заработки.
Былие — растение, злак.

Велеречие — красноречие; звучность.
Вертеп — пещера.
Вина — причина.
Возовик — ломовая лошадь.
Волхв — волшебник, чародей, знахарь.
Волчец — сорная трава.
Времяточие — эпоха.

Глагол — слово, речь.
Горé — кверху, вверху.
Горячность — любовь, страсть.
Гудочное брякание — игра на гудке, примитивном струнном инструменте.

Десница — правая рука.
Довлеет — следует, надлежит.
Доднесь — доныне.
Дондеже — до тех пор, пока.

Егда — когда.
Егид — Эгида, у древних греков священный щит Зевса. В переносном смысле — защита, покровительство.
Единожитие — личная жизнь.
Еже — которое.
Елико — насколько, сколько.
Естество — природа, натура; порядок или законы ее; существо.

Зане — ибо, потому что.
Зеницы — зрачки, глаза.

Каляка — увечный, урод, калека.
Клас — колос.
Клеть — амбар, сарай.
Колико — сколько, насколько.
Контрфорсы — боковые подпоры.
Копоткий — медлительный.
Кормило — руль.
Крайчий — кравчий, служитель, разрезающий за столом пироги, жаркое и т. д.
Кубарь — волчок, вертушка, подгоняемая при вращении кнутиком или плеткой.
Куколь — сорная трава, плевел.
Купно — совместно, вместе.
Купчая — официально зарегистрированный документ о купле-продаже какого-либо имущества или крепостных.

Ланиды — ланиты, щеки.
Ласкательство — лесть.
Ласкаться — льстить себя надеждой, надеяться.
Лик — хор; лицо.
Лицеприятство — пристрастность, предпочтение одного другому по личным отношениям.

Личина — маска.
Любомудрие — философия.
Любострастие — сластолюбие, разврат; чувственность.
Любочестие — честолюбие.

Мета — цель, предел.

Нижé — ни даже; даже ни.
Николи — никогда.
Нимфы — мифологические божества женского пола, олицетворявшие стихийные силы природы; в переносном смысле — прекрасные девушки.
Нудить — заставлять, принуждать, вынуждать.

Отжену — отгоню.
Отишие — убежище; затишье.
Отмена — отличие.
Отриновен — отрешен, отделен.

Паки — снова, опять, еще.
Пастырь — пастух.
Паче — более.
Плещут — аплодируют.
Подвизать — побуждать.
Поженет — уничтожит.
Позорище — зрелище; театр.
Ползущество — пресмыкательство.
Помавающий — кивающий; манящий.
Поносный — позорный, постыдный.
Посконная — холщовая.
Посул — мзда, возмездие.
Претит — запрещает.
Претор — высшее после консула лицо в Древнем Риме.
Присно — всегда.
Прозябать — произрастать.

Равви — раввин, еврейский священник.
Рамена — плечи.
Рек, рекл — сказал, произнес.
Ренское — белое виноградное вино.
Ристалище — поприще, поле деятельности; место состязания.
Розговины — день после поста, когда едят мясную пищу.
Рукодел — мастеровой, ремесленник.

Святцы — церковный календарь с молитвами.
Селитьба — населенное место.
Сиделец — приказчик, продавец в лавке.
Сице — так.
Скаредный — гнусный, мерзкий
Скосырь — забияка, наглец.
Словутый — славный, знаменитый.
Соборный — соединенный, народный.
Сугубый — удвоенный.

Татьство — разбой, грабеж, кража, похищение.
Терние — терновник, колючий кустарник.
Течь — идти.
Тля — тленность, прах, гниль.
Толико — столько
Томный — тяжкий, удручающий; печальный, скучный; утомительный; утомленный.
Тук — жир; удобрение.

Убо — поэтому, ибо.
Усугубляется — раздваивается.

Хвилый — хилый, слабый.

Чесатель — парикмахер.
Чикчеры — длинные штаны в обтяжку.
Чиносостояние — сословие.
Чрезъестественный — сверхъестественный.

Шественный — идущий.
Шуйца — левая рука.

Яко — как.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В КОММЕНТАРИИ

Барсков — Я. Л. Барсков. Примечания к тексту первого издания «Путешествия». — В кн.: А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Том II. Материалы к изучению «Путешествия». М. — Л., «Academia», 1935.

Барсков, Переписка — Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915.

Барсков, Торжок — Я. Л. Барсков. А. Н. Радищев — «Торжок». — В кн.: «XVIII век», сб. 2. М. — Л., Изд. АН СССР, 1940.

Биография А. Н. Радищева — Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М. — Л., Изд. АН СССР, 1959.

Вернадский — Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.

Гуковский, Очерки — Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., ГИХЛ, 1938.

Дек. — Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Том I—III. Госполитиздат, 1951.

В. А. Западов, Цензура — В. А. Западов. Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х годов XVIII века. — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», том 414. Л., 1971.

Карякин и Плимак — Ю. Ф. Карякин и Е. Г. Плимак. Запретная мысль обретает свободу. М., «Наука», 1966.

Кулакова, Очерки — Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., «Просвещение», 1968.

Лященко — П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Том I. Докапиталистические формации. Госполитиздат, 1952.

«Наказ» — Наказ ея императорского величества Екатерины Вторыя, самодержицы всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, с принадлежащими к тому приложениями. Спб., 1776.

Макогоненко, От Фонвизина до Пушкина — Г. П. Макогоненко. От Фонвизина до Пушкина. М., «Художественная литература», 1969.

Макогоненко, Радищев и его время — Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. М., ГИХЛ, 1956.

Процесс — Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. М. — Л., Изд. АН СССР, 1952.

Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. М. — Л., Изд. АН СССР, 1949.

Русская проза XVIII века — Русская проза XVIII века. Том I—II. М. — Л., ГИХЛ, 1950.

Руссо, Трактаты — Жан-Жак Руссо. Трактаты. М., «Наука», 1969.

Семевский — В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Том I. СПб., 1903; том II. СПб., 1901.

Семенников — В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М. — Пг., ГИЗ, 1923.
Соч. — А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Том I—III. М. — Л., Изд. АН СССР, 1938—1952.
Соч. Державина — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Том I—IX. СПб., 1864—1883.
Соч. Екатерины — Сочинения императрицы Екатерины II, на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А. Н. Пыпина. Том I—V, VII—XII. СПб., 1901—1907.
Старцев — А. И. Старцев. Радищев в годы «Путешествия». М., «Советский писатель», 1960.
Старцев, Университетские годы — А. И. Старцев. Университетские годы Радищева. М., «Советский писатель», 1956.
Татаринцев, Вокруг Радищева — А. Г. Татаринцев. Вокруг Радищева. — «Русская литература», 1967, № 1.
Татаринцев, Сатирическое воззвание — А. Г. Татаринцев. Сатирическое воззвание к возмущению. Изд. Саратовского ГУ, 1965.
Туманский — Ф. О. Туманский. Опыт повествования о деяниях, положении и разделении Санктпетербургской губернии (рукопись, хранящаяся в ГПБ).
Фонвизин, Сочинения — Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах. М. — Л., ГИХЛ, 1959.
Фурсенко — В. В. Фурсенко. Письма А. М. Кутузова к И. П. Тургеневу. — В кн.: Труды по русской и славянской филологии, том VI. «Ученые записки Тартуского университета», вып. 139. Тарту, 1963.
Храповицкий — Дневник А. В. Храповицкого. М., 1901 (1902).

Любовь Ивановна Кулакова

Владимир Александрович Западов

А. Н. РАДИЩЕВ «ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»
КОММЕНТАРИИ

Редактор *Т. Н. Орлова*. Художник *С. И. Барабошин*. Художественный редактор *В. Б. Михневич*. Технический редактор *З. А. Соловьева*. Корректор *Т. С. Клименко*.

Сдано в набор 16/X 1973 г. Подписано к печати 27/V 1974 г. М-28185. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Типографская № 2. Печ. л. 8,0. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,88. Тираж 150 000 экз. Цена без переплета 37 к. Переплет коленкоровый 20 к.

Ленинградское отделение издательства «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Невский пр., 28. Заказ № 1198.

Отпечатано с матриц полиграфкомбинатом им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

Л. И. КУЛАКОВА
В. А. ЗАПАДОВ

А. Н. Радищев „Путешествие из Петербурга в Москву“

КОММЕНТАРИЙ

Радищев „Путешествие из Петербурга в Москву“ КОММЕНТАРИЙ